

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)



МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

ТЕМА НОМЕРА:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ
ВОПРОСОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ



2023 № 3

ISSN 2949-5091 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Пецова Е. А. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ, ГУП

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. – д-р юрид. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. – канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Алешкова И. А. – канд. юрид. наук, доц., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва);

Антонян Ю. М. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, ГУП;

Арзамасов Ю. Г. – д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Амбростер К. – доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Глотов С. А. – д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, МГИМО (У) МИД РФ;

Долинская В. В. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. – PhD, проф., Палский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. – канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. – д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Моравчикова М. – PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Расолов И. М. – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. – д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. – д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. – канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Субочев В. В. – д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ;

Хатчинсон С. К. – доктор права, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. – PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. – д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва);

Шматков И. И. – канд. юрид. наук, доц., Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Республика Беларусь)

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. – 2023. – № 3. – 112 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal" State University of Education

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of Moscow Region, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, SUE

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. A. Alekhkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Prof., SUE

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Ambrewster – Doctor of Law, Prof., University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Prof., Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State Social University (Moscow);

V. V. Subochev – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

S. Ch. Hutchinson – PhD, Prof., University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Prof., Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow);

I. I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Republic of Belarus)

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2023. – No. 3. – 112 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера..... 6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Певцова Е. А., Пащенко Д. А. Правовая культура постиндустриального общества:
методологические основы исследования 8

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Место методологических проблем в исследованиях
историков права 17

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Коданева С. И. Роль экологического правосознания в формировании экологической
культуры населения России. 24

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Конструирование органов местного самоуправления:
опыт Российской Федерации и стран Евразийского экономического союза 33

Юн Л. В. Актуальные проблемы реализации права ребёнка на благоприятную
окружающую среду. 46

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Гольшиева А. В., Гольшиев В. Г. Об отдельных аспектах применения судами норм
гражданского законодательства об аренде. 56

Григорьева О. Г. Современный социализм: правовое регулирование собственности
(на примере Китая, Вьетнама, Северной Кореи) 62

Долинская В. В., Летуа Т. В. Животные как источник повышенной опасности 73

Трибуна молодого учёного

Карпович В. Э. К вопросу об установлении местонахождения лиц, подлежащих выдаче
и скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях 83

Клюков В. Д. Специфика признания права доступа к информации в деятельности
института уполномоченного в субъекте Российской Федерации. 93

Сапельченко Н. Е. Право на биобезопасность и право на неприкосновенность личности
в системе охраны здоровья, обеспечения населения безопасной окружающей средой. ... 100

РЕЦЕНЗИИ

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. From the Law of War to the Law for Peace,
Право вооружённых конфликтов в правовой действительности,
или Рецензия на публикацию: Международное гуманитарное право: учебник /
под науч. ред. В. В. Алешина, А. Ю. Ястребовой. М.: Проспект, 2023. 232 с. 107

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue 6

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING CURRENT ISSUES OF LEGAL SCIENCE

E. Pevtsova, D. Pashentsev. Legal Culture of Post-Industrial Society: Methodological Basis
of Research 8
A. Dorskaya, A. Dorskiy. Place of Methodological Challenges in Studies of Legal Historians 17

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

S. Kodaneva. The Role of Ecological Legal Awareness in the Formation of Ecological Culture
of the Russian Population 24

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

S. Bagdasaryan, T. Grishina. Designing Local Self-Government Bodies:
The Experience of the Russian Federation and the Countries of the Eurasian
Economic Union 33
L. Yun. Current Problems of Realizing the Right of Children to a Favorable Environment 46

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

A. Golysheva, V. Golyshev. About Selected Aspects of Application by Courts of the Norms
of Civil Legislation on Rent 56
O. Grigorieva. Modern Socialism: Legal Regulation of Property (On the Example of China,
Vietnam, North Korea). 62
V. Dolinskaya, T. Letuta. Animals as a Source of Increased Danger 73

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

V. Karpovich. On the Issue of Establishing the Location of Persons Subject to Extradition
and Hiding in Remote and Hard-to-Reach Areas 83
V. Klyukov. Specifics of Recognition of the Right to Access to Information in the Activities
of the Institute of the Commissioner in the Subject of the Russian Federation 93
N. Sapelchenko. The Right to Biosafety and the Right to Personal Integrity in the Health
Care System, Providing the Population with a Safe Environment. 100

REVIEWS

I. Umnova-Koniukhova, I. Aleshkova. From the Law of War to the Law for Peace, Law
of Armed Conflict in Legal Validity or Publication Review: Aleshin V. V., Yastrebova A. Yu., eds.
International Humanitarian law: Textbook. Moscow, Prospect Publ., 2023. 232 p. 107

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

Дорогие читатели!

Методологические вопросы развития любой науки волновали человечество на протяжении многих веков, ведь любого юриста-учёного всегда интересовало то, как, каким образом, с помощью какого инструментария следует вести научное исследование, как сделать так, чтобы наиболее эффективно и относительно быстро достичь результата, подтверждающего или опровергающего выдвинутую гипотезу. Однако совокупность различных методов исследования, которые стали основой методологии юридической науки, может быть абсолютно разной.

Зачастую, встав на путь исследования, молодой учёный не всегда осознаёт значимость методологии науки. Более того, в последние годы появилась тяга к научно-практическим проблематикам, появляются и высказывания, которые стали игнорировать методологию исследования, понимая под этим слишком «теоретизированные» подходы. По последним социологическим исследованиям, которые на эмпирическом уровне проведены экспертами Российского общества «Знание», выявлено, что представители студенческой молодёжи иногда с трудом осознают, что предлагают учёные в тех или иных научных трактах, лекциях и встречах. Возникло новое «направление»: «популяризаторство в науке», – когда простыми словами предполагается донести до большинства аудитории суть того, в чём смысл исследования. Вместе с тем, именно новые сложные темы, которые появляются сегодня в юриспруденции, диктуют настоятельную потребность разобраться с проблемой методологических основ исследования актуальных вопросов, в частности в исследованиях историков права, при изучении правовой культуры общества. Последнее понятие с позиции теории права есть сложный феномен, структурно состоящий из отдельных элементов, взаимосвязанных между собой. Кроме того, насчитывается более 250 определений правовой культуры, высказанных различными учёными и общественными деятелями.

Многие возникающие сегодня методологические проблемы имеют разноплановые подходы к решению. Сложилась разные научные школы понимания структуры методологии, соотношения ключевых понятий, например, таких как «метод», «методика» и проч. В теории права есть точка зрения, в соответствии с которой методология понимается как система методов, т. е. совокупность методов и является основой методологии. В некоторых случаях система методов, которые используются в юридической науке, представляется как составная часть методологии. Есть и прямо отличительная позиция, которая принадлежит научной точке зрения В. М. Сырых: методы носят объективный характер, и они должны познаваться в результате специальных научных исследований. Другой известный учёный Д. А. Керимов в своих публикациях указывал, что соотношение метода и самой методологии «есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания»¹, как соотношение целого, под которым понимается методология, и части, а именно самого метода, который выбирает исследователь. При этом любой учёный на своём опыте уже удостоверился в том, что изучение предмета, например правовой культуры общества, есть процесс, который может быть разделён на последовательные стадии. На разных уровнях позна-

¹ Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта, 2000. С. 52.

ния значимым становится тот или иной метод. Однако так или иначе используемые в совокупности методы пересекаются. Например, частнонаучный метод не может не основываться на всеобщих методах, ведь любые категории философии являются основой выдвинутой в юридической науке мировоззренческой позиции.

Совершенно справедливо указал много лет тому назад Б. А. Кистяковский, что «ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключающих друг друга»¹. При этом важно помнить, что юридической наукой накоплен большой опыт формирования собственных юридических методов исследований. Надеемся, что научные идеи авторов статей в этом номере, позволят раскрыть важные секреты методологии юридической науки и дадут старт новым конкретным разработкам в современной юридической науке.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
главный редактор «Московского юридического журнала»*

¹ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. С. 374.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 340.115

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-8-16

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Певцова Е. А.¹, Пашенцев Д. А.²

¹Российский государственный университет народного хозяйства имени В. И. Вернадского
119571, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 50, Российская Федерация

²Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности методологических подходов, применимых к исследованию правовой культуры в постиндустриальном обществе.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели в качестве методологической основы исследования использована методология антропоцентризма как направления в рамках современного постклассического подхода к праву. Используются также положения конструктивизма для определения роли человека как субъекта права в конструировании правовой культуры.

Результаты. В статье обосновано, что антропоцентризм, объявляя человека центром правовой системы, актуализирует исследование правовой культуры и детерминирующих её особенности факторов. Констатируется, что выявление закономерностей динамики правовой культуры в постиндустриальном обществе возможно только на основе междисциплинарного синтеза с учётом принципов постнеклассической научной рациональности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированные в статье выводы имеют важное значение для совершенствования методологии исследований современной правовой реальности.

Ключевые слова: правовая культура, антропоцентризм в праве, конструктивизм, постиндустриальное общество, методология

LEGAL CULTURE OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY: METHODOLOGICAL BASIS OF RESEARCH

E. Pevtsova¹, D. Pashentsev²

¹V.I. Vernadsky Russian State University of National Economy
shosse Entuziastov 50, Moscow 119571, Russian Federation

²Moscow City Pedagogical University

2-y Selskokhozyaystvennyy proyezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. Identify the features of methodological approaches applicable to the study of legal culture in a post-industrial society.

© CC BY Певцова Е. А., Пашенцев Д. А., 2023.

Methodology. To achieve this goal, the methodology of anthropocentrism as a direction within the framework of the modern post-classical approach to law was used as the methodological basis of the study. The provisions of constructivism are also used to determine the role of man as a subject of law in the construction of legal culture.

Results. The article justifies that anthropocentrism, declaring a person the center of the legal system, actualizes the study of legal culture and the factors determining its features. It is stated that the identification of patterns of the dynamics of legal culture in post-industrial society is possible only on the basis of interdisciplinary synthesis, taking into account the principles of post-nonclassical scientific rationality.

Keywords: legal culture, anthropocentrism in law, constructivism, post-industrial society, methodology

Введение

Актуальность исследования определяется, во-первых, системообразующей ролью правовой культуры в функционировании национальной правовой системы, во-вторых, переходом к новой, постнеклассической научной рациональности, существенно изменяющей методологические принципы исследования правовой реальности.

Исследование динамики правовой культуры, её базовых параметров в условиях формирования общества нового типа должно опираться на современные подходы к пониманию правовой культуры, её структуры и социальной обусловленности.

В отечественной юридической науке вопросы правовой культуры рассматриваются, как правило, в работах по теории и философии права (например, в работах В. Н. Карташова, О. Ю. Рыбакова, В. П. Сальникова и др.). Это представляется закономерным, учитывая, что правовая культура, с одной стороны, является важной качественной характеристикой развития правовой сферы общества, с другой стороны, выходит за рамки юриспруденции, т. к. связана с общей культурой социума.

Научная задача, поставленная в статье, состоит в выявлении потенциала постнеклассической научной рациональности и характерных для неё методов в исследовании правовой культуры и её базовых параметров. Для решения этой задачи использованы как общенаучные методы познания (анализ и синтез), так и специальные методологические подходы постклассической

теории права (конструктивизм и антропоцентризм).

Развитие правовой культуры и её особенности определяются спецификой конкретного социума, его правовой системой, менталитетом его членов. Общество, как и существующая у него правовая система, активно взаимодействует с окружающей средой, обменивается энергией, информацией, нормами и институтами. Культура служит надбиологическим способом трансляции человеческого общества, адаптационным социальным механизмом [2, с. 25].

Правовая культура как важное юридическое понятие обладает следующими признаками:

- складывается исторически как разновидность духовно-материальной культуры;
- опирается на определённый набор правовых ценностей;
- отражает качественное состояние правовой системы и общественного правосознания;
- характеризует уровень правового развития личности;
- обеспечивает упорядоченность и управляемость общественных отношений;
- позитивно влияет на общество и все его элементы [3, с. 25].

Понятие правовой культуры неразрывно связано с юридическими ценностями, с качеством правовой системы, с правовым развитием личности [9, с. 203]. Таким образом, оно является синтезирующим для личности с её правовым статусом, для общества с его правовой системой, для государства с принимаемым им законодательством и формируемой системой пра-

воприменения. Оно интегрирует правовые и неправовые элементы, «прокладывает мостик» между нормами права и правосознанием.

Современное российское общество находится в кризисном состоянии, что определяет переходный периодом от индустриального к постиндустриальному этапу развития, а также произошедшими социально-политическими переменами, вызвавшими раскол в обществе.

Распад СССР в 1991 г. сопровождался демократическими преобразованиями государственной власти, становлением рыночных отношений, попыткой интеграции страны в мировое сообщество. Проведение реформ требовало соответствующей правовой базы, поэтому коренной модернизации подверглась вся система отечественного законодательства. Столь резкие перемены негативно сказались на правовой культуре, привели к росту правового нигилизма, к взрывному увеличению преступности. Несмотря на прошедшие 30 лет, последствия распада СССР ещё в полной мере не изжиты, часть общества ещё не адаптирована к новым социально-экономической, политической и правовой реальностям. Таким образом, вызов новой технологической реальности накладывается на последствия социальных потрясений 1990-х гг., что утяжеляет негативные аспекты его влияния на отечественную правовую культуру.

Правовая культура – сложное понятие и явление. Необходим комплексный подход к её теоретико-правовой интерпретации. Исследование сущностных характеристик правовой культуры и их динамики в условиях постиндустриального общества предполагает проведение научного поиска в рамках нескольких методологических подходов с признанием объективной необходимости междисциплинарного синтеза.

Во-первых, правовая культура выступает порождением правовой традиции, результатом её исторического развития, что определяет необходимость обращения к методам историко-правовой науки.

Во-вторых, исследование постиндустриального общества как среды суще-

ствования правовой культуры детерминирует необходимость обращения к методам социологии и экономической теории, с помощью которых возможно раскрыть основные характеристики этого общества.

В-третьих, перспективно-прогностический характер исследования актуализирует использование принципов и подходов, применяемых в рамках современной научной рациональности.

Новая научная рациональность

Современная наука вступила в новую стадию своего развития, о чём убедительно писал академик В. С. Степин. Он отмечал, что в истории науки «можно выделить такие периоды, когда преобразовывались все компоненты её оснований», и эти периоды вполне можно «рассматривать как глобальные революции», приводящие к изменению типа научной рациональности [10, с. 620].

В. С. Степин выделял 3 крупные стадии исторического развития науки и 3 соответствующих им типа научной рациональности: классическая рациональность; неклассическая рациональность; постнеклассическая рациональность [10, с. 632].

Четвёртая глобальная научная революция, которая происходит в наши дни, инициирует становление новой постнеклассической науки. Для неё характерны: междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования; соединение теоретического и прикладного знаний; ориентация на исследование сложных исторически развивающихся систем [10, с. 627–629].

Классическая научная методология достаточно уверенно решала задачи, которые возникали перед обществоведением в условиях индустриального общества. В условиях перехода к обществу постиндустриальному потенциал этой методологии уже не всегда соответствует происходящим процессам и их пониманию учёными. Постиндустриальное общество конструирует новую научную картину мира, используя для этого новые методологические приёмы и принципы.

Антропоцентризм и конструктивизм

В постнеклассической рациональности методология рассматривается как способ конструирования предмета научного исследования, который не описывает картину бытия, но сам создаёт эту картину. Выбор метода исследования заранее предопределён ценностно-познавательными установками учёного, его изначальным мнением об изучаемом объекте. Сильное влияние на развитие современной науки оказывает произошедший антропологический поворот, озаменованный новым пониманием роли человека в конструировании научного знания. Антропология в этих условиях приобретает важнейшее методологическое значение, в т. ч. для исследования происходящих в правовой сфере постиндустриального общества процессов. Правовая культура с методологических позиций глубоко антропоцентрична, т. к. именно человек выступает её носителем. В этом отношении следует учитывать борьбу 2 подходов к антропологическим исследованиям. Первый из них исходит из исторической самобытности и неповторимого характера любого общества и его культуры, в т. ч. правовой. Второй подход ориентирует на поиск единых, общих характеристик, сохраняющихся в рамках любой культуры [1, с. 110].

С позиций постнеклассической научной рациональности, центральное место в праве занимает его субъект – человек, наделённый определённым менталитетом, правосознанием, ценностным арсеналом. Именно человек как субъект права своими действиями реализует нормы права и конструирует правовую реальность. Учёные полагают, что «право не существует вне и без человека» [11, с. 218]. Это полностью соответствует постнеклассической научной рациональности, которая «поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включён сам человек» [10, с. 636].

Признание решающей роли субъекта повлекло за собой становление такого

направления в теории права, как антропоцентризм, развивающийся в рамках социологической юриспруденции в её постнеклассическом варианте.

С позиций антропоцентризма, исследование любых вопросов онтологии права должно осуществляться с учётом особенностей субъекта права как главного элемента правовой системы, основной движущей силы правотворческой и правоприменительной деятельности. Классическая теория права, окончательно сформировавшаяся в условиях индустриального общества, как правило, уделяла основное внимание нормам, их содержанию, структурной взаимосвязи, и в результате неизбежно сталкивалась с проблемой неэффективности практической реализации этих норм. Постнеклассическая научная рациональность акцентирует внимание на человеке и через призму субъекта права позволяет выработать новые подходы к анализу эффективности и неэффективности действия правовых норм, к культурному пространству их реализации. В силу этого стоит отойти от механистического понимания субъекта права, вспомнить, что он – человек со своими чувствами и эмоциями. Как справедливо полагал Г. В. Мальцев, «социальная эволюция, развитие индивидов и сообществ людей определяются в значительной мере биологическими и психическими детерминантами, которые проявляют себя как под контролем человеческого сознания, так и в обход его, образуют параллельные либо пересекающиеся линии регуляции индивидуального и коллективного поведения» [5, с. 12]. Повседневное поведение субъекта права, связанное с реализацией правовых норм, в свете постнеклассической научной парадигмы получает ментальное, психическое, биологическое измерения. Междисциплинарность как базовый принцип постнеклассической науки позволяет исследовать все указанные аспекты для получения более достоверной научной картины состояния правовой реальности в условиях смены технологических укладов и перехода к постиндустриальному обществу.

Ещё одним актуальным направлением для современной теории права представляется конструктивизм. Применение конструктивизма для исследования динамики правовой культуры при переходе к постиндустриальному обществу также инициирует обращение к субъекту права, его правосознанию, его роли в реализации правовых норм. Именно правовая культура общества и отдельной личности определяет в конечном итоге повседневную массовую деятельность по реализации правовых норм. Конструктивизм, дополненный антропоцентризмом, формирует перспективную исследовательскую программу, соответствующую принципам и задачам постнеклассической научной рациональности, позволяющую выявить важные особенности динамики правовой культуры в условиях постиндустриального общества.

Использование постнеклассической методологии не означает полного отказа от классических методов научного познания. Согласимся с академиком В. С. Степиным, который писал, что «становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки» [10, с. 635].

Главным принципом осмысления правовой культуры в постиндустриальном обществе должна стать междисциплинарность [8, с. 160]. Её востребованность и даже необходимость определяются сложным характером исследуемых процессов, тесной взаимосвязью правовой культуры с внеправовыми факторами социального развития и их детерминантами. При этом междисциплинарность исследований не должна стать самоцелью, она не может превратиться в механическое и искусственное объединение нескольких научных направлений, порой не связанных между собой.

Историко-правовой характер формирования правовой культуры, о котором говорилось выше, определяет необходимость

применения такой методологии, которая, с одной стороны, соответствует принципам постнеклассической научной рациональности, включая междисциплинарность, с другой стороны, позволяет воссоздавать причинно-следственные связи правового развития в исторической ретроспективе.

В этом отношении представляется плодотворным историко-антропологический подход, который позволяет синтезировать сохраняющие актуальность идеи представителей немецкой исторической школы права с современным антропоцентризмом, о котором говорилось выше.

С позиций исторической школы права наиболее важным источником права является правовая обычай, т. к. именно он отражает формирующий право народный дух и в наибольшей степени соответствует господствующим в конкретном обществе представлениям о праве и его справедливости. На определенном этапе общественного и государственного развития обычай становится недостаточно эффективным регулятором, не отвечающим возрастающей динамике общественных отношений. В результате распространение получают иные формы права, в т. ч. закон. Но в постиндустриальном обществе и закон оказывается отстающей от темпов социального развития, неэффективной формой выражения правовых норм и доведения их до адресатов. Поэтому закономерно возникает вопрос о перспективном появлении новой основной формы права, более соответствующей ускоряющейся динамике общественных отношений.

Историко-антропологический подход позволяет, во-первых, оценить характерные признаки национальной правовой культуры, во-вторых, понять роль субъекта права в её воспроизводстве, в-третьих, выявить аксиологические факторы динамики правовой культуры при переходе к новому типу общественного развития.

С позиций данного подхода отчетливо прослеживается взаимосвязь между правовой традицией и правовой культурой, взаимовлияние которых продолжает проявляться и в постиндустриальном

обществе. Технологические инновации не отменяют привычных форм правового поведения, а также базовых ценностных ориентаций социума. Их влияние проявляется постепенно, в т. ч. в силу консерватизма правовой традиции и производной от неё правовой культуры.

Динамика правовой культуры в постиндустриальном обществе

Правовая культура общества испытывает воздействие со стороны экономических факторов, она не может не реагировать на переход к постиндустриальному обществу. Менталитет населения как носителя правовой культуры меняется под воздействием тех глобальных изменений, которые приносят в жизнь новые технологии. Вслед за ними трансформируются и принятые образцы правового поведения, происходит динамика правовой традиции. Эти процессы перспективно исследовать с позиций историко-антропологического подхода к праву.

Представители современной постклассической теории права придают большое значение правовой культуре, рассматривая её с позиций механизма конструирования правовой реальности и через призму субъекта права как носителя правовых статусов. При таком подходе правовая культура может пониматься как совокупность нормативно-ценностных систем, в т. ч. индивидуальных [4, с. 50].

Нормативно-ценностные системы, как и сама правовая культура, являются динамичными и изменчивыми. Соответственно, правовая культура должна рассматриваться не как состояние, а как деятельность субъектов права по воспроизведению своих нормативно-ценностных систем. Такая деятельность определяется совокупным влиянием различных факторов, в т. ч., характеристик постиндустриального общества.

Исследование правовой культуры постиндустриального общества необходимо осуществлять с учётом тех особенностей,

которые характерны для правовой культуры России в целом.

Подобно тому, как каждое общество имеет собственную культуру, уникальную и неповторимую, так оно вырабатывает и свою правовую культуру. Особенности каждой правовой культуры определяются менталитетом населения конкретной страны, его исторической судьбой, а также господствующими в социуме ценностями и механизмами их ретрансляции.

Особенности российской правовой культуры детерминированы рядом факторов, среди которых можно выделить географическое положение страны, многонациональный и многорелигиозный состав населения, нелёгкую историческую судьбу, связанную с необходимостью постоянно защищаться от внешних врагов. Эти факторы определили потребность в сильной централизованной власти, которая приобрела патерналистский характер и инициировала проявление соответствующего отношения со стороны населения.

Академик РАН В. С. Стёпин писал о существовании 2 основных типов цивилизации: традиционалистского и техногенного [10]. Тип общества определяет и правовую традицию, а последняя влияет на правовую культуру, определяет правовой статус личности и доминирующие модели правового поведения.

Россия всегда принадлежала к традиционалистским цивилизациям, в которых важную роль играют обычаи, моральные регуляторы, коллективные ценности. Это накладывает отпечаток на правовую культуру, определяет особое отношение к праву и его роли в обществе. Правовая культура традиционалистского типа отличается невысокой динамикой, она сложно адаптируется к социальным изменениям, не сразу воспринимает технологические и социальные новации. Именно поэтому цифровизация для такой культуры является столь сильным вызовом.

В условиях становления постиндустриального общества динамика правовой культуры детерминирована диалектическим противоречием между правовыми

традициями и технологическими новациями. Оно проявляется в том, что новая социально-технологическая реальность изменяет менталитет субъекта права как носителя правовой культуры, трансформирует её ценностные ориентиры.

Человек как носитель правовой культуры обладает определённым уровнем юридического мышления, которое тесно взаимосвязано с интеллектуальными и психологическими характеристиками личности, обусловлено социальной средой. В силу своего существования в обществе, он испытывает сильное воздействие со стороны новой системы социальных отношений. Возрастающий в современном цифровом обществе объём информации, изменяющиеся формы её презентации оказывают существенное воздействие на личность человека. Масштабы такого воздействия на психику и интеллект ещё только предстоит в полной мере оценить, но уже сейчас очевидно, что они огромны. Меняется сам характер мышления, и, как следствие, изменяются результаты анализа ценностных положений нормативного правового материала в процессе правотворчества и правоприменения [6, с. 35]. Правосознание субъекта общественных отношений в условиях постиндустриального общества становится объектом постоянного манипулирования, которое сопровождается достаточно активным и быстрым распространением новой системы ценностей. Правосознание субъекта права под воздействием постоянного давления цифровой среды и цифрового порядка социальных коммуникаций претерпевает сильные изменения, связанные с подменой устоявшихся правовых ценностей новой ценностной системой, которая в ряде случаев может оказаться даже антиправовой. В результате формируется новая модель правового регулирования общественных отношений, основанная на новой системе правовых и неправовых ценностей. Следствием этих процессов может стать формирование нового типа правовой культуры общества.

Отличие между различными правовыми культурами состоит, прежде всего, в присущих им ценностях. Именно аксиологическое наполнение определяет сущность конкретной правовой культуры, её главные характеристики. Поэтому исследовать правовую культуру постиндустриального общества в отрыве от аксиологического подхода представляется невозможным.

Правовая культура российского общества характеризуется такими чертами, как традиционность и низкая динамика. Она основана на специфическом соотношении правовых и моральных регуляторов, при которых «правда» ставится выше, чем право. Это определяет важное значение принципа справедливости, который, в свою очередь, является ситуативным и контекстуальным. Отсюда вытекает достаточно высокий уровень негативного отношения в обществе к нормам законодательства.

Постиндустриальное общество характеризуется переходом существенной части социальных коммуникаций в виртуальное пространство. В результате происходит расширение способов формирования правовой культуры за счёт сети «Интернет» [7, с. 242], в которую переносится часть общественных отношений, в той или иной мере опосредованных правом. В этих условиях прежние формы и средства, направленные на формирование правовой культуры, оказываются неэффективными. В связи с этим необходимо совершенствование правовой политики государства, в т. ч. тех её направлений, которые непосредственно ориентированы на правовую культуру общества.

Заключение

Таким образом, правовая культура постиндустриального общества имеет существенные отличия от правовой культуры предшествующих периодов, обусловленные изменением менталитета её носителей в результате воздействия новых технологий на социальную реальность. Методология исследования правовой культуры может и должна включать принципы постнеклассической научной рацио-

нальности, наступающей в результате очередной научной революции. Исследование правовой культуры постиндустриального общества должно, с одной стороны, опираться на понимание закономерностей влияния общественного развития на правовую сферу, с другой стороны, исходить из особенностей национальной правовой культуры и факторов её динамики. При этом важное значение имеет междисциплинарный синтез, позволяющий соединить методы исследования, характерные для смежных с юриспруденцией областей знания, для достижения наилучшего исследовательского результата. Понять правовую культуру постиндустриально-

го общества возможно только на основе принципа антропоцентризма, который рассматривает человека не только как носителя правовой культуры, но и как движущую силу её развития. Воспроизводя своими повседневными юридически значимыми действиями правовую систему общества, человек с помощью механизма социальной эстафеты передаёт правокультурные образцы, шаблоны и нормы поведения и тем самым обеспечивает сохранение аксиологического ядра национальной правовой культуры в условиях новых технологических и иных вызовов.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваттимо Д. Техника и существование / пер. с ит. Н. Вышинского. М.: Канон+, 2013. 206 с.
2. Гилинский Я. И. Социальное насилие. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
3. Карташов В. Н. Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность. Ярославль: Филигрань, 2019. 352 с.
4. Культуральные исследования права / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. 467 с.
5. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. 799 с.
6. Пашенцев Д. А. Влияние цифровизации на правовую культуру общества // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2021. № 1. С. 34–36.
7. Певцова Е. А., Сапогов В. М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 242–252.
8. Постклассические исследования права / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с.
9. Рыбаков О. Ю. Философия права. М.: Проспект, 2021. 240 с.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
11. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 840 с.

REFERERNCES

1. Vattimo G. *Tecnica ed esistenza: una mappa filosofica del Novecento* (Rus. ed.: Vyshinskiy N., transl. *Tekhnika i sushchestvovaniye*). Moscow, Kanon+ Publ., 2013. 206 p.
2. Gilinsky Ya. I. *Sotsialnoye polucheniye* [Social violence]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013. 185 p.
3. Kartashov V. N. *Yuridicheskaya kultura, antikultura i yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal culture, anticulture and legal responsibility]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2019. 352 p.
4. Chestnova I. L., Tonkova E. N., eds. *Kul'turalnyye issledovaniya prava* [Cultural studies of law]. St. Petersburg, Aletheya Publ., 2018. 467 p.
5. Maltsev G. V. *Sotsialnyye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow, Norma Publ., 2011. 799 p.
6. Pashentsev D. A. [The influence of digitalization on the legal culture of society]. In: *«Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatelstve* ["Black holes" in Russian legislation], 2021, no. 1, pp. 34–36.
7. Pevtsova E. A., Sapogov V. M. [Formation of the legal culture of minors in the conditions of digitalization of the legal life of society]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, no. 470, pp. 242–252.
8. Tonkov E. N., Chestnov I. L., eds. *Postklassicheskiye issledovaniya prava* [Postclassical studies of law]. St. Petersburg, Aletheya Publ., 2023. 500 p.

9. Rybakov O. Yu. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 240 p.
10. Stepin V. S. *Teoreticheskiye znaniya* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2003. 744 p.
11. Isaev N. A., Chestnov I. L., eds. *Sotsiokulturnaya antropologiya prava* [Sociocultural anthropology of law]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 840 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета народного хозяйства имени В. И. Вернадского;
e-mail: pevtsova@bk.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета;
e-mail: dp-70@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Prof., Rector, V. I. Vernadsky Russian State University of National Economy;
e-mail: pevtsova@bk.ru

Dmitry A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Chief Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Prof., Moscow City University;
e-mail: dp-70@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Е. А., Пашенцев Д. А. Правовая культура постиндустриального общества: методологические основы исследования // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 8–16.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-8-16

FOR CITATION

Pevtsova E. A., Pashentsev D. A. Legal Culture of Post-Industrial Society: Methodological Basis of Research. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 8–16.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-8-16

УДК 340.12

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-17-23

МЕСТО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ ПРАВА

Дорская А. А.¹, Дорский А. Ю.²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал
197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5а, Российская Федерация*

² *Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение и характеристика методологических проблем, содержащихся в историко-правовых исследованиях, а также выявление тенденций развития методологии науки истории государства и права.

Процедура и методы. Работа построена на основе проблемного принципа изложения материала. Использование дескриптивного метода позволило выявить причины актуализации методологических проблем в историко-правовых исследованиях. Метод анализа способствовал выявлению новых тенденций в развитии методологии науки истории государства и права.

Результаты. Обобщён опыт историков права прошлого и современности в решении методологических вопросов разного уровня. Выявлены различные пути развития методологии историко-правовых исследований.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье показаны те проблемы, с которыми сталкиваются историки права при определении методологии исследования, и способы решения методологических проблем, применяемые современными учёными.

Ключевые слова: история государства и права, методология науки, историко-правовые исследования, диссертационные исследования, темпоральные характеристики, историческая память.

PLACE OF METHODOLOGICAL CHALLENGES IN STUDIES OF LEGAL HISTORIANS

A. Dorskaya¹, A. Dorskiy²

*Russian State University of Justice, North-West Branch
Aleksandrovskiy park 5a, St. Petersburg 197046, Russian Federation*

*Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab. 7-9, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract.

Aim. Definition and characterization of methodological problems contained in historical and legal studies, as well as identification of trends in the development of the methodology of the science of the history of the state and law.

Methodology. The article relies on a problematic approach to presenting the material. The utilization of the descriptive approach facilitated the identification of the rationales behind the revision of methodological issues in historical and legal research. The method of analysis helped to identify new trends in the development of methodology of the history of the state and law as a science.

Results. The article summarizes how historians of law from both past and present have resolved methodological issues at different levels. Multiple methods of advancing the methodology of historical and legal research have been acknowledged.

© CC BY Дорская А. А., Дорский А. Ю., 2023.

Research implications. The article highlights the challenges encountered by legal historians when ascertaining research method, while also summarizing the contemporary methods adopted by scientists to address methodological issues.

Keywords: history of the state and law, methodology of science, historical and legal research, dissertation research, temporal characteristics, historical memory

Введение

Методологические проблемы занимают особое место в современных историко-правовых исследованиях в силу целого ряда причин.

Во-первых, это один из компонентов квалификационных работ, вызывающий, как правило, затруднения у диссертантов.

Во-вторых, в последние 30 лет для исследователей сложилось то счастливое время, когда после периода господства одного методологического подхода стало возможным методологическое многообразие, обогатившее историко-правовую науку.

В-третьих, постоянно возникает вопрос о соотношении историко-правовой проблематики и современности. Так, ещё в 1980 г. Институтом государства и права Академии наук СССР (сегодня – Институт государства и права РАН) был издан сборник статей, в котором В. Г. Графский опубликовал статью «Соотношение истории права и современности как методологическая проблема» [3].

Не утратила значения данная проблема и в наши дни. Современное поколение историков права пережило в этом смысле две эпохи:

– период с конца 1980-х гг., когда в рамках политики гласности были открыты многие архивы, стало возможным обращение к тематике, находящейся под запретом в советский период (например, история государственно-конфессиональных отношений и их правового регулирования), были возвращены многие имена учёных, которые в силу разных причин были вычеркнуты из истории науки;

– современный период, начавшийся приблизительно после 2005 г., когда активно стал развиваться процесс «соединения» истории и памяти, появилось понятие «войн

памяти», произошла актуализация исторического и историко-правового знания и т. д. [19]. Такая ситуация, с одной стороны, позволила включить в число источников историко-правовых исследований мемуарную литературу, биографические описания и другие источники ненормативного характера [7], но с другой – способствовала развитию дилетантства в освещении и оценке историко-правового материала [18, с. 10], поставила новые вопросы о критериях научности в истории государства и права.

В-четвёртых, в большей степени стала возможной реализация междисциплинарности, позволяющей исследовать явления с разных сторон. Как отмечает Д. А. Пашенцев, предметом историко-правовой науки на современном этапе является правовая жизнь прошлого, конструируемая повседневными действиями субъектов права и обусловленная большим количеством неправовых и даже иррациональных факторов, тесно взаимосвязанная с правосознанием и правовым поведением [13, с. 49]. Так, к примеру, в рамках историко-правовой науки изучаются вопросы, возникшие в связи с достижениями социологии в области определения понятия социальной травмы, которая может предопределять государственное и правовое развитие стран на протяжении достаточно длительного времени [1; 6].

Статья построена на основе анализа исследований историков права прошлого и современной эпохи, посвящённых методологическим проблемам. Использование дескриптивного метода позволило выявить причины актуализации методологических проблем в историко-правовых исследованиях. Метод анализа способствовал выявлению новых тенденций в развитии методологии науки истории государства и права.

Тенденции изучения методологических проблем в современных историко-правовых исследованиях

Анализ исследований современных российских историков права позволяет выделить следующие тенденции в изучении методологических проблем.

Как ни странно, подвергается критике хронологический подход в изучении историко-правового материала. Как отмечает К. Е. Сигалов, для многих история – это хронография, темпоральное описание событий [17, с. 104].

Данная тенденция имеет как плюсы, так и существенные риски. Всё зависит от степени изученности темы. Если фактологический материал хорошо известен, то, действительно, применение хронологического метода не является обязательным. Но до сих пор существует огромное количество тем, где мы до конца не представляем последовательности развития событий. Очень часто её можно установить, только прибегая к архивным документам. При этом в части историко-правовых исследований хронологический метод даже не указывается [4], при том что хронологические рамки исследования является неотъемлемой частью историко-правовой работы.

Обобщение научных исследований в области истории государства и права, посвящённых методологии, показывает, что большинство из них носят не концептуальный, а частный характер: либо это отмечается в самом названии работы посредством включения такого оборота, как «некоторые проблемы» [9; 12], либо показываются особенности методологии изучения конкретных тем (например, «К вопросу о значении и особенностях методологии в историко-правовом исследовании института судебных следователей дореволюционной России» [14]).

Ещё одна тенденция состоит в том, что на современном этапе очень мало историко-правовых исследований, в которых используется не диахронный, а синхронный срез при применении сравнительно-правового метода. Это серьёзная проблема, поскольку даже в заданиях ЕГЭ по истории последнее

задание как раз касается синхронизации исторических событий разных стран, а поэтому в историко-правовой науке должно уделяться внимание этому вопросу.

Позитивной можно назвать тенденцию развития методологии, позволяющей взглянуть на проблематику истории государства и права и с научных позиций, и с точки зрения образования. Например, М. В. Немытина проводила в 2015 г. в Российском университете дружбы народов Всероссийскую научную конференцию «Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву» [2]. Большое внимание данному вопросу уделяется в работах Н. Н. Зипунниковой [5]. Такой подход должен поддерживаться на постоянной основе, поскольку раскрывает огромные возможности в передаче накопленного опыта в разрешении методологических проблем и в оценке некоторых образовательных новелл, которые выглядят неоправданными (например, перемещение в учебных планах ряда высших учебных заведений дисциплины «История государства и права зарубежных стран» с первого на второй курс).

Анализ историко-правовых исследований последних лет показывает, что существует тревожная тенденция недостаточного количества исследований по методологии изучения проблем истории государства и права зарубежных стран, а также значения международно-правового фактора в развитии государственно-правовых явлений.

Безусловно, что исключения есть. К ним можно отнести работы Д. Ю. Полдникова, посвящённые методологии изучения европейской истории права [15], а также сравнительным исследованиям истории государства и права стран Европы [16] и т. д. Однако пока в целом данному вопросу не уделяется должного внимания.

Международно-правовая составляющая вообще представлена в научных работах по истории государства и права России и зарубежных стран только фрагментарно [10]. В данном случае полезно было бы сотрудничество историков права с юристами-между-

народниками, занимающимися вопросами истории международного права.

На современном этапе существует интересный опыт написания статей по методологии историко-правовых исследований аспирантами. В качестве примера можно привести статью М. П. Кулакова «Методология историко-правовых исследований о договорном регулировании предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг» [8]. В этой связи небезынтересной представляется идея включать в задания аспирантов, соискателей и докторантов написание 2 обязательных работ по методологии исследования: одной – на первом этапе подготовки диссертационного исследования с целью определения или корректировки плана работы, а второй – на заключительном этапе, для более точного формулирования новизны, теоретической и практической значимости исследования.

И, наконец, ещё одна тенденция. В связи с тем, что на современном этапе активно развиваются историко-правовые исследования по микроистории, необходимо сочетание системного подхода, включающего в себя и аксиологические, и антропологические, и другие аспекты. Иначе возникает либо схематичность научного познания из-за недостаточного внимания к частному, либо, наоборот, история государства и права фрагментируется и начинает «рассыпаться» как целое. И то, и другое являются опасными явлениями.

Заключение

Анализ важнейших источников российского права показывает, что в современной историко-правовой науке методологические проблемы активно изучаются.

Позитивным является то, что развитием методологии занимаются как маститые учёные, так и молодые исследователи,

которые ещё только начинают свой путь в науке, а отсутствие требования единого подхода позволяет не только всесторонне изучать государственные и правовые явления, но и применять междисциплинарный принцип, опираясь на достижения других гуманитарных и даже естественных наук. Рассмотрение методологических проблем изучения историко-правового материала и с научных, и с образовательных позиций может давать положительные результаты, однако не всегда применимо в силу особенностей исследовательского и учебного процессов. Положительный опыт написания научных работ диссертантами, а также коллективных монографий историков права, посвящённых методологическим вопросам [11], может быть использован и для повышения уровня научных квалификационных работ, и для определения дальнейших путей и перспектив историко-правовой науки.

Но есть и тревожные тенденции, выражающиеся в дисбалансе изучения методологических проблем на примере историко-правового материала России по сравнению с зарубежными странами, слабом учёте международно-правового фактора при характеристике государственно-правовых явлений, отсутствии сочетания в ряде исследований всероссийского и регионального уровней.

Однако данные вопросы могут решаться путём дальнейшего обращения и обсуждения методологических проблем историко-правовой науки как в рамках специальных мероприятий, так и в научных сообществах. В частности, одной из форм работы Ассоциации историков права может стать систематическое издание коллективных монографий и сборников, посвящённых развитию методологии науки истории государства и права.

Статья поступила в редакцию 30.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев С. В. Социальные изменения и социальная травма: корреляция понятий в дискурсе конституционной истории Франции // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 6–8.
2. Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения: мат-лы науч. конф. / отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН: Институт государства и права РАН, 2015. 565 с.

3. Графский В. Г. Соотношение истории права и современности как методологическая проблема // *Методология историко-правовых исследований* / под ред. В. Е. Гулиев. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1980. С. 46–52.
4. Жуков Г. К. Эволюция полномочий прокурора в России в сфере уголовного преследования лиц, совершивших преступления (XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 31 с.
5. Зипунникова Н. Н. Историко-правовые исследования образования и науки в России: к вопросу о методологии // *Алтайский юридический вестник*. 2014. № 3. С. 4–10.
6. Игнатьева М. В. Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции // *Российское государственное образование*. 2018. № 3. С. 73–78.
7. Кодан С. В. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации // *Юридические формы переживания истории: практики и пределы*. СПб.: Астерион, 2020. С. 12–26.
8. Кулаков М. П. Методология историко-правовых исследований о договорном регулировании предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг // *Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы: сб. мат-ов науч.-практ. конф.* / под ред. Э. В. Фомина. Чебоксары: Среда, 2022. С. 245–248.
9. Лаптева Л. Е. Некоторые вопросы методологии историко-правовых исследований // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2007. № 6. С. 43–48.
10. Матчанова З. Ш. Конвенции Международной организации труда и правовые традиции России в сфере трудовых отношений // *Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы науч. конф.* / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. Рязань: Концепция, 2016. С. 211–214.
11. *Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений* / отв. ред. А. А. Дорская. СПб.: Астерион, 2012. 483 с.
12. Орлов Д. В. О некоторых проблемах методологии в историко-правовых исследованиях // *Историческая методология в правовой теории: сб. мат-ов конф.* / отв. ред. А. Г. Мамонтов, А. И. Клименко. М.: Московский университет МВД Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2018. С. 155–160.
13. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2022. № 3. С. 44–50.
14. Петрякова А. В., Стапенев Р. А. К вопросу о значении и особенностях методологии в историко-правовом исследовании института судебных следователей дореволюционной России // *Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: мат-лы науч.-практ. конф.* / под ред. Д. Н. Кожухарика. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 72–76.
15. Полдников Д. Ю. Концепции европейской истории права и методология историко-правовых исследований в начале XXI в. // *История государства и права*. 2016. № 4. С. 27–33.
16. Полдников Д. Ю. Модели применения функционального метода в сравнительной истории права стран Европы (зарубежные исследования последних лет) // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2018. Т. 13. № 2. С. 56–77.
17. Сигалов К. Е. Становление права во времени // *Пространство и время*. 2011. № 4. С. 104–112.
18. Сигалов К. Е., Беляева Н. А. Историческая методология и проблемы нарратива // *История государства и права*. 2022. № 11. С. 10–16.
19. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 125 p.

REFERENCES

1. Bochkarev S. V. [Social changes and social trauma: correlation of concepts in the discourse of the constitutional history of France]. In: *"Chernyye дыry" v rossiyskom zakonodatelstve* ["Black holes" in Russian legislation], 2019, no. 1, pp. 6–8.
2. Nemytina M. V., ed. *Garmonizatsiya podkhodov v issledovaniyakh i obuchenii pravu. Zhidkovskiye chteniya* [Harmonization of approaches in research and teaching of law. Zhidkovsky readings]. Moscow, RUDN Publ., Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2015, 565 p.

3. Grafsky V. G. [The relationship between the history of law and modernity as a methodological problem]. In: Guliev V. E., ed. *Metodologiya istoriko-pravovykh issledovaniy* [Methodology of historical and legal research]. Moscow, Institut gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR Publ., 1980, pp. 46–52.
4. Zhukov G. K. *Evolyutsiya otvetstvennosti prokurora v Rossii v ugovolnoy sfere v otnoshenii lits, sovershivshikh prestupleniya (XVIII–XX vv.): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evolution of the powers of the prosecutor in Russia in the sphere of criminal prosecution of persons who have committed crimes (18th–20th centuries): abstract of Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Moscow, 2023. 31 p.
5. Zipunnikova N. N. [Historical and legal studies of education and science in Russia: on the issue of methodology]. In: *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2014, no. 3, pp. 4–10.
6. Ignatieva M. V. [Use of the concept of social trauma in modern Russian jurisprudence]. In: *Rossiyskoye gosudarstvovedeniye* [Russian State Studies], 2018, no. 3, pp. 73–78.
7. Kodan S. V. [Social memory in the structure of scientific and cognitive activity: concept, main characteristics, approaches to classification]. In: *Yuridicheskiye formy, uchityvayushchiye istoriyu: praktika i napravleniya* [Legal forms of experiencing history: practices and limits]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2020, pp. 12–26.
8. Kulakov M. P. [Methodology of historical and legal research on contractual regulation of entrepreneurial activity in the sphere of providing services]. In: Fomin E. V., ed. *Pravo, ekonomika i upravleniye: sostoyaniye, problemy i perspektivy* [Law, economics and management: status, problems and prospects]. Cheboksary, Sreda Publ., 2022, pp. 245–248.
9. Lapteva L. E. [Some questions of the methodology of historical and legal research]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law], 2007, no. 6, pp. 43–48.
10. Matchanova Z. Sh. [Conventions of the International Labor Organization and legal traditions of Russia in the field of labor relations]. In: Pashentsev D. A., ed. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskiye aspekty i yuridicheskaya praktika* [Rights and freedoms of man and citizen: theoretical aspects and legal practice]. Ryazan, Concept Publ., 2016, pp. 211–214.
11. Dorskaya A. A., ed. *Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiske novykh metodologicheskikh resheniy* [The science of the theory and history of state and law in the search for new methodological solutions]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2012. 483 p.
12. Orlov D. V. [On some problems of methodology in historical and legal research]. In: Mamontov A. G., Klimenko A. I., eds. *Istoricheskaya metodologiya v obosnovanii teorii* [Historical methodology in legal theory]. Moscow, Moskovskiy universitet MVD Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikoty Publ., 2018, pp. 155–160.
13. Pashentsev D. A. [Anthropocentrism as overcoming narrative in historical and legal research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2022, no. 3, pp. 44–50.
14. Petryakova A. V., Stapenov R. A. [On the issue of the significance and features of methodology in the historical and legal study of the institution of forensic investigators in pre-revolutionary Russia]. In: Kozhuharika D. N., ed. *Sozdaniye i razvitiye modeley organov pervykh sobytiy v Rossiyskoy imperii* [Creation and development of a model of preliminary investigation bodies in the Russian Empire]. Moscow, Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii Publ., 2020, pp. 72–76.
15. Poldnikov D. Yu. [Concepts of European legal history and methodology of historical and legal research at the beginning of the 21st century]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2016, no. 4, pp. 27–33.
16. Poldnikov D. Yu. [Models of application of the functional method in the comparative history of law in European countries (foreign studies of recent years)]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 13, no. 2, pp. 56–77.
17. Sigalov K. E. [Formation of law in time]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 2011, no. 4, pp. 104–112.
18. Sigalov K. E., Belyaeva N. A. [Historical methodology and problems of narrative]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2022, no. 11, pp. 10–16.
19. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1996. 125 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

e-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: dorski@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Dorskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Departmentally Head, Department of General Theoretical Legal Disciplines, The North-West Branch of the Russian State University of Justice;

e-mail: adorskaya@yandex.ru

Andrei Yu. Dorskiy – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Departmentally Head, Department of Management in Mass Communications, Saint Petersburg State University;

e-mail: dorski@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Место методологических проблем в исследованиях историков права // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 17–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-17-23

FOR CITATION

Dorskaya A. A., Dorskiy A. Yu. Place of Methodological Challenges in Studies of Legal Historians. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 17–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-17-23

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 349.6

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-24-32

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Коданева С. И.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение основных инструментов формирования экологической культуры у населения России и зависимости процесса развития экологической культуры от роста правосознания.

Процедура и методы. Проведён анализ содержания экологической и правовой культуры, а также правосознания, их взаимосвязи и влияния. Основными исследовательскими методами являлись: метод междисциплинарного анализа российской и зарубежной научной литературы, обобщения, систематизации, аналогии, а также метод правового моделирования.

Результаты. Показано, что экологическая культура включает элементы: духовно-нравственные ценности, высокий уровень знаний права и экологических проблем и готовность реализовать свои знания на практике. Правовая культура – это эмоциональное восприятие права, готовность сознательно действовать в соответствии с правовыми предписаниями, участвовать в правовой жизни, повышать собственное правосознание. Таким образом, показателем правовой культуры выступает уровень правосознания, который, в свою очередь, напрямую влияет на формирование экологической культуры. Развитие правосознания, с одной стороны, обеспечивает большее доверие общества к проектам и программам, реализуемым органами власти, к правоприменительной практике должностных лиц. С другой стороны, граждане более ответственно относятся к окружающей среде, с большей готовностью соблюдают природоохранное законодательство и проявляют активность в защите окружающей среды.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлен важный инструментарий реализации конституционной нормы о воспитании экологической культуры жителей РФ, что должно стать основой при разработке государственной политики в рассматриваемой области, наряду с включением в образовательные стандарты предметов (модулей) экологической направленности.

Ключевые слова: Конституция РФ, экологическая культура, правовая культура, правосознание, природоохранная деятельность, экологическое право

THE ROLE OF ECOLOGICAL LEGAL AWARENESS IN THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF THE RUSSIAN POPULATION

S. Kodaneva

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Nahimovsky prospekt. 51/21, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. Determination of the main tools for the formation of ecological culture among the population of Russia and the dependence of the process of development of ecological culture on the growth of legal awareness.

Methodology. To achieve this goal, an analysis of the content of environmental and legal culture, as well as legal awareness, their relationship and influence was carried out. The main research methods were: the method of interdisciplinary analysis of Russian and foreign scientific literature, generalization, systematization, analogy, as well as the method of legal modeling.

Results. It is shown that ecological culture includes such elements as: spiritual and moral values, a high level of knowledge of law and environmental problems and a willingness to put their knowledge into practice. Legal culture is an emotional perception of the law, a willingness to consciously act in accordance with legal regulations, to participate in legal life, to raise one's own legal awareness. Thus, the indicator of legal culture is the level of legal awareness, which, in turn, directly affects the formation of ecological culture. The development of legal awareness, on the one hand, ensures greater public confidence in the projects and programs implemented by the authorities, in the law enforcement practice of officials. On the other hand, citizens are more responsible about the environment, more willing to comply with environmental legislation and are active in protecting the environment.

Research implications. Research implications consists in identifying important tools for the implementation of the constitutional norm on the education of the ecological culture of the inhabitants of the Russian Federation, which should become the basis for the development of state policy in the area under consideration, along with the inclusion of environmental-oriented subjects (modules) in educational standards.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, environmental culture, legal culture, environmental protection, environmental law.

Введение

Принятыми в 2020 г. поправками к Конституции РФ, ст. 114, закрепляющая полномочия Правительства РФ, была дополнена п. е.б., согласно которому Правительство РФ создаёт условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры. Таким образом, было конституционализировано то значение, которое играют экологическая культура и образование для экологической безопасности страны.

Следует отметить, что на законодательном уровне важность воспитания экологической культуры и образования в данной сфере была отражена достаточно давно. Так, ещё в Федеральном законе № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» к основным принципам в области охраны окружающей среды отнесены организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры. Основам фор-

мирования экологической культуры посвящена гл. VIII, которая содержит статьи о всеобщности и комплексности экологического образования, профессиональной подготовке руководителей организаций и специалистов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, а также об экологическом просвещении, под которым понимается распространение экологических знаний и информации о состоянии окружающей среды.

Как видно из анализа норм федерального закона, формирование экологической культуры традиционно связывалось с экологическим образованием и просвещением. Соответственно, акцент на образовательные технологии формирования экологической культуры наблюдается и в научной литературе [3; 5].

Однако при этом не учитывается, что экологические знания сами по себе не обеспечивают ответственного отношения к природе, которое зависит от сформированности системы умений и навыков

взаимодействия с ней [12, с. 39]. Эту же взаимосвязь подтверждают и многие эмпирические исследования зарубежных авторов. Так, например, Ч.-Х. Ванг доказывает, что не знания мотивируют работников к экологически ответственному поведению, а экологическая организационная культура компании [17]. А. П. Шарма также говорит, что экологические знания сами по себе не являются предпосылкой для экологически устойчивого поведения. Так, из 67% потребителей, которые сообщили о своей озабоченности состоянием окружающей среды, только 4% приобрели экологически чистые продукты [16, р. 2080].

В связи с этим Х. Чженг с соавторами выделяют в экологической культуре 2 элемента: конституирующий и функциональный. Первый относится к набору общих ценностей, убеждений и норм, с помощью которых люди воспринимают, интерпретируют или реагируют на окружающую среду. Второй представляет собой практическое воплощение культуры посредством экологически ответственного производства, потребления и участия человека в охране окружающей среды [18, р. 308].

Иными словами, важно не просто дать человеку знания об окружающем мире и существующих экологических проблемах, но и мотивировать его применять эти знания на практике и действовать экологично, сформировать у него экологически устойчивые привычки.

Таким образом, задача по формированию экологической культуры у населения России не может быть сведена исключительно к образовательной сфере. Требуется выработка правовых механизмов формирования второй составляющей экологической культуры – функциональной. Для этого можно использовать различные инструменты: социальную рекламу, «зелёный маркетинг», стимулирование компаний всех секторов экономики к внедрению организационной культуры устойчивого развития, вовлечение граждан в принятие решений и их реализацию в области локальных экологических проблем [14], установление нормативных

требований, направленных на поддержку экологически ответственных практик и, напротив, ограничение практик, наносящих вред окружающей среде. В частности, такими нормативными требованиями могут быть: требование использования экологических критериев в государственных и муниципальных закупках [6; 13], совершенствование системы расширенной ответственности производителя¹, меры стимулирования предприятий к повторному использованию ресурсов и внедрению принципов экономики замкнутого цикла², меры стимулирования для приобретения электромобилей, наконец, закрепление мер административной и уголовной ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды.

Однако следует учитывать, что нормативное обеспечение формирования экологической культуры будет эффективным только при условии, если соответствующие нормы законов будут исполняться на практике и соблюдаться абсолютным большинством населения страны. Вместе с тем, как отмечают учёные, на сегодняшний день многие нормы, направленные на формирование экологической культуры населения, носят декларативный характер и не реализуются на практике [4; 7].

Это ставит вопрос о роли правосознания граждан, общества и должностных лиц государственных органов в формировании экологической культуры, в частности, в распространении экологических практик и расширении использования экологически ответственного поведения как в профессиональной, так и в повседневной жизни.

Как отмечают учёные и практики, в частности, сотрудники правоохранитель-

¹ Проект федерального закона № 345338-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты российской Федерации» (в части совершенствования системы расширенной ответственности производителей и импортеров товаров и упаковки).

² Единая цифровая платформа экономики замкнутого цикла [Электронный ресурс]. URL: <https://reo.ru/ezc> (дата обращения: 02.08.2023).

ных органов, причиной совершения правонарушений в области охраны окружающей среды является не только отсутствие необходимых экологических знаний, но и отсутствие должным образом организованного воспитания экологической культуры [2]. При этом следует подчеркнуть важность такого воспитания не только у детей и молодёжи, но что направлена соответствующая государственная политика в рассматриваемой сфере, но и у всего населения страны, а прежде всего – государственных служащих. Это связано с тем, что недоверие к органам власти зачастую выступает основным препятствием в формировании функциональной экологической культуры. Например, как показал проведённый в 2022 г. опрос Института экологии НИУ ВШЭ, низкий показатель внедрения раздельного сбора отходов во многом объясняется именно этим фактором: 21,5% граждан уверены, что их рассортированный мусор потом всё равно свалят «в одну общую кучу», а 76% респондентов не верят, что мусор действительно отправляется на переработку¹.

И напротив, позитивное отношение людей к природоохранным структурам является наиболее сильным стимулом активной общественной поддержки экологических программ и положительного отношения людей к требованиям экологического законодательства [15].

Поэтому, как совершенно верно отмечает Г. А. Бурнашев, особое значение приобретает правовая культура правоприменителей – государственных служащих, судей, прокуроров, – поскольку уже сама их деятельность формирует уровень правовой культуры общества. Умение регулировать, контролировать и моделировать собственную жизнедеятельность и профессиональное поведение, нравственная позиция правоприменителя оказывают воздействие на уровень доверия не только к нему как субъекту деятельности, но и к государственным структурам в целом [1, с. 108].

Понятие и содержание правовой культуры и правосознания

В юридической литературе неоднократно подчёркивалась важность формирования правовой культуры граждан, которая включает как их желание и способность реализовывать свои права и свободы, так и способность государственных органов обеспечить такую реализацию.

Исследование феномена правовой культуры началось относительно недавно – в XX в., а сама дефиниция была сформулирована в 1980-х гг. Соответственно, первоначально она осуществлялась через категорию «социалистическая правовая культура» и имела не столько социально-философский, сколько прикладной характер. Резкие социальные перемены конца XX в. потребовали поиска новых подходов к пониманию содержания «правовой культуры», в результате чего, как отмечает Е. А. Певцова, насчитывается около 250 различных научных позиций по вопросу её определения [9, с. 72]. Авторы научных публикаций дают свои трактовки, вкладывая в них определённый сущностный аспект. Так, наиболее значимые исследования феномена «правовой культуры» принадлежат Е. А. Певцовой, А. Б. Венгерову, Н. Я. Соколову, А. П. Семитко, С. С. Алексееву и др.

Так, М. А. Морозова предлагает разграничивать общую правовую культуру и правовую культуру индивида. Под правовой культурой она понимает «определённый уровень качественного состояния правовой системы, а также сознания и правового поведения отдельной личности, социальной группы либо общества в целом. Также это качественное состояние правовой жизни общества. Оно отличается многоплановостью, многоаспектностью и сложным характером». В свою очередь, правовая культура личности – это «такое свойство личности, которое характеризуется уважительным отношением к праву, достаточным уровнем правовой информ-

¹ Мусор разделил россияне // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5182597> (дата обращения: 02.08.2023).

рованности, обеспечивающей правомерность поведения»¹.

Так, групповая правовая культура зависит от принятых в обществе правовых норм и ценностей, правовой ориентации отдельных личностей, представляет собой составную часть духовных ценностей общества.

Правовая культура личности – это «такое свойство личности, которое характеризуется уважительным отношением к праву, достаточным уровнем правовой информированности, обеспечивающей правомерность поведения»².

Соответственно, правовая культура, также как и экологическая культура означает, что каждый член общества обладает достаточно высоким уровнем духовно-нравственного развития, которое формирует в нём уважительное отношение к праву необходимым объёмом правовых знаний, а также способностью и готовностью реализовывать эти знания на практике.

Е. А. Певцова определяет правовую культуру как готовность осознанно действовать в повседневной жизнедеятельности в соответствии с правовыми предписаниями, ориентирами и установками, генерировать персональную траекторию участия в правовой жизни, позволяющую двигаться в направлении повышения уровня индивидуального правового сознания [10, с. 245–246].

Таким образом, важнейшим показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания людей. Как метко отмечает И. А. Ильин, «единственно верным путём ко всем реформам является постепенное воспитание правосознания», под которым он понимает «инстинктивное правочувствие»³.

Иными словами, правосознание – это духовная основа, включающая общепринятые в обществе моральные установки.

Структура правосознания представляет собой единство 2 частей: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая психология отражает эмоции людей, возникающие в правовой сфере. Для неё свойственны стихийность и связь с личными интересами и ценностями. Правовая идеология – это совокупность систематизированных теоретически обоснованных юридических знаний, идей и оценок права. В ней отражаются требования общества и социальных групп, которые предъявляются к личности [9, с. 75].

Таким образом, правосознание включает принятые в соответствующем обществе моральные и нравственные ценности, с одной стороны, и особенности правовой системы (качество правового регулирования и правоприменительной практики) – с другой.

В теории права принято выделять идеологическую, гносеологическую, прогнозирующую и моделирующую функции правосознания, которые отражают характер взаимодействия личности с обществом. В дополнение к ним Е. А. Певцова выделяет такие внутренние функции правосознания: регулирующую (ведущая функция), телеологическую (целесолагающую), праксеологическую и генерационную (движущую) функции, которые конкретизируют регулирующую функцию правосознания. Эти четыре функции формируют внутреннюю структуру правосознания, включающую 3 сферы: направленности, опыта и мотивов [8, с. 27].

Выделение указанных внутренних функций правосознания крайне важно для понимания механизмов формирования как общей, так и функциональной экологической культуры личности, поскольку поведение, социальная активность личности регулируются системой диспозиций (ценностных ориентаций и установок) соответственно уровням включённости личности в разные сферы деятельности. Это подчёркивает важность мотивации как движущей силы поведения человека.

¹ Морозова Л. А. Теория государства и права: учеб. для вузов. М.: Норма, 2023. С. 349.

² Там же. С. 351.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений. 4 т. М.: Русская Книга, 1994. 624 с.

Включение инструментов развития правосознания в программы формирования экологической культуры населения России

Из проведённого анализа можно видеть, что правосознание напрямую влияет на важные элементы функциональной экологической культуры личности и общества: качество принимаемого законодательства и деятельности правоприменителей, доверие населения к государственным органам и должностным лицам, готовность поддерживать принимаемые ими программы и проекты, соблюдать природоохранное законодательство, отстаивать свои права (как обращаясь за их защитой в органы власти, так и действуя через различные экологические НПО) и самим внедрять экологически ответственные практики в свою повседневную жизнь.

Как верно отмечает Е. А. Певцова, социально-правовая активность является одним из элементов обеспечения правопорядка в государстве [8, с. 34].

Это означает, что по мере развития правосознания, индивид приобретает правовые знания, у него формируются ценностные установки и ориентиры, которые влияют на его готовность сначала действовать в соответствии с требованиями законодательства (в частности, соблюдать требования природоохранного законодательства), а затем – занимать активную социально-правовую позицию, в т. ч. воспринимая экологически ответственные привычки (сортировка отходов, пользование экологически чистыми товарами, внедрение практик экономики замкнутого цикла и совместного использования и т. д.), вплоть до участия в социальных проектах (например, субботниках).

Это означает, что одним из ключевых инструментов воспитания экологической культуры в российском обществе является повышение правовой культуры и развитие правосознания личности, начиная со школьного возраста, посредством правового просвещения [11]. Развитие правосознания достигается посредством формиро-

вания определённого объёма и содержания правовых знаний, адекватного типа правопонимания, формирования практических навыков правоприменения, вовлечения в социально-правовую активность. Особое значение при этом следует уделять влиянию цифрового пространства на формирование и развитие правосознания несовершеннолетних. Процесс формирования когнитивного, мотивационно-оценочного и деятельностного компонентов высокого уровня правовой культуры несовершеннолетнего в цифровом пространстве не должен быть хаотичным. Образовательное правовое киберпространство должно обеспечивать усвоение несовершеннолетними содержания правовых предписаний, ценностное восприятие права и правосознательное поведение [10, с. 250].

Активное участие в развитии правосознания, включая экологическое правосознание, должны принимать государственные органы и должностные лица, некоммерческие организации и волонтеры, посредством информирования о проблемах окружающей среды и экологическом законодательстве, мотивирования к его соблюдению и вовлечения в экологические практики и акции.

Заключение

Конституционная задача по воспитанию экологической культуры у россиян не может быть решена исключительно посредством включения экологических модулей в традиционные школьные предметы, поскольку такой подход обеспечивает только передачу школьникам знаний об окружающем их мире, однако не формирует ценностных установок, опыта и привычек экологически ответственного поведения. Одни только естественно-научные познания не будут мотивировать индивида беречь и защищать окружающую его природную среду, действовать экологически ответственно. Иными словами, чисто образовательный подход не поможет сформировать экологическую культуру.

Для решения этой задачи необходимо использовать более широкий и гибкий набор действий, одним из ключевых элементов которого должно быть развитие эколого-правовой культуры и экологического правосознания, которое оказывает двойственное влияние на развитие экологической культуры.

С одной стороны, повышение правосознания как такового будет мотивировать индивида соблюдать законы, включая природоохранные. По мере формирования групповой правовой культуры обще-

ство в целом с большей готовностью будет проявлять склонность к экологически ответственным практикам. С другой стороны, инструменты развития правосознания и правовой культуры хорошо изучены в научной литературе, и эти богатые теоретические и практические наработки могут быть использованы для решения задачи формирования экологической культуры россиян.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнашев Г. А. Ценностные аспекты правовой культуры и правовой идеологии, их влияние на правоприменительную политику // Молодой учёный. 2018. № 48. С. 107–110.
2. Васильчук Ю. В., Яковлева Н. Г. Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 99–108.
3. Виноградова Е. В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры – инвестиции в будущее России // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 199–206.
4. Дицевич Я. Б. Опыт правового регулирования деятельности по формированию экологической культуры (на примере Иркутской области) // Спутник высшей школы. 2022. № 5. С. 72–77.
5. Дицевич Я. Б. Правовые предпосылки развития экологической культуры населения России и Монголии // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 6. С. 92–96.
6. Концепция внедрения экологических критериев в контрактную систему закупок / К. А. Белокрылов, А. Н. Вакуленко, А. О. Кишкowska, А. Н. Ситухо // JER. 2021. № 4. С. 150–158.
7. Негодаева Е. Г. Философско-правовые аспекты формирования экологической культуры // Философия права. 2022. № 4. С. 128–133.
8. Певцова Е. А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи (теоретико-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 46 с.
9. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правосознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70–81.
10. Певцова Е. А., Сапогов В. М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 242–252.
11. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. М.: Проспект, 2023. 272 с.
12. Посталовская О. А. Теория и практика становления экологической культуры будущих специалистов в системе высшей школы // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2022. № 2. С. 37–41.
13. Шадрин Е. В., Виноградов Д. В., Кашин Д. В. Отражение экологических приоритетов государства в закупочной деятельности государственных организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 34–60.
14. Экологическая культура личности в свете развития экологического законодательства / С. Р. Гильденскиольд, Ю. М. Гришаева, С. Н. Глазачев, С. В. Чернышенко, Ю. В. Шумилов // Вестник РМАТ. 2019. № 4. С. 59–70.
15. Ясвин В. А. Экологическая политика в сфере формирования культуры: цели и результаты // Социально-политические исследования. 2020. № 4. С. 147–156.
16. Sharma A. P. Consumers' purchase behaviour and green marketing: A synthesis, review and agenda // International journal of Consumer Studies. 2021. Vol. 45. № 6. P. 1217–1238.
17. Wang Ch.-H. How organizational green culture influences green performance and competitive advan-

tage: The mediating role of green innovation // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2019. Vol. 30. № 4. P. 666–683.

18. Zheng X., Wang R., Hoekstra A. Y. Consideration of culture is vital if we are to achieve the Sustainable Development Goals // *One Earth*. 2021. Vol. 4. № 2. P. 307–319.

REFERENCES

1. Burnashev G. A. [Value aspects of legal culture and legal ideology, their influence on law enforcement policy]. In: *Molodoy uchonyy* [Young Scientist], 2018, no. 48, pp. 107–110.
2. Vasilchuk Yu. V., Yakovleva N. G. [Environmental education as a factor in the formation of legal culture of youth]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Tver State University. Series: Law], 2021, no. 1, pp. 99–108.
3. Vinogradova E. V. [Constitutional priorities of ecological education and upbringing of ecological culture – investments in the future of Russia]. In: *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* [Legal policy and legal life], 2022, no. 3, pp. 199–206.
4. Dicevich Ya. B. [The experience of legal regulation of activities for the formation of ecological culture (on the example of the Irkutsk region)]. In: *Sputnik vysshey shkoly* [Sputnik of higher school], 2022, no. 5, pp. 72–77.
5. Dicevich Ya. B. [Legal prerequisites for the development of ecological culture of the population of Russia and Mongolia]. In: *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2020, no. 6, pp. 92–96.
6. Belokrylov K. A., Vakulenko A. N., Kishkovskaya A. O., Situkho A. N. [The concept of introducing eco-friendly criteria into the contract procurement system]. In: *JER*, 2021, no. 4, pp. 150–158.
7. Negodaeva E. G. [Philosophical and legal aspects of the formation of ecological culture]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2022, no. 4, pp. 128–133.
8. Pevtsova E. A. *Problemy formirovaniya pravovogo soznaniya uchashcheyshya molodezhi (teoretiko-pravovyye aspekty): avtoref. dis. ... dr-a. yurid. nauk* [Problems of formation of legal consciousness of students (theoretical and legal aspects): abstract of Dr. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2006. 46 p.
9. Pevtsova E. A. [Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2004, no. 3, pp. 70–81.
10. Pevtsova E. A., Sapogov V. M. [Formation of legal culture of minors in the conditions of digitalization of legal life of society]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, no. 470, pp. 242–252.
11. Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya. *Pravovoye prosveshcheniye v Rossii: sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya* [Legal education in Russia: status, problems and prospects of development]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 272 p.
12. Postalovskaya O. A. [Theory and practice of formation of ecological culture of future specialists in the higher school system]. In: *Vysheyskaya shkola: nauchno-metadychnyye i publitsisticheskiye chasopis* [Higher School: scientific-methodical and journalistic journal], 2022, no. 2, pp. 37–41.
13. Shadrina E. V., Vinogradov D. V., Kashin D. V. [Reflection of environmental priorities of the state in the procurement activities of state organizations]. In: *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal administration], 2021, no. 2, pp. 34–60.
14. Gildenskiold S. R., Grishaeva Yu. M., Glazachev S. N., Chernyshenko S. V., Shumilov Yu. V. [Ecological culture of the individual in the light of the development of environmental legislation]. In: *Vestnik RMAT* [Bulletin of the RMAT], 2019, no. 4, pp. 59–70.
15. Yasvin V. A. [Environmental policy in the sphere of culture formation: goals and results]. In: *Sotsialno-politicheskiye issledovaniya* [Socio-political research], 2020, no. 4, pp. 147–156.
16. Sharma A. P. Consumers' purchase behaviour and green marketing: A synthesis, review and agenda. In: *International Journal of Consumer Studies*, 2021, no. 45, pp. 1217–1238.
17. Wang Ch.-H. How organizational green culture influences green performance and competitive advantage: The mediating role of green innovation. In: *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2019, no. 30, pp. 666–683.
18. Zheng X., Wang R., Hoekstra A. Y. Consideration of culture is vital if we are to achieve the Sustainable Development Goals. In: *One Earth*, 2021, no. 4, pp. 307–319.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН;
e-mail: kodanevas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana. I. Kodsneva – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kodanevas@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коданева С. И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 24–32.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-24-32

FOR CITATION

Kodaneva S. I. The Role of Ecological Legal Awareness in the Formation of Ecological Culture of the Russian Population. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-24-32

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.55

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-33-45

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Багдасарян С. Д., Гришина Т. М.

Международный юридический институт

127427, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование конструкции органов местного самоуправления Российской Федерации и её партнёров по Евразийскому экономическому союзу (Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии) и соотношения влияния на организацию территориальной власти центральных органов управления и полномочий, реализуемых субъектами местной власти.

Процедуры и методы. Использован комплексный подход, позволивший объединить научные методы для исследования структуры органов местного самоуправления в национальных системах публичной власти евразийского региона; историко-сравнительный анализ стал основанием для выявления общего и особенного в организации публичной власти в каждом государстве – партнёре по ЕАЭС; структурный метод способствовал выявлению устойчивых связей внутри организации публичной власти, обеспечивающих сохранение её основных свойств и способствующих её эффективной организации. Критерием для отбора стран явилось членство указанных государств в ЕАЭС в контексте евразийской интеграции на постсоветском пространстве.

Результаты. Сформулированы предложения по решению основных проблем, способствующие выходу на качественно новый уровень организации местного самоуправления в государствах-членах ЕАЭС.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изложены авторские позиции по вопросу организации и развития структуры органов публичной власти (государственной и муниципальной) и продолжения поиска оптимальной модели интегрированного взаимодействия с учётом организационных и исторических особенностей каждого из государства-члена ЕАЭС, имеющих общие исторические корни развития публичной власти. Изучены проблемы организации местного самоуправления в странах, которые проходят путь экономической интеграции и стремятся активизировать процессы сотрудничества на разных уровнях публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, взаимодействие, децентрализация, управление, интеграция

DESIGNING LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES: THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

S. Bagdasaryan, T. Grishina

International Law Institute

ul. Kashenkin lug 4, Moscow 127427, Russian Federation

Abstract

Aim. The study of the structure of local self-government bodies of the Russian Federation and its partners in the Eurasian Economic Union (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan) and the correlation of the influence on the organization of territorial power of central government bodies and the powers exercised by local authorities.

Methodology. The study used an integrated approach that allowed combining scientific methods to study the structure of local self-government bodies in the national systems of public power in the Eurasian region; historical and comparative analysis became the basis for identifying common and special features in the organization of public power in each partner state of the EAEU; structural method contributed to the identification of stable links within the organization of public power, ensuring the preservation of its basic properties and contributing to its effective organization. The criterion for the selection of countries was the membership of these states in the EAEU, in the context of Eurasian integration in the post-Soviet space.

Results. Proposals are formulated to solve the main problems that contribute to reaching a qualitatively new level of organization of local self-government in the EAEU member states.

Research implications. The author's positions on the organization and development of structures of public authorities (state and municipal) and the continuation of the search for the optimal model of integrated interaction, taking into account the organizational and historical characteristics of each of the EAEU member states, that have common historical roots in the development of public authority. The practical significance of the study is in the study of the problems of the organization of local self-government in countries that are on the path of economic integration and seek to activate the processes of cooperation at different levels of public authority.

Keywords: local self-government, public authority, interaction, decentralization, management, integration

Введение

В отечественной и зарубежной науке одним из критериев анализа конституционной модели организации публичной власти является оценка конструкции органов муниципальных образований, т. е. характеристика их качества деятельности и структурного соответствия конституционно-правовым требованиям, предъявляемым к их организации и управлению, поэтому модель местного самоуправления рассматривают, принимая за основной критерий соотношения влияния на организацию территориальной власти центральных органов управления и полномочий, реализуемых субъектами местной власти.

В данном исследовании учитываются следующие факторы [4]:

– исторический процесс, влияющий на форму организации публичной власти в пространственной перспективе;

– соотношение и взаимодействие властных и общественных институтов гражданского общества;

– культурная идентичность и уровень социально-экономических отношений государства и общества.

Н. Д. Шимширт предлагает ориентироваться ещё и на такие показатели, которые рассматриваются как универсальные инструменты анализа [20]:

– «автономия местной власти или их включённость в систему органов государства;

– степень детализации государством компетенций местного самоуправления;

– уровень свободы муниципалитетов при оказании ими муниципальных услуг жителям;

– степень фискальной автономии местного самоуправления;

– возможности и формы государственного контроля деятельности муниципалитетов».

Эти классификационные инструменты позволяют раскрыть характеристики местного самоуправления как института, реализующего базовые потребности населения в территориальном общественном самоуправлении и определяющего способы участия граждан в самоорганизации.

Этапы конструирования моделей местного самоуправления на постсоветском пространстве

Государства (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан и Россия), входящие в состав ЕАЭС, имеют общую историю в организации и деятельности органов местного самоуправления. Конструкция органов управления в советский период основывалась на принципе единства Советов как источника власти народа и не учитывала принципа разделения властей. Такой подход создавал трудности в реализации эффективного местного самоуправления и исключал их самостоятельность.

По этой причине в начале 1990-х гг. в бывших республиках СССР начался этап реформирования советской системы местного самоуправления. В России при формировании новой модели организации местного самоуправления учли тот факт, что советская конструкция органов местного самоуправления не даёт возможности создать качественную и эффективную модель по решению вопросов местного значения и реализовать принцип разделения властей, ибо специфическими чертами советского типа являлись жёсткая централизация управления всеми экономическими и социальными процессами государства и в основном дублирование функций центральных органов местными Советами.

Формированию современной российской модели организации местного самоуправления предшествовало несколько этапов, которые условно можно охарактеризовать как установочный, концептуальный и модернизированный.

Установочный процесс был запущен в 1991 г. Роспуск СССР стал точкой отсчёта поиска пути развития органов самоуправления и резкого невосприятия Советов как формы организации. На пути выхода из кризиса были приняты 2 нормативных правовых акта: Закон СССР 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»¹ и Закон РСФСР от 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР»², – регламентировавших некоторые новеллы в процессе становления принципиально отличного от предыдущего местного самоуправления, но не изменивших организационную структуру и разделение компетенций, т. к. уже развивался конфликт между представительной и исполнительной ветвями власти, каждая стремилась увеличить свои компетенции за счёт другой. Этот этап не дал окончательного результата, однако позитивно сказался на процессе развития муниципальной власти Российской Федерации.

Эта тенденция отразилась и при обсуждении проектов конституций в 1992–1993 гг. в России и бывших союзных республиках, которые обрели возможность формировать свои конституционные модели самоуправления.

Концептуальный этап характеризуется вступлением в юридическую силу Конституции 1993 г.³, в которой на основе

¹ Закон СССР от 09.04.1990 № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43992#fWhallTLaGA4PeJ5> (дата обращения: 02.08.2023).

² Закон РФ от 22.10.1992 № 3703-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О местном самоуправлении в РСФСР"» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f/ (дата обращения: 02.08.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята все-

конституционного принципа самостоятельности был установлен статус местного самоуправления.

Исследователь О. Б. Иванов [14] выделяет причины таких изменений: «Конституция 1993 г. принималась на фоне демократической эйфории после распада Советского Союза и общей уверенности в том, что всё советское – плохо, а всё западное – хорошо. Поэтому нормы о местном самоуправлении в первоначальной редакции Конституции были в основном скопированы с западных аналогов».

Модернизация конструкции организации и функционирования органов местного самоуправления связана с конституционными поправками 2020 г.

Реформа 2020 г., по нашему мнению, была направлена на изменения работы органов самоуправления, ставя задачу эффективного взаимодействия институтов публичной власти в стране. Конституционные новеллы позволили сблизить модели взаимодействия всех уровней публичной власти в государствах-членах ЕАЭС. Несмотря на разницу в форме территориально-государственного устройства (Россия – федеративное государство; Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия – унитарные государства), единая система публичной власти позволяет органам МСУ в Российской Федерации более эффективно взаимодействовать с органами государственной власти в решении задач государственного управления в форме реализации делегированных полномочий на базовом, муниципальном уровне.

Исходя из этой цели реформы, проанализируем конструирование модели самоуправления в России и в республиках, имеющих историческое взаимодействие с государственностью Российской Федерации. Учёные и практики настороженно оценивают влияние конституционных новелл 2020 г. на модель местного самоуправления в РФ.

народным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

Отечественная наука в последние годы придерживается более объективного взгляда на историю становления и развития местного самоуправления [21], но при этом не существует единого концептуального взгляда на развитие местного самоуправления в России [6]. В зависимости от политической и культурной традиции исследователи высказывались о проведении реформ, исходя либо из критерия централизации, либо из критерия децентрализации [12, с. 17].

Конституционная реформа инициировала следующие изменения в системе самоуправления по Указу Президента России от 1993 г.¹:

1) органами местного самоуправления в городах, сельских поселениях, других населённых пунктах являлись выборные и другие органы – собрание представителей, глава;

2) на территориях, включающих несколько городских или сельских поселений, совместным решением органов местного самоуправления может быть создан единый орган самоуправления соответствующих территорий;

3) в базовых муниципальных образованиях (городские и сельские поселения) с численностью местного населения до 5 тыс. чел. местное самоуправление могло быть реализовано непосредственно населением через собрания, сходы и выборным главой, который периодически отчитывается перед собранием, сходом. В городах, городских, сельских поселениях и иных населённых пунктах предусматривалось формирование представительных коллегиальных органов и главы местного самоуправления;

4) в городах и других поселениях с населением свыше 50 тыс. человек глава администрации назначался главой администрации края, области, города федерального

¹ Указ Президента РФ от 26.10.1993 № 1760 «О форме местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2614 (дата обращения: 02.08.2023).

значения, автономной области, автономного округа либо избирался населением;

5) выборный представительный орган местного самоуправления работал, как правило, на непостоянной основе и созывался на свои заседания соответствующим главой образования. При этом решения выборного представительного органа подписывались им;

6) в компетенцию выборного представительного органа местного самоуправления входили: утверждение местного бюджета и отчёта о его исполнении, а также установление местных налогов и сборов (по представлению и согласованию с главой образования), утверждение программы развития территорий, принятие положения (устава) о местном самоуправлении, осуществление контроля за деятельностью главы;

7) к компетенции главы самоуправления были отнесены: управление муниципальным хозяйством, распоряжение имуществом и объектами муниципальной собственности, разработка местного бюджета, обеспечение его исполнения и другие функции. Реализовывать свою функциональную деятельность глава мог непосредственно либо через созданные им органы;

8) органы местного самоуправления обладали правом самостоятельной организации своей структуры.

Сегодня местное самоуправление России можно отнести к модели, заложенной в теории муниципального дуализма, предполагающей эффективное, двустороннее взаимодействие между человеком, обществом и государством, в лице должных лиц и органов местного самоуправления. Данная концепция отражена в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ и реализуется в данный момент.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения: 02.08.2023).

В дуалистической теории заложена идея двойственной сущности местного самоуправления с ориентацией на поддержку самостоятельности местных сообществ, не исключающей защиты общегосударственных интересов, что предполагает совместную деятельность органов местного самоуправления в решении определённых государственных задач, выходящих за территориальные границы муниципальных образований [9].

Научная мысль предлагает к глубокому исследованию также корпоративную модель местного самоуправления, представляющую, по мнению авторов, интерес для Российской Федерации, поскольку в ней муниципалитет предстаёт корпорацией («хозяйствующим субъектом»), у которого существует необходимость сохранять баланс между корпоративностью муниципального управления и основными элементами демократии и самоуправления граждан [16, с. 4], что в настоящий исторический период наиболее актуально для современной России. Однако, на наш взгляд, эволюция современного местного самоуправления в Российской Федерации сегодня осуществляется по пути укрупнения муниципальных образований и более тесного взаимодействия между государственной и муниципальной властью, что не отрицает её правового и демократического развития.

Особенности новой модернистской управленческой модели

Конституционные новеллы 2020 г. принципиально сузили сферу взаимодействия местного самоуправления с государственной властью и создали единую систему «публичной власти», что было отражено в нормативно-правовой базе России в форме Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»².

² Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СПС

Создание единой системы публичной власти в России базируется на общности целей и задач каждого уровня российской власти, что является базовой гарантией стабильного повышения благосостояния народа России. Следует отметить, что для реализации указанной цели, органы государственной власти вправе наделять собственными полномочиями органы местного самоуправления, передавая их для реализации поставленных задач материально-финансовые ресурсы из собственных бюджетов.

Существует определённая противоречивость между конституционными нормами, а именно: ст. 12, дифференцирующей органы государственной власти и местного самоуправления, и ст. 131 ч. 1.1 Конституции РФ, устанавливающей, что органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц МСУ, а также ст. 132 ч. 3: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Следует учесть, что в гл. 1 Конституции России невозможно внести изменения. Однако правки в гл. 8 детализировали и существенно усилили правовой статус местного самоуправления, что соответствует его потенциальным возможностям. По мнению И. В. Упорова, это нововведение закрепляет «органы местного самоуправления как форму местной публичной власти» [18].

Интересны научные рассуждения А. А. Ивановой и Н. И. Обуховой [13] о соотношении государственной и муниципальной власти как самостоятельных управленческих подсистем единого управления в государственной системе,

что корреспондируется с дуалистической теорией местного самоуправления. Эта позиция прослеживается и в работах А. А. Афанасьева [3], и А. Н. Черткова [19].

На основе различных позиций в отечественной науке к характерным особенностям государственной власти можно отнести такие факторы, как всеобщность, универсальность, независимость. Кроме этого, ей присущи признаки: официальность, строгая иерархичность конструкции, императивность решений; исключительное право на законотворчество и правосудие, а также на легальные меры принуждения в случае необходимости для наведения конституционного порядка.

Местное самоуправление, являясь по конституционной сути народовластием (особенным властным уровнем), должно обладать:

- высокой степенью легитимности;
 - наличием собственного управленческого аппарата;
 - отсутствием жёсткой иерархичности, присущей государственной власти;
 - самостоятельностью в принятии решений; обязательностью в их исполнении только на территории муниципального образования;
 - пределами полномочий субъектов правоотношений в собственных границах.
- Анализируя основные характеристики и особенности государственной и муниципальной власти, объединённых в единую систему публичной власти, можно отметить наличие большого количества важных управленческих инструментов, с помощью которых реализуется эффективное управление:

- законотворчество и последующая правотворческая деятельность, право на нормотворчество;
- легальное принуждение, стимулирующее поощрение, позитивное убеждение граждан к самоорганизации, инициативности в принятии решений;
- финансово-экономические, информационные, научно-технические и иные ресурсы.

Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 02.08.2023).

Особенности конструкции местного самоуправления в государствах-членах ЕАЭС

Сегодня в условиях активно проходящей в мире регионализации для эффективного развития евразийской интеграции необходимо обратить внимание на сущностные различия конструкций взаимодействия государственной и муниципальной власти среди партнёров по Евразийскому экономическому союзу [5].

Например, в Республике Казахстан конституционная форма МСУ отлична от российской, когда местное государственное управление входит в единую систему исполнительных органов и возглавляется акимом, являющимся представителем президента и правительства¹. Такая форма взаимодействия централизует управление в государстве и исключает самостоятельную экономическую деятельность.

Можно утверждать, что казахстанская модель наиболее близка к научной теории государственной модели местного самоуправления. Суть данной теории в том, что местное самоуправление является формой государственного управления, которое наделяет полномочиями органы МСУ и являются источником их власти. Отличием муниципальной власти является то, что самоуправление реализуется непосредственно местными жителями, наиболее полно заинтересованными в собственном благополучии.

В Республике Беларусь конституционная модель местного самоуправления наиболее близка к казахстанской модели, заимствованной из советского прошлого: единство и централизация государственной власти, фактически включающей органы местного самоуправления, где доходная часть муниципальных бюджетов низка и не обеспечивается собственными источ-

никами, а дотируется из государственного бюджета. Согласно конституционным нормам Беларуси² местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов (выборные сроком на 5 лет), исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и иные институты прямой демократии. Важность деятельности руководителей местных исполнительных и распорядительных органов подчёркивается процедурой назначения и освобождения от должности, осуществляемой непосредственно президентом Республики.

Местные советы депутатов являются фундаментальным уровнем, на котором выстроена пирамида государственной власти Беларуси. Вся система Советов в Республике дифференцирована на 3 территориальных уровня (областной, базовый и первичный), а также включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы.

Несмотря на устоявшуюся систему, современные белорусские учёные подчёркивают недостатки в конструкции МСУ и делают предложения по реализации позитивных изменений. Например, в исследовании белорусского учёного Г. А. Василевича [8] выделены следующие положения, требующие реализации:

- установление баланса власти Центра и самоуправления;
- расширение полномочий местных Советов;
- внесение изменения в национальное законодательство в сфере местного самоуправления;
- укрепление местных бюджетов;
- изменение порядка зачисления налогов в пользу местного самоуправления;
- более активное использование внебюджетных фондов;

¹ Закон Республики Казахстан от 23.01.2001 № 148 «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_\(дата_обращения: 02.08.2023\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_(дата_обращения: 02.08.2023)).

² Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 № 2875-ХІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.03.2022) [Электронный ресурс]. URL: [https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution_\(дата_обращения: 09.07.2023\)](https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution_(дата_обращения: 09.07.2023)).

– развитие институтов прямой демократии в виде референдумов;

– повышение уровня информатизации местных органов с целью более тесного взаимодействия власти и народа (сбор подписей под публичной инициативой по местным вопросам, публичное обсуждение проектов решений).

Подчёркивая динамичное развитие белорусского законодательства в сфере местного самоуправления, Г. А. Василевич призывает действовать поступательно, в русле современных тенденций для благополучия народа.

Конституционные новеллы мая 2021 г. в Киргизии существенно преобразовали действующую модель местного самоуправления в Республике, наделив муниципальные образования широкими экономическими правами для развития регионов. В конструкте органов местного самоуправления Республики можно отметить следующие элементы:

– местные кенешы (представительные органы: городские, районные, поселковые, айылные округи);

– айыл окмоту (исполнительно-распорядительный орган) и мэрии городов.

Исследователь Ж. Б. Кыдыралиев подчёркивает значение института местного самоуправления в политической системе Киргизии, обращая внимание на количество конституционных норм по отношению к МСУ [15]. Главной характеристикой местного самоуправления Республики является право местных сообществ на самостоятельное решение вопросов местного значения в соответствии со своими интересами и обязанностями (ст. 111 Конституции)¹. Таким образом, местное самоуправление можно по праву назвать одной из форм публичных правоотношений в государстве и элементом политиче-

ской системы общества, что регламентировано в Основном законе государства.

Научная мысль доносит также и проблемы, существующие в Республике Киргизии в настоящее время, среди которых К. Д. Бекташев выделяет: слабо развитую экономику; клановую культуру, с присущей ей подчинением, когда лица, занимающие определённые должности, должны подчиняться (на ментальном уровне) или оказывать помощь лицам, занимающим более высокие должности; коррупционный элемент, отрицательно влияющий на весь комплекс общественных отношений в государстве [7, с. 131].

В конструкции местного самоуправления Республики Армении выделяют следующие элементы: совет общины (представительная власть) и глава общины (исполнительная власть), со сроком полномочий – 5 лет.

Сравнивая местное самоуправление стран, можно выделить некоторые особенности:

– армянская система МСУ представляет собой двухуровневую модель местного самоуправления (совокупность общин, объединённых единым центром) с одинаковым правовым статусом у муниципальных образований;

– в российской системе представлена множественность различных муниципальных образований с отличающимся правовым статусом.

Например, отдельные государственные полномочия (федеральные и региональные) могут передаваться только округам и районам.

В данном случае равноправие правовых статусов представляется более эффективным по решению задач, стоящих перед публичной властью государства.

Представляется интересным исследование А. В. Аветисяна [1] в контексте современного состояния системы местного самоуправления и актуальных проблем его развития в Армении. Среди негативных моментов исследователем выделены [2]:

1) высокая степень фрагментации административно-территориального устрой-

¹ Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11.04.2021; введена в действие Законом Кыргызской Республики от 05.05.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 09.07.2023).

ства Республики, что влечёт за собой недоработку или невозможность реализации делегированных государственной властью полномочий, но это касается в основном сельских общин;

2) существенная централизация государственной власти, подчас не соблюдающей принцип субсидиарности, что создаёт предпосылки к переходу к новым, более зрелым отношениям и укреплению взаимодействия между централизованным и децентрализованным режимами общественных услуг, что значительно расширяет полномочия и финансовую базу местных органов;

3) нехватка собственных бюджетных средств и содержание местных сообществ фактически за счёт средств, предоставляемых правительством Армении;

4) низкий уровень фискальной децентрализации, что требуется сбалансировать созданием надлежащего муниципального налогового управления как обязательного элемента в структуре органов МСУ, а также поиск стабильных источников доходов в местные бюджеты и активизации государственного финансирования долгосрочных программ, способных обеспечить повышение доходов муниципалитетов;

5) недостаточность правового статуса и уровня развития инфраструктуры сообщества, что негативно сказывается на качестве услуг, предоставляемых гражданам, как правило, в сельских населённых пунктах, ввиду редкого использования современного оборудования и программного обеспечения;

6) несоразмерность распределения субсидий, в т. ч. для местных сообществ, что требует установления чётких критериев для увеличения адресности субсидий и организации прозрачного и подотчётного процесса их выделения правительством Армении;

7) низкий уровень экономического сотрудничества между общинами и отсутствие опыта взаимодействия в реализации совместных проектов и механизмов их финансирования;

8) неполное управление сообществами, включая системы финансового управ-

ления, что вызывает произвол и хаос на местном уровне и в конечном счёте мешает гармоничному развитию местного самоуправления Республики Армения.

Отдельные проблемы деятельности местного самоуправления среди государств-членов ЕАЭС

Проблемы, указанные в плоскости организации местного самоуправления, можно (целиком или частично) отнести ко всем государствам-членам ЕАЭС, а также к списку добавить «кадровый голод» и недостаточную профессиональную подготовленность муниципальных служащих.

Решение этого вопроса чрезвычайно важно для совершенствования деятельности органов МСУ, поскольку именно человек является базовым звеном в особом уровне публичной власти – народовластии, невзирая на степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти. Высокий образовательный уровень, готовность к саморазвитию и мотивация муниципальных служащих к личностному росту являются одними из основных условий эффективной деятельности органов МСУ в единой системе публичной власти, в условиях стремительной трансформации реалий современного мира (активное внедрение IT-технологий, пандемические угрозы, вызовы на киберпространстве и др.). Эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления напрямую зависит от качества кадрового состава и его способности к решению текущих и кризисных задач [11].

Проблематика кадрового обеспечения органов местного самоуправления, по мнению российских исследователей М. Г. Масиловой и В. Е. Лобова [17], заключается в отсутствии комплексного подхода к данному вопросу. Для повышения кадрового потенциала в органах местного самоуправления требуется:

1) внимательное отношение к адаптации молодых специалистов, принятых на муниципальную службу;

2) предоставление возможности качественного профессионального обучения для муниципальных служащих любой возрастной категории, в т. ч. с применением наставничества для молодых специалистов;

3) обеспечение стабильного карьерного роста, служебного продвижения и профессионального развития служащих органов местного самоуправления.

Следует отметить, что большинство перечисленных проблем являются общими и уже сегодня требуют решения во всех государствах, входящих в состав ЕАЭС, с целью повышения эффективности деятельности местного самоуправления и реального приближения государственной власти к своему народу. Значение же организации и структуры государственной власти в Беларуси как для России, так и для всего ЕАЭС сложно переоценить, поскольку с декабря 1999 г. функционирует союзное государство Россия–Беларусь, которое является ядром евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Организация и эффективность взаимодействия всех уровней власти в союзном государстве является примером для реальных и потенциальных членов ЕАЭС.

Для решения актуальных задач взаимодействия партнёров по ЕАЭС не только на государственном, но и на муниципальных уровнях требуется качественная проработка возможных векторов взаимодействия по всему спектру вопросов, с целью обмена позитивным опытом работы и исправления ошибок, допущенных в процессе эволюционного развития местного самоуправления в постсоветский период.

Заключение

Несмотря на многолетний опыт развития самостоятельного местного самоуправления в регионе, необходимо продолжить поиск оптимальной модели местного самоуправления в государствах-членах ЕАЭС и их интегрированного взаимодействия с учётом организационных и исторических особенностей каждого из пар-

тнёров. По нашему мнению, в работе требуется опираться на следующие положения:

1) необходимость децентрализации властной вертикали, которая негативно влияет на деятельность местного самоуправления, лишая возможностей самостоятельной инициативы;

2) разработку нормативной базы, регламентирующей реализацию права местного населения на самостоятельное решение вопросов, находящихся в компетенции муниципалитета, в т. ч. самостоятельного создания органов местного самоуправления;

3) чёткую регламентацию в законодательствах государств-членов ЕАЭС распределения пределов полномочий органов государственной власти и местного самоуправления;

4) гармонизацию правовой базы партнёров по ЕАЭС в сфере организации местного самоуправления для эффективного взаимодействия с органами публичной власти во всех государствах-членах Союза с учётом специфических особенностей и характера участия определённой страны во внешнеэкономических связях;

5) создание единого уровня информатизации органов МСУ государств-членов ЕАЭС и поиск оперативных путей максимально упрощающих связи между всеми участниками общественных отношений (государство – регион – бизнес – человек);

5) поиск новых источников в повышении доходной части местных бюджетов как один из важнейших вопросов местного самоуправления. В данном контексте мы считаем необходимым обратиться к институту самообложения населения [10], максимально стимулирующему его социальную активность, переводящему на качественно новый уровень взаимодействие государственных органов и муниципального образования.

Идея гармоничного развития органов местного самоуправления как части публичной власти позволит государствам-членам ЕАЭС в независимости от формы территориально-государственного устройства эффективно реализовать межнациональные проекты на базовом уровне

публичной власти (например, основные направления цифровой повестки ЕАЭС)¹.

Сближение конструкторов органов местного самоуправления как особой формы публичной власти (народовластия) в государствах-членах ЕАЭС необходимо для усовершенствования управленческих решений публичной власти на национальном уровне и гармонизации отношений на межнациональном уровне членов Союза, поскольку выражает интересы народа (источника власти в демократическом государстве) и содействует оперативному

решению интеграционных задач на постсоветском пространстве.

Конструктивная работа в сфере организации местного самоуправления будет способствовать максимальному сближению государств-партнёров и эффективной реализации поставленных перед ЕАЭС целей – интеграции социально-экономического пространства и дальнейшему развитию Евразийского объединения.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветисян А. В. Современное состояние системы местного самоуправления и актуальные проблемы его развития в Республике Армения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1. С. 123–129.
2. Аветисян А. В. Пути развития местного самоуправления в Армении // Образование и право. 2020. № 2. С. 162–168.
3. Афанасьев А. А. Местное самоуправление и конституционная реформа – 2020 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 65–68.
4. Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Исторические корни местного самоуправления в России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 89–97.
5. Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления в странах ЕАЭС // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 16–21.
6. Баразгова Е. С. К истории местного самоуправления в России: эволюция отечественных теорий // Вопросы управления. 2017. № 5. С. 85–93.
7. Бекташев К. Д. Местные кенешы в политической системе Кыргызской Республики: дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2021. 173 с.
8. Василевич Г. А. Развитие местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте требований Европейской Хартии местного самоуправления // Совершенствование механизма государственного управления в условиях правовой интеграции / под ред. Т. А. Червяковой. Минск, Белорусский государственный университет, 2018. С. 7–11.
9. Горбатов Е. С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. Вып. 1. С. 21–27.
10. Гришина Т. М. Самообложение населения в России: проблемы реализации и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 83–93.
11. Дильманбетова Э. Р., Романов В. А. Способы развития мотивации у государственных и муниципальных служащих // Вестник экспертного совета. 2022. № 1. С. 45–53.
12. Зевина О. Г., Ковалевский А. Э., Макаренко Б. И. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. М.: Экон-Информ, 2009. 524 с.
13. Иванова А. А., Обухова Н. И. Некоторые историко-правовые аспекты формирования модели взаимодействия государственных и муниципальных органов // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 20–31.
14. Иванов О. Б. Местное самоуправление после принятия поправок к Конституции Российской Федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. № 2. С. 118–122.
15. Кыдыралиев Ж. Б. Бюллетень науки и практики // Национальная академия наук Киргизской Республики. Бишкек. 2022. Т. 8. № 7. С. 432–436.

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158/#20> (дата обращения: 02.08.2023).

16. Ларичев А. А. Корпоративная модель местного самоуправления: генезис, опыт реализации на примере Канады и его применимость в российских условиях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 489 с.
17. Масилова М. Г., Лобов В. Е. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Вестник ВГУЭС. 2019. № 4. С. 170–179.
18. Упоров И. В. Конституционные поправки 2020 и полномочия органов местного самоуправления в контексте функции охраны общественного порядка // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 3–1. С. 255–258.
19. Чертков А. Н. Государство и местное самоуправление в России: принцип единства публичной власти и проблемы разграничения её компетенции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 39–50.
20. Шимширт Н. Д. Правовые и организационно-экономические основы преобразований муниципальных образований // Проблемы управления в социальных системах. 2015. № 12. С. 182–198.
21. Яцук Т. Ф. Эволюция местного управления и самоуправления в России // Правоприменение. 2017. № 1. С. 92–100.

REFERENCES

1. Avetisyan A. V. [The current state of the system of local self-government and current problems of its development in the Republic of Armenia]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Izvestiya of the St. Petersburg State University of Economics], 2020, no. 1 pp. 123–129.
2. Avetisyan A. V. [Ways of development of local self-government in Armenia]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and law], 2020, no. 2, pp. 162–168.
3. Afanasiev A. A. [Local self-government and constitutional reform – 2020]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 5. pp. 65–68.
4. Bagdasaryan S. D., Grishina T. M. [Historical roots of local self-government in Russia]. In: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University], 2022, no. 1, pp. 89–97.
5. Bagdasaryan S. D., Grishina T. M. [Interaction between public authorities and local governments in the EAEU countries]. In: *Bezopasnost biznesa* [Business Security], 2022, no. 2, pp. 16–21.
6. Barazgova E. S. [On the history of local government in Russia: the evolution of domestic theories]. In: *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2017, no. 5, pp. 85–93.
7. Bektashev K. D. *Mestnyye keneshi v politicheskoy sisteme Kyrgyzskoy Respubliki: dis. ... kand. polit. nauk* [Local keneshes in the political system of the Kyrgyz Republic: Cand. Sci thesis in Political sciences]. Bishkek, 2021. 173 p.
8. Vasilevich G. A. [Development of local self-government in the Republic of Belarus in the context of the requirements of the European Charter of Local Self-Government]. In: Chervyakova T. A., ed. *Sovershenstvovaniye mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh zakona* [Improving the mechanism of public administration in the context of legal integration]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2018, pp. 7–11.
9. Gorbatyuk E. S. [Basic theories of local self-government: an analytical review]. In: *Vestnik SpbGU. Seriya 6* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6], 2015, iss. 1, pp. 21–27.
10. Grishina T. M. [Self-taxation of the population in Russia: implementation problems and development prospects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 2, pp. 83–93.
11. Dilmanbetova E. R., Romanov V. A. [Methods for the development of motivation among state and municipal employees]. In: *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], 2022, no. 1, pp. 45–53.
12. Zevina O. G., Kovalevsky A. E., Makarenko B. I. *Mestnoye samoupravleniye v Rossii: sostoyaniye, problema, put s poyavleniyem* [Local self-government in Russia: state, problems, ways of improvement]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2009. 524 p.
13. Ivanova A. A., Obukhova N. I. [Some historical and legal aspects of the formation of a model of interaction between state and municipal authorities]. In: *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2021, vol. 21, no. 2, pp. 20–31.
14. Ivanov O. B. [Local self-government after the adoption of amendments to the constitution of the Russian Federation: development prospects, legal regulation]. In: *Vlast* [Power], 2021, no. 2, pp. 118–122.
15. Kydyraliev Zh. B. [Bulletin of Science and Practice]. In: *Natsionalnaya akademiya nauk Kirgizskoy Respubliki*

- [National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Bishkek], 2022, vol. 8, no. 7, pp. 432–436.
16. Larichev A. A. *Korporativnaya model' mestnogo samoupravleniya: proiskhozhdeniye, opyt realizatsii v Kanade i yeye primenimost' v rossiyskikh usloviyakh: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Corporate model of local government: genesis, implementation experience on the example of Canada and its applicability in Russian conditions: Dr. Sci thesis in Legal sciences]. Moscow, 2018. 489 p.
 17. Masilova M. G., Lobov V. E. [Problems of staffing of local governments and ways to solve them]. In: *Vestnik VGUES* [Bulletin of VGUES], 2019, no. 4, pp. 170–179.
 18. Uporov I. V. [Constitutional amendments 2020 and the powers of local governments in the context of the function of protecting public order]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2021, no. 3–1, pp. 255–258.
 19. Chertkov A. N. [State and local self-government in Russia: the principle of the unity of public authority and the problem of delimiting its competence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 2, pp. 39–50.
 20. Shimshirt N. D. [Legal and organizational and economic foundations for the transformation of municipalities]. In: *Problemy upravleniya v sotsialnykh sistemakh* [Problems of management in social systems], 2015, no. 12, pp. 182–198.
 21. Yashchuk T. F. [The evolution of local government and self-government in Russia]. In: *Pravoprimeneniye* [Law enforcement], 2017, no. 1, pp. 92–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Сусанна Джамилловна – доктор исторических наук, профессор Международного юридического института;
e-mail: bsd73@mail.ru

Гришина Татьяна Михайловна – старший преподаватель Международного юридического института;
e-mail: pravo_17@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Susanna J. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., International Law Institute;
e-mail: bsd73@mail.ru

Tatiana M. Grishina – Senior Lecturer, International Law Institute;
e-mail: pravo_17@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Конструирование органов местного самоуправления: опыт Российской Федерации и стран евразийского экономического союза // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 33–45.

DOI: [10.18384/2949-513X-2023-3-33-45](https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-3-33-45)

FOR CITATION

Bagdasaryan S. D., Grishina T. M. Designing Local Self-Government Bodies: The Experience of the Russian Federation and the Countries of the Eurasian Economic Union. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 33–45.

DOI: [10.18384/2949-513X-2023-3-33-45](https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-3-33-45)

УДК 504.75, 342.5

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-46-55

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЁНКА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Юн Л. В.

*Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал
420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ экологических угроз, оказывающих негативное воздействие на реализацию прав ребёнка. Выявить проблемы, возникающие в ходе реализации права детей на благоприятную окружающую среду, исходя из анализа конституционно-правовых положений и норм, закреплённых в российском законодательстве, а также в международном праве, касающемся прав детей, доктрины экологического права в национальном и международном праве.

Процедура и методы. С помощью сравнительно-правового метода проведён анализ прав детей на благоприятную окружающую среду в национальном и международном праве. Были также использованы логический и формально-юридический методы научного познания.

Результаты. В ходе исследования рассмотрены некоторые ключевые проблемы, оказывающие неблагоприятное воздействие на реализацию обозначенного права. Право на благоприятную окружающую среду детьми как субъектами права в России и других государствах реализуется в зависимости от начала правосубъектности. Выявлено, что в Российской Федерации правосубъектность начинает действовать после рождения ребёнка, в других государствах этот процесс варьируется от момента зачатия до момента рождения. Сделан вывод, что в современных государствах акцент поставлен в большей степени на то, что дети являются наиболее уязвимыми от возникающих угроз и вызовов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию экологического права, в законодательное усовершенствование норм в ходе реализации права детей на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда, дети, социальные права человека и гражданина, экологическая безопасность

CURRENT PROBLEMS OF REALIZING THE RIGHT OF CHILDREN TO A FAVORABLE ENVIRONMENT

L. Yun

*Russian State University of Justice, Kazan Branch
ul. 2ya Azinskaya 7A, Kazan 420088, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of environmental threats that have a negative impact on the realization of the rights of the child. Identify problems arising during the implementation of children's right to a favorable environment, based on an analysis of constitutional and legal provisions and norms enshrined in Russian legislation, as well as in international law concerning the rights of children, the doctrine of environmental law in national and international law.

Methodology. With the help of the comparative legal method, an analysis of the rights of children to a favorable environment in national and international law was carried out. The logical and formal-legal methods of scientific knowledge were also used.

© CC BY Юн Л. В., 2023.

Results. In the course of the study, some key problems that have an adverse impact on the implementation of the right we have identified are considered. The right to a favorable environment by children as subjects of law in Russia and other states is realized depending on the beginning of legal personality. It was revealed that in the Russian Federation legal personality begins to operate after the birth of a child, in other states this process varies from the moment of conception to the moment of birth. After studying the problems in national and international law, it was concluded that in modern states the emphasis is placed more on the fact that children are the most vulnerable to emerging threats and challenges.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of environmental law, to the legislative improvement of norms in the course of realizing the right of children to a favorable environment.

Keywords: favorable environment, children, social human and civil rights, environmental safety

Введение

Проблемам изучения права на благоприятную окружающую среду уделяется существенное внимание со стороны учёных-конституционалистов, практических работников в экологической сфере, иных субъектов права, интересующихся обозначенной нами проблематикой. В настоящий период времени права человека и особенно права ребёнка приобретают всё большую актуальность в контексте исследования и выявления новых угроз и вызовов, происходящих в отношении как конкретного индивида и социальных групп, так и всех людей, проживающих в мире. Отметим, что различные исследования, посвящённые праву на благоприятную окружающую среду, не всегда выделяют в качестве особого субъекта защиты – детей.

Дети представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий населения, подвергающихся экологическим рискам вследствие экологических катастроф, природных катаклизмов. Модификация современного общества свидетельствует о возникновении новых угроз и вызовов (пандемий, эпизоотий, эпидемий).

По мнению А. В. Солдатовой и Я. В. Солдатова, устрашающие масштабы распространения эпидемических процессов способствуют дальнейшему развитию всех сфер жизни общества, составляя при этом относительно серьёзную угрозу [7, с. 138–140].

Появляющиеся новые угрозы и глобальные вызовы негативным образом влияют на здоровье и жизнь, в т. ч. и детей. Дети

в большей степени подвержены экологическим рискам (загрязнение окружающей среды, выделение токсичных веществ в атмосферу воздуха, некачественная питьевая вода, способствующая возникновению инфекционных заболеваний), приводящим к неблагоприятным последствиям.

В современный период развития российского общества важно создать и проработать механизм, направленный на создание экологической безопасности, минимизацию экологических, биологических, медицинских энергетических, природных рисков, устранение последствий экологических правонарушений за минимальный период времени. Вследствие проведённых мероприятий, касающихся здоровья будущих и последующих поколений детей, возможно будет обеспечить экологическую безопасность.

Е. А. Певцова считает, что «...успешное функционирование государства во многом зависит от состояния прав детей и молодёжи, взятых в совокупности разработанного эффективного механизма по обеспечению их защиты...» [5, с. 138].

В связи с этим в данном исследовании хотелось бы остановить своё внимание на детях как субъектах права, имеющих право на благоприятную окружающую среду. Для более полного анализа данного права следует изучить конституционно-правовые положения и нормы российского и международного законодательства, регулирующие права детей, в частности на благоприятную окружающую среду.

Конституционно-правовые положения и нормы национального и международного права, регулирующие права детей на благоприятную окружающую среду

Согласно конституционным положениям Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ). Помимо этого закреплена норма о том, что основные (фундаментальные) права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2, ст. 17)¹.

Подчеркнём, что в приведённых конституционно-правовых нормах нет конкретной дифференциации юридической природы права на благоприятную окружающую среду по субъектам права. Однако дети являются субъектом социальных прав и свобод, когда речь идёт об обеспечении государственной поддержки детства (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ), важнейших приоритетах государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Несмотря на то, что в конституционных положениях (ст. 42, ч. 2 ст. 17) прямо не прослеживается право детей на благоприятную окружающую среду, оно вытекает из проанализированных конституционных положений.

На основании конституционных норм Конституции Республики Чили 1980 г., пересмотренной в 2021 г., защищается жизнь того, кто вот-вот родится (ч. 1 ст. 19)². Право на жизнь неприкосновенно от зачатия до смерти (ст. 37 Конституции Доминиканской Республики 2015 г.)³. Дети и подростки пользуются правами, общими

для всех людей, в дополнение к тем, которые зависят от их возраста. Государство признаёт и гарантирует жизнь, включая уход и защиту с момента зачатия (ст. 45 Конституции Эквадора 2008 г., пересмотренная в 2021 г.)⁴. Республика Эль-Сальвадор признаёт человеческой личностью каждого человека с момента зачатия (ст. 1 Конституции Республики Эль-Сальвадор 1983 г., пересмотренная в 2014 г.)⁵. Государство гарантирует и защищает человеческую жизнь от её зачатия (ст. 3 Конституции Республики Гватемалы 1985 г., пересмотренная в 1993 г.)⁶. Нерождённый ребёнок является субъектом прав во всех случаях, которые приносят ему пользу (ст. 2 Конституции Республики Перу)⁷. Государство в равной степени защищает жизнь матери и жизнь нерождённого ребёнка с момента зачатия (ст. 12)⁸.

Международно-правовые нормы свидетельствуют также о том, что правосубъектность ребёнка появляется в дородовой период. Однако внимание акцентируется на здоровье матери ребёнка как в дородовой, так и в послеродовой (п. d ст. 24)⁹ периоды.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 25.07.2023).

² Конституция Республики Чили 1989 г., пересмотренная в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chile_2021?lang=en (дата обращения: 25.07.2023).

³ Конституция Доминиканской Республики 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Dominican_Republic_2015?lang=en (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ Конституция Республики Эквадор 2008 г., пересмотренная в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021?lang=en (дата обращения: 25.07.2023).

⁵ Конституция Республики Эль-Сальвадор 1983 г., пересмотренная в 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/El_Salvador_2014?lang=en (дата обращения: 25.07.2023).

⁶ Конституция Республики Гватемалы 1985 г., пересмотренная в 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Guatemala_1993?lang=en (дата обращения: 25.07.23).

⁷ Конституции Республики Перу 1993 г., пересмотренная в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Peru_2021?lang=en (дата обращения: 25.07.2023)

⁸ Конституция Республики Филиппины 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Philippines_1987?lang=en (дата обращения: 25.07.2023).

⁹ Конвенция о правах ребёнка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

Исходя из положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, матерям в разумный период до и после родов должна предоставляться особая охрана. При этом работающим матерям необходимо предоставление оплачиваемого отпуска или отпуска с достаточными пособиями по социальному обеспечению (ст. 10)¹.

Дети относятся к таким категориям, т. к. зачастую они не могут выразить своё мнение о неблагоприятных последствиях окружающей среды, влияющих на их жизнь и здоровье.

В докладе о правах детей, касающихся вопросов окружающей среды (A/HRC/37/58), подготовленном в 2018 г. Специальным докладчиком ООН, был сделан акцент на том, что в рамках изучения образовательных программ государствам необходимо разъяснять нормы законов для понимания детьми экологических проблем и укреплять их способность реагировать на экологические вызовы [9, с. 69].

По мнению Н. В. Барбашовой, такой подход является не вполне оправданным вследствие специфики экологического права. Так, на основании конвенционных положений о правах ребёнка матерям необходимо обеспечить надлежащий уровень предоставления услуг по охране здоровья в дородовой и послеродовой периоды и право детей на предоставление необходимого продовольствия, чистой воды, учёт рисков, обусловленных загрязнением окружающей среды [2].

Несмотря на то, что право на благоприятную окружающую среду имеет естественный характер, на наш взгляд, оно должно предоставляться гражданам с момента нахождения эмбриона в утробе матери. Ребёнок должен быть обеспечен соответствующими условиями в виде благоприятной окружающей среды до момента рождения и на протяжении всей жизни.

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

В отчёте Международной сети по правам ребёнка (CRIN) в рамках проекта «Доступ к правосудию детей по экологическим правам» по состоянию на апрель 2022 г. отмечено, что Хартия об окружающей среде, которая была принята во Франции 28 февраля 2005 г., закрепляет норму о том, что каждый имеет право жить в сбалансированной среде, демонстрирующей должное отношение к здоровью, и обязан участвовать в сохранении и улучшении окружающей среды. С 2014 г. Министерством здравоохранения Франции воздействие токсических веществ, характеризующихся как эндокринные разрушители, обозначена как «серьёзная проблема здравоохранения, окружающей среды и науки». В 2014 г. несколько министерств представили в парламент сводный отчёт об общественном здравоохранении. В отчёте рассматриваются многочисленные опасения, вызванные эндокринным разрушителем на окружающую среду, и предлагаются возможности для национального стратегического плана по уменьшению / устранению такого воздействия. В документе представлены различные анализы с учётом рисков воздействия на беременных женщин, новорожденных, детей младшего возраста и подростков. В феврале 2017 г. Сенат также принял резолюцию, касающуюся риска воздействия токсичных веществ, содержащих эндокринные разрушители. В этой резолюции прямо упоминается о периоде детства. Важно установить, когда произошли эти нарушения (во время беременности, грудного вскармливания, очень молодом или в подростковом возрасте)².

Согласно Докладу о человеческом развитии 2021/2022 г., представленному ЮНЕСКО, рекордные температуры, пожары и штормы являются тревожным предупреждением для стабильного существования выходящих из строя планетарных систем. Помимо этого в докладе обозначается роль вакцин (в т. ч. и от Covid-19), спасших сотни

² Отчет Международной сети по правам ребёнка (CRIN), по состоянию на апрель 2022 г. Р. 14 [Электронный ресурс]. URL: <https://home.crin.org/access-to-environmental-justice> (дата обращения: 25.07.2023).

миллионов жизней, в т. ч. и детских. Однако, к большому сожалению, доступ к получению вакцин в странах с небольшим уровнем дохода критически низкий, особенно в Африке, где смертность от инфекций по возрастным группам в 2 раза выше¹.

Подчеркнём, что для реализации прав детей на благоприятную окружающую среду все обозначенные угрозы оказывают негативное влияние, не создавая минимальных условий для комфортного проживания.

Современный период времени свидетельствует об увеличении тенденции факторов, не позволяющих полностью реализовать права детей на благоприятную окружающую среду, как в международном, так и в европейском законодательствах. Дети более уязвимы к токсинам из-за того, что их организм быстрее усваивает вредные вещества, приводящие к ранней инвалидности [3, с. 25].

Воздух, имеющий загрязнения, проявляющиеся в длительном смоге, азотистых парах, дыме, копоти, негативно воздействует на здоровье граждан, в частности, беременных женщин, порождая тем самым преждевременные роды, недоношенность детей или их рождение с пороками развития [6, с. 27].

К актуальным проблемам в сфере экологического права исследователи относят ухудшение здоровья детей [4, с. 1434]. Связано это в первую очередь с экологической обстановкой, проявляющейся в негативном воздействии на неё как предприятий, осуществляющих хозяйственную деятельность, так и экологических катастроф, вследствие которых страдают в т. ч. и несовершеннолетние дети.

В 2022 г. от законных представителей несовершеннолетних детей поступило 13 обращений в адрес Уполномоченного по правам ребёнка в РФ в защиту прав

¹ Доклад ЮНЕСКО о человеческом развитии 2021/2022 «Неопределённые времена. Неустойчивая жизнь: Формируя наше будущее в меняющемся мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/hdr2021-22overviewrupdf.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).

на благоприятную окружающую среду. В июне 2022 г. к Уполномоченному обратилась мама четверых детей с заявлением, что в г. Севастополе произошёл разлив ртути, отравление парами которых повлияло на самочувствие всей семьи. Однако на территории их проживания отсутствовала возможность медицинского обследования. Уполномоченным были направлены письма в адрес Минздрава России и Севастопольского межрайонного природоохранного прокурора с просьбой оказать содействие в данной ситуации. Помощь, заключающаяся в проведении медицинского осмотра и последующем лечении, была оказана².

«...Соединения ртути могут привести к нарушению плода у беременных. Относительно другого соединения под названием свинец дети являются более восприимчивыми, нежели взрослые. Свинец может поражать печень и уменьшать иммунитет...» [8, с. 112].

Ф. Бокье, Д. Бегуи, Э. М. Зулу, К. Муинди, А. Консейга и Язуме Йе в своём исследовании рассматривают влияние миграции матери и ребёнка в двух неформальных поселениях Найроби – Корогочо и Вивандани в период с июля 2003 г. по июнь 2007 г. Дети, рождённые в трущобах от женщин, которые были беременны во время миграции, подвергаются наибольшему риску смерти. Учитывая высокую степень круговой миграции, следует лучше понимать и устранять факторы, влияющие на рождение детей в трущобах [10].

М. О. Энсор, исследуя перемещение лиц в связи с экологической катастрофой (ураган «Митч» в 1998 г. в Гондурасе), отмечает, что уязвимость детей не всегда выступает ключевым фактором. После урагана «Митч» жители Гондураса переехали в Новый Орлеан, в котором в 2005 г. произошёл другой ураган «Катрина». Однако, несмотря на это, дети, переехавшие когда-

² Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2022 г. [Электронный ресурс]. <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/July2023/7JkHUTqLIsZL45JDP4XL.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).

то с Гондураса, вновь вернулись в Новый Орлеан, чтобы принять участие в восстановительных работах после стихийных бедствий [11].

Исходя из проанализированных нами конституционно-правовых положений и норм международных правовых актов по обеспечению защиты прав детей на благоприятную окружающую среду, отметим, что право у ребёнка на благоприятную окружающую среду появляется в момент его нахождения в утробе матери, а не после его рождения.

Нормы российского законодательства, регулирующие права детей на благоприятную окружающую среду

В нормах федерального законодательства об охране окружающей среды отсутствует прямое указание, свидетельствующее об экологической защите детей. Единственное, на что необходимо обратить внимание – это нормы о санитарно-курортном лечении, обеспечение прав детей на отдых и оздоровление, которые находят своё формальное отражение в российском законодательстве об основных гарантиях ребёнка в Российской Федерации.

«...Многие новые нормативные правовые акты, количество которых возросло в условиях правовой реформы и модернизации образования, затруднены в реализации из-за неразвитости отдельных норм, направленных на поддержку детей и молодёжи...» [5, с. 138], – отмечает Е. А. Певцова.

«...Органы публичной власти в пределах своих полномочий принимают меры по принятию нормативных правовых актов, регулирующих деятельность организаций отдыха детей и их оздоровления, по созданию безопасных условий пребывания в организациях отдыха детей и их оздоровления, по обеспечению максимальной доступности услуг организаций отдыха детей и их оздоровления, по контролю за соблюдением требований законодательства в сфере организации отдыха и оздоровления детей, по созданию условий для организа-

ции воспитания детей в организациях отдыха детей и их оздоровления...»¹.

Период с 2018 по 2027 гг. на основании распоряжения Правительства России объявлен десятилетием детства. В качестве основополагающих целей указаны повышение качества и доступности медицинской помощи детям, укрепление и охрана здоровья детей, создание благоприятных условий для их гармоничного развития. К задачам были отнесены совершенствование системы питания обучающихся в образовательных организациях, повышение качества оказываемой квалифицированной медицинской помощи².

Отличие от норм российского законодательства, где прямо не закреплено право детей на благоприятную окружающую среду, несмотря на то, что смысл прослеживается во многих нормативных правовых актах, в некоторых национальных правовых системах уже признано право детей на здоровую среду. Это право является частью специальных национальных кодексов и законов, конкретно касающихся прав и обязанностей детей. Среди стран с передовой практикой: 5 – из Центральной и Южной Америки (Колумбия, Перу, Боливия, Сальвадор и Мексика), 1 – из Африки (Бенин), 1 – из Азии (Вьетнам). Кодекс Боливии для детей и подростков прямо признаёт «право девочек, мальчиков и подростков на здоровую и экологически сбалансированную окружающую среду (ст. 33)»³.

«...Согласно нормам законодательства о здравоохранении Республики Абхазии

¹ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 147.

² Распоряжение Правительства РФ Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства, от 06.07.2018 № 1375-п // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 29. Ст. 4475.

³ Code for Children and Adolescents (Código Niña, Niño y Adolescente), Lawy No. 548 (17 July 2014) (BOL) цит. по: Tigre M. A., Lachey V., Dobbstein E., Mott L. White paper on the rights of the child to a safe, clean, healthy and sustainable environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/359826637_White_Paper_on_the_Rights_of_the_Child_to_a_Safe_Clean_Healthy_and_Sustainable_Environment (дата обращения: 25.07.2023).

(п.п. 5–6) государство признаёт право на жизнь нерождённого ребёнка с момента зачатия и запрещает искусственное прерывание беременности. Принимая во внимание равное право на жизнь матери и ребёнка, государство защищает и отстаивает это право (устанавливает ответственность за искусственное прерывание беременности в соответствии с уголовным законодательством за исключением случаев антенатальной гибели плода, заботится о просвещении в области семейных ценностей, защите жизни и достоинства матери и нерождённого ребёнка, запрещает проведение клинических испытаний на человеческих эмбрионах)...»¹

В России, в отличие от норм, закреплённых в законодательстве Абхазии, искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия и необходимых условий. Прерывание беременности возможно на сроке до 12 недель, у совершеннолетней, признанной недееспособной по заявлению законного представителя².

В ходе исследования был проведён анализ конституционно-правовых положений, нормативных правовых актов Российской Федерации и международных правовых актов в сфере воздействия окружающей среды на права детей, исследованы материалы судебной практики Франции, касающиеся прав детей в сфере экологии.

Права детей на благоприятную окружающую среду, возникающие в дородовой период, отражают новизну исследования. На наш взгляд, право детей возникает не с момента рождения ребёнка, как это отмечено в научных исследованиях отечественной правовой науки, а с момента нахождения эмбриона в утробе матери, что подтверждается конституционными нормами Венгрии, Сальвадора, Чили и других

государств, изученных в ходе проведённого исследования.

Большую роль в защите прав детей на благоприятную окружающую среду играет также защита прав несовершеннолетних в судебных органах власти.

Административный трибунал Монреа 25 ноября 2019 г. рассмотрел дело по заявлению истицы, действующей от собственного имени и в интересах своей несовершеннолетней дочери, которая изъявила требование о возмещении причинённого им ущерба (респираторный дистресс), полученного вследствие загрязнённого воздуха в регионе Иль-де-Франс. По её мнению, государство не выполнило норм, содержащихся в Экологическом кодексе Франции (ст. L.220-1), возлагающих на него обязанность по принятию мер в общественных интересах «для реализации права каждого дышать воздухом», чтобы не навредить здоровью. Трибунал Монреа постановил, что государство совершило ошибку из-за неадекватности мер по качеству воздуха. Было установлено, что в период с 2012 по 2016 гг. в регионе Иль-де-Франс порог концентрации некоторых загрязняющих газов был превышен, однако компенсация выплачена не была, т. к. не установлена причинно-следственная связь между медицинскими осложнениями истцов и загрязнением атмосферного воздуха в регионе³.

Вред, причинённый детям, ставшим жертвами внутриутробного воздействия в результате профессиональной деятельности одного из родителей, пострадавшим от токсического воздействия пестицидов, возмещается за счёт средств компенсационного фонда, созданного в 2021 г. Кроме фонда, во французском законодательстве нет специального режима для получения компенсации за ущерб, причинённый в результате воздействия токсического продукта⁴.

В ходе судебных разбирательств, касающихся прав детей на благоприятную окру-

¹ Закон Республики Абхазии «О здравоохранении» от 08.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/const/?PAGEN_1=12 (дата обращения: 25.07.2023).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263.

³ Отчёт Международной сети по правам ребёнка (CRIN), по состоянию на апрель 2022 г. Р. 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://home.crin.org/access-to-environmental-justice> (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ Там же. Р. 23.

жающую среду, часто упоминается принцип справедливости между поколениями, разработанный Б. Вайсом в 1989 г. Однако этот принцип остаётся в значительной степени риторическим и часто смешивается с правами «будущих поколений» (под которыми часто понимаются те, кто «ещё не родился»)¹, – подчёркивает А. Дейли.

По мнению И. А. Умновой-Конюховой, «...защита прав детей и обеспечение экологической безопасности на окружающую среду – один из факторов эффективной реализации правовых норм в частности, и права будущего в целом...»².

Как справедливо отмечает И. А. Умнова-Конюхова, обеспечение экологической безопасности, как и защита детей – это ключевые, основополагающие обстоятельства эффективной реализации правовых норм, что, в свою очередь, обуславливает развитие права будущего, подчёркивая важность концепции экологической конституции, которая будет содержать в себе абсолютно иную классификацию прав и свобод человека и гражданина, в т. ч. и детей.

По мнению А. П. Анисимова и А. Я. Рыженкова, в последние годы во многих информационных ресурсах появляется информация о засухах, наводнениях, тайфунах и цунами, связанных с природными явлениями [1, с. 60].

Дети, проживающие в регионах, где происходят подобные климатические катастрофы, получают экологический вред, связанный с нехваткой водных и иных ресурсов, со снижением уровня экологической безопасности, новыми заболеваниями.

¹ Aoife Daly Intergenerational rights are children's rights: advocating the right to a healthy environment through the un convention on the rights of the child [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/361420155_INTERGENERATIONAL_Rights_are_children's_rights_upholding_the_right_to_a_healthy_environment_through_the_un_convention_on_the_rights_of_the_child (дата обращения: 25.07.23).

² Умнова-Конюхова И. А. Право будущего в новых парадигмах развития: планетарный, межгосударственный и национальный уровни // Право будущего: международный форум, г. Челябинск, 15–17 июня 2022 г.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнём, что, с одной стороны, предъявляются масштабные, порой даже идеализированные требования качества окружающей среды для детей, с другой стороны, эти правила не всегда на практике эффективно соблюдаются. Безусловно, к высоким стандартам стремиться нужно, но тем не менее следует не утрачивать минимальную экологическую безопасность. К большому сожалению, не всегда объявление о высоких стандартах приводит к их автоматической реализации, вследствие чего ухудшается состояние здоровья как нынешнего, так и будущих поколений.

В ходе проведённого исследования были проанализированы права детей на благоприятную окружающую среду, выявлены актуальные проблемы, связанные с реализацией данного права, в особенности детьми-мигрантами, детьми, проживающими в странах с низким уровнем дохода.

Изучив материалы судебной практики, мы пришли к выводу о том, что в ходе рассмотрения дел не всегда удаётся доказать причинение вреда здоровью вследствие неблагоприятных условий окружающей среды. Связано это, прежде всего, с установлением причинно-следственной связи между ущербом и полученными впоследствии заболеваниями.

Помимо этого, существуют факторы, оказывающие неблагоприятное воздействие на здоровье и жизнь детей (антисанитария, некачественная питьевая вода или её отсутствие, загрязнённый воздух, шумовые эффекты, наличие промышленных предприятий вблизи с детскими учреждениями и др.).

В рамках проведённого исследования представлено, что дети не всегда являются субъектами изучения большинства современных исследований в сфере экологии. При анализе конституционных положений, норм нормативных правовых актов Российской Федерации и международных правовых актов выявлено, что дети являются наиболее уязвимой категорией,

подвергающейся новым экологическим угрозам и вызовам. На наш взгляд, право на благоприятную окружающую среду возникает у ребёнка в момент его нахождения в утробе матери, а не после рождения.

На современном этапе развития российского социума необходимо создать механизм, направленный на формирование экологической безопасности в отношении нынешнего и будущих поколений.

Не во всех государствах есть возможность получения вакцин от пандемии, нехватка которых приводит в том числе и к увеличению детской смертности. Считаем необходимым обозначить данную проблему как одну из актуальных и внести изме-

нения в законодательство соответствующих государств о возможности получения необходимых медицинских средств для вакцинации граждан.

Все вышеперечисленные обстоятельства являются сдерживающим фактором для эффективной реализации прав детей на благоприятную окружающую среду. Только объединив усилия, путём создания безопасных, комфортных, экологических условий можно будет говорить об обеспечении надлежащей защиты и охраны права детей на благоприятную окружающую среду.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021. 428 с.
2. Барбашова Н. В. Право на здоровую окружающую среду: естественно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 2. С. 63–71.
3. Ерохина Е. В., Летута Т. В., Шагивалеева И. З. Право на экологическую безопасность несовершеннолетних. Вопросы защиты и профилактики нарушений // Закон и право. 2020. № 3. С. 23–28.
4. Клейман Р. Я. Актуальные проблемы экологического права современной России // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: сб. трудов конф. Т. 1 / отв. ред. А. В. Семёнов, П. Н. Кравченко. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2022. С. 1433–1437.
5. Певцова Е. А. Теоретико-правовое обоснование современной концепции прав детей и молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2015. № 1. С. 137–145.
6. Сивак Л. В. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье человека // Молодые учёные России: сб. статей / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. 294 с.
7. Солдатова А. В., Солдатов Я. В. Реализация социально-экономических прав граждан в условиях трансформации общественной действительности // Державинские чтения: сб. статей. М., 2021. С. 138–140.
8. Стрельников В. В., Чернышева Н. В. Оценка воздействия на окружающую среду: учеб. пос. М.: ИНФРА-М, 2023. 157 с.
9. Ширёва И. В. К вопросу о защите окружающей среды на международном и национальном уровнях // Вопросы экономики и права. 2020. № 144. С. 59–71.
10. Do Migrant Children Face Greater Health Hazards in Slum Settlements? Evidence from Nairobi, Kenya / P. Bocquier, D. Beguy, E. M. Zulu, K. Muindi, A. Konseiga, Yazoumé Yé // Journal of Urban Health. 2011. № 88. P. 266–281.
11. Marisa O. Ensor Newly Displaced Persons: Honduran Migrant Children on the Katrina Path // Children and natural disasters. 2008. Vol. 18. № 1. P. 280–302.

REFERENCES

1. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya. *Ekologicheskoye pravo Rossii* [Environmental law of Russia]. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 428 p.
2. Barbashova N. V. [The right to a healthy environment: natural legal aspect]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [News of the South-West State University. Series: History and Law], 2017, vol. 7, no. 2, pp. 63–71.

3. Erokhina E. V., Letuta T. V., Shagivaleeva I. Z. [The right to environmental safety of minors. Issues of protection and prevention of violations]. In: *Zakon i pravo* [Law and Law], 2020, no. 3, pp. 23–28.
4. Kleiman R. Ya. [Current problems of environmental law in modern Russia]. In: Semenov A. V., Kravchenko P. N., eds. *Dolgoye razvitiye: issledovaniya, innovatsii, transformatsiya. T. 1* [Sustainable development: research, innovation, transformation. Vol. 1]. Moscow, Moscow University named after S. Yu. Witte Publ., 2022, pp. 1433–1437.
5. Pevtsova E. A. [Theoretical and legal substantiation of the modern concept of the rights of children and youth]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied studies of the cooperative sector of the economy], 2015, no. 1, pp. 137–145.
6. Sivak L. V. [The influence of environmental pollution on human health]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Issledovaniye Molodyye uchonyye Rossii* [Young scientists of Russia]. Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2022. 294 p.
7. Soldatova A. V., Soldatov Ya. V. [Realization of social and economic rights of citizens in the conditions of transformation of social reality]. In: *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin readings]. Moscow, 2021, pp. 138–140.
8. Strelnikov V. V., Chernysheva N. V. *Otsenka vozdeystviya na okruzhayushchuyu sredu* [Assessing the impact on the environment]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 157 p.
9. Shireva I. V. [On the issue of environmental protection at the international and national levels]. In: *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of economics and law], 2020, no. 144, pp. 59–71.
10. Bocquier P., Beguy D., Zulu E. M., Muindi K., Konseiga A., Yazoumé Yé. Do Migrant Children Face Greater Health Hazards in Slum Settlements? Evidence from Nairobi, Kenya. In: *Journal of Urban Health*, 2011, no. 88, pp. 266–281.
11. Marisa O. Ensor Newly Displaced Persons: Honduran Migrant Children on the Katrina Path. In: *Children and natural disasters*, 2008, vol. 18, no. 1, pp. 280–302.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юн Лариса Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия, Казанского филиала;
e-mail: yun.lara@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Yun – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of State and Legal Disciplines, Russian State University of Justice, Kazan Branch;
e-mail: yun.lara@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юн Л. В. Актуальные проблемы реализации права ребёнка на благоприятную окружающую среду // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 46–55.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-46-55

FOR CITATION

Yun L. V. Current Problems of Realizing the Right of Children to a Favorable Environment. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 46–55.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-46-55

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.453

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-56-61

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АРЕНДЕ

Гольшева А. В., Гольшев В. Г.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Актуализация проблемы неоднозначного судебного толкования норм гражданского законодательства, неизбежным следствием которого является существование диаметрально противоположных решений, основанных на применении одних и тех же положений Гражданского кодекса РФ.

Процедура и методы. Проведён краткий анализ состояния современной судебной практики, определяющей позиции судов относительно толкования норм ГК РФ об аренде. Методология исследования основана прежде всего на диалектическом и системном подходах, применяемых при анализе современного состояния практики судебного толкования норм гражданского законодательства об аренде.

Результаты. Сделан вывод о том, что проблема единого понимания закона на текущий момент не решена удовлетворительным образом. Отсутствие единства судебной практики по отдельным вопросам применения норм ГК РФ об аренде требует более активной научной разработки такой категории, как «правовая природа договора», и принятия мер высшими судебными инстанциями по обеспечению единого понимания и применения норм ГК РФ об аренде.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуализирована научная дискуссия как в части, касающейся совершенствования юридической техники, определяющей ясность правовых норм, так и в части, касающейся системности судебного толкования положений ГК РФ. Сформирована аргументационная база, основанная, прежде всего, на эмпирическом материале, необходимая для целей конкретного правоприменения.

Ключевые слова: договор аренды, правовая природа договора, правовое регулирование, правовая норма, толкование закона

ABOUT SELECTED ASPECTS OF APPLICATION BY COURTS OF THE NORMS OF CIVIL LEGISLATION ON RENT

A. Golysheva, V. Golyshv

Moscow City Pedagogical University

2-y Selskokhozyaystvenny proezd 4-1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. Actualization of the problem of ambiguous judicial interpretation of the norms of civil legislation, the inevitable consequence of which is the existence of diametrically opposite decisions based on the application of the same provisions of the Civil Code of the Russian Federation.

© CC BY Гольшева А. В., Гольшев В. Г., 2023.

Methodology. The article provides a brief analysis of the state of modern judicial practice that determines the position of courts regarding the interpretation of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on lease. The methodology of the research is based, first of all, on a dialectical and systematic approach used in the analysis of the current state of the practice of judicial interpretation of the norms of civil legislation on lease.

Results. The authors come to the conclusion that the problem of a unified understanding of the law has not been solved satisfactorily at the moment. The lack of unity of judicial practice on certain issues of the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on lease requires more active scientific development of such a category as the “legal nature of the contract” and the adoption of measures by the highest judicial instances to ensure a common understanding and application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on lease.

Research implications. The theoretical significance of this study is to actualize the scientific discussion both in terms of improving the legal technique that determines the clarity of legal norms, and in terms of the consistency of judicial interpretation of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. The practical significance of the article is determined primarily by the possibility of forming an argumentative base based primarily on empirical material necessary for the purposes of specific law enforcement.

Keywords: lease agreement, legal nature of the contract, legal regulation, legal norm, interpretation of the law

Введение¹

На сегодняшний день критическое осмысление несовершенства судебной практики не является чем-то новым среди юридического сообщества, однако при этом учёными практически не анализируются причины такого несовершенства, а лишь происходит констатация самого факта. Например, В. А. Белов пишет, что в сфере привлечения агрегаторов к ответственности отмечается несовершенство судебной практики [1, с. 68–82]. В свою очередь, А. С. Таран указывает на проблему субъективного судебного толкования «иных обстоятельств дела», которая подтверждает несовершенство судебной практики, способствующей формированию недоверия к суду, и произвола со стороны судьи [9, с. 139–142]. Вместе с тем анализ текущей судебной практики позволяет сделать вывод об объективно сложившейся ситуации в правоприменении, характеризующейся разно-векторным пониманием судами подчас одних и тех же положений гражданского законодательства [3, с. 21–24; 4, с. 28–31; 6, с. 63–67]. Между тем необхо-

димо признать, что такое положение дел не является новым для отечественного правоприменения. По мнению известного российского юриста конца XIX – начала XX вв. И. А. Покровского, проблема ясности гражданских законов и необходимости их толкования «создаётся самой природой вещей, вытекает из самой наличности закона и суда» [5, с. 91]. При этом современные учёные, говоря о несовершенстве судебной практики, указывают, что причиной тому становится не только правовой «вакуум», но и отсутствие научных познаний в той или иной сфере гражданско-правовых отношений [10].

Причиной нестабильности судебной практики, на наш взгляд, выступает не только несовершенство законодательства, позволяющего различно толковать правовые нормы, но и диспозиция гражданско-правовых норм, что в практике их применения нередко представляет собой чрезвычайную сложность. При этом российскими учёными-юристами отмечается, что ясность правовых норм не только отменяет необходимость их толкования, но и предопределяет стабильность правоприменительной практики [8, с. 98–100].

¹ Данная работа выполнена с использованием СПС «Консультант Плюс».

Как видно, проблема единого понимания закона не сходит с повестки актуальных вопросов правоприменения и в настоящее время. В значительной степени это касается вопросов обязательственного права, в т. ч. и вопросов, связанных с регулированием договорных отношений, наиболее типичных для деятельности хозяйствующих субъектов, к числу которых, без всякого сомнения, следует отнести арендные отношения.

**Современное состояние
правоприменения как иллюстрация
неудовлетворительного решения
проблемы правового регулирования
и судебного толкования**

Правовая природа договора определяет не только конститутивные особенности его конструкции, но и особенности квалификации возникающих из него отношений [2, с. 4–9]. В этой связи нельзя не обратить внимания на ситуацию, когда по вопросу о возможности применения норм ГК РФ, посвящённых регулированию арендных отношений, к соглашению о возмездном предоставлении места для установки и эксплуатации рекламной конструкции существует две противоположные друг другу позиции судов.

Согласно первой позиции, договор возмездного предоставления места для установки и эксплуатации рекламной конструкции во временное владение и пользование может регулироваться нормами ГК РФ об аренде. Такая практика, в частности, имеется в Северо-Кавказском¹, Московском² и Центральном³ округах. В других случаях, отражающих вторую позицию судебных органов, отношения, возникшие из возмездного договора, по кото-

рому во временное владение и пользование предоставляется место для установки и эксплуатации рекламной конструкции, не могут регулироваться положениями ГК РФ об аренде. Такая практика, имеет место в практике Западно-Сибирского⁴, Восточно-Сибирского⁵ и Волго-Вятского⁶ округов.

В первом случае, анализируя спорный договор, суды приходят к выводу, что его правовая природа «...не препятствует применению к основанному на нём отношениям норм гл. 34 ГК РФ...»⁷, в то время как во втором случае позиция суда основана на выводе, что договор на установку и эксплуатацию рекламной конструкции является «...самостоятельным видом договора, не идентичным по своей правовой природе договору аренды...»⁸.

Как видно из примеров, суды, анализируя правовую природу идентичных по своей сути договоров, приходят к диаметрально противоположным выводам не только теоретического, но и практического свойства.

Подобная ситуация имеет место также и в отношении вопроса, касающегося оценки правовой природы договоров о размещении на возмездной основе терминалов (в т. ч. по приёму платежей) одним лицом в помещениях, принадлежащих другому лицу. По одной версии суда, данный договор регулируется нормами об аренде⁹, в то время как согласно другой версии – нормами о возмездном оказании услуг¹⁰.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2018 № Ф08-1211/2018 по делу № А20-698/2017.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.09.2017 № Ф05-6155/2017 по делу № А40-123344/2016.

³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.11.2015 № Ф10-3885/2015 по делу № А48-61/2015.

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.09.2015 № Ф04-23381/2015 по делу № А03-24947/2014.

⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.05.2015 № Ф02-2037/2015 по делу № А19-13919/2013.

⁶ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.04.2010 по делу № А43-12966/2009

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2018 № Ф08-1211/2018 по делу № А20-698/2017.

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.09.2015 № Ф04-23381/2015 по делу № А03-24947/2014.

⁹ Постановление ФАС Московского округа от 10.12.2009 № КГ-А40/12815-09 по делу № А40-94259/08-23-802.

¹⁰ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.03.2010 по делу № А33-14855/2009.

В свете изложенного вполне очевидным и «закономерным» следует считать дуалистичную позицию судов по вопросу о том, может ли быть передан в аренду конструктивный элемент отдельно от здания. Согласно одной позиции – такой конструктивный элемент не может быть передан в аренду отдельно от здания¹. Согласно другой позиции – может быть передан².

Необходимо также отметить, что примеры, иллюстрирующие доминирование той или иной позиции суда при рассмотрении конкретного дела, не являются единичными, что, в свою очередь, существенным образом «размывает» одну из основных идей судопроизводства, состоящую в том, что «прецедентность судебных актов является юридическим средством достижения единства судебной практики, поскольку одинаковым фактическим обстоятельствам должна соответствовать одинаковая правовая позиция» [7, с. 44–49].

Вместе с тем к числу причин, в той или иной степени обуславливающих нечёткость правового регулирования, следует отнести современное состояние не только юридической науки, но и юридической техники, совершенствование которой также является первостепенной задачей. Именно особенности юридической техники в конечном итоге предопределяют правоприменительные перспективы реализации тех или иных нормативных положений.

Применительно к аренде целесообразно обратить внимание на подходы судов относительно возможности возложения на арендатора помещений в многоквартирном доме расходов по содержанию, ремонту и эксплуатации общего имущества в данном доме. Согласно одной позиции, такие расходы на арендатора не могут быть возложены условиями договора³, в то вре-

мя, как согласно другой позиции, наоборот, могут быть возложены⁴.

Анализ соответствующих судебных актов позволил прийти к выводу о неоднозначном толковании судами положений законодательства, касающихся обязанности собственника помещения нести расходы по содержанию общего имущества, что в конечном итоге и предопределило противоположность правовых позиций.

Заключение

Сложившееся положение дел свидетельствует, на наш взгляд, о том, что действующие нормы гл. 34 ГК РФ не в полной мере удовлетворяют потребности хозяйственного оборота, поскольку допускают диаметрально противоположное «прочтение» закона судебными инстанциями по принципиальным вопросам, касающимся в т. ч. и правовой природы возникающих из договора отношений. Отсутствие единства судебной практики по указанным выше вопросам, как, впрочем, и по иным аспектам, не нашедшим отражения в настоящей статье, существенно попирает такие ключевые идеи правоприменения, как законность и справедливость, что, в свою очередь, дискредитирует идею правового государства.

Такое положение дел очевидно указывает на острую необходимость углублённой теоретической разработки такой категории, как «правовая природа договора», что позволило бы предложить правоприменителю не только более чёткие критерии оценки спорных договорных правоотношений, но и особенности соотношения данных критериев между собой, а также их влияния на квалификацию того или иного правоотношения.

Полагаем, что к числу «исходных точек», определяющих вектор исследовательской работы в данном направлении, можно отнести следующие:

1) правовая природа договора представляет собой совокупную характеристику его

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.03.2018 № Ф06-31067/2018 по делу № А12-13192/2017.

² Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.06.2010 по делу № А46-24417/2009.

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.12.2018 № Ф06-39420/2018 по делу № А65-11993/2018.

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.03.2018 № Ф03-573/2018 по делу № А73-4957/2017.

свойств, определяющую в конечном итоге место того или иного конкретного договора в системе договорного регулирования общественных отношений;

2) именно правовая природа договора, определяемая единством и взаимосвязью образующих её свойств, естественным образом подчиняет себе логику и смысл нормативного и договорного регулирования порождаемых им отношений; любое искажение естественной логики и смысла такого регулирования, в т. ч. и посредством ошибочного судебного толкования, неизбежно приводит к нарушению принципов законности и справедливости, существенно попирая цели судебного правоприменения;

3) «естественность» логики и смысла нормативного и договорного регулирования определяется соотношением ряда факторов, к числу которых следует отнести: цель договора, его предмет и иные условия, относящиеся к категории существен-

ных, возмездность и срочность отношений между сторонами, момент возникновения обязательства из соответствующего договора, момент перехода или возникновения прав участников в отношении объекта договора и др.

Анализ юридической литературы и судебной практики не позволяет нам сделать вывод о том, что вопрос о перечне факторов, достаточных для определения правовой природы конкретного договора, является решённым удовлетворительным образом.

Полагаем, что особый интерес для правоприменителя представляли бы руководящие разъяснения Верховного суда РФ, посвящённые решению проблемы определения (квалификации) правовой природы договора и толкования соответствующих норм ГК РФ.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 68–82.
2. Голышев В. Г., Голышева А. В. Правовая природа договора как фактор, определяющий особенности квалификации возникающих из него обязательственных правоотношений // Юрист. 2019. № 6. С. 4–9.
3. Голышев В. Г., Голышева А. В. Об отдельных проблемах применения судами норм гражданского законодательства о существенных условиях договора купли-продажи // Юрист. 2021. № 10. С. 21–24.
4. Голышев В. Г., Голышева А. В. К вопросу о правовых позициях судов при применении норм о банковских сделках // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3. С. 28–31.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
6. Свиринов Ю. А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики // Современное право. 2018. № 4. С. 63–67.
7. Слесарев В. Л. Прецедентность и прецедент, или о толковании судами норм права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 44–49.
8. Слесарев В. Л. Судебное толкование норм гражданского права: содержание и пределы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 98–103.
9. Таран А. С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 139–147.
10. Шаматов А. И. Принудительная ликвидация ООО и непубличного АО по заявлению участника (пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ): российский и зарубежный опыт // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей / отв. ред. А. А. Кузнецов. М.: Статут, 2020. С. 411–461.

REFERENCES

1. Belov V. A. [Digital mediation and consumer relations: legal nature and responsibility]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Current problems of Russian law], 2022, no. 8, pp. 68–82.
2. Golyshev V. G., Golysheva A. V. [The legal nature of the contract as a factor that determines the characteristics of the qualification of the obligatory legal relations arising from it]. In: *Yurist* [Lawyer], 2019, no. 6, pp. 4–9.

3. Golyshev V. G., Golysheva A. V. [On certain problems of the courts' application of civil law norms on the essential terms of a purchase and sale agreement]. In: *Yurist* [Lawyer], 2021, no. 10, pp. 21–24.
4. Golyshev V. G., Golysheva A. V. [On the issue of the legal positions of courts when applying rules on banking transactions]. In: *Vestnik arbitrazhnoy praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], 2021, no. 3, pp. 28–31.
5. Pokrovsky I. A. *Osnovnyye problemy graficheskogo prava* [Main problems of civil law]. Moscow, Statut Publ., 1998. 353 p.
6. Svirin Yu. A. [The influence of the legal position of the court on civil legal relations and the uniformity of judicial practice]. In: *Sovremennoye pravo* [Modern law], 2018, no. 4, pp. 63–67.
7. Slesarev V. L. [Precedent and precedent, or on the interpretation of legal norms by courts]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 12, pp. 44–49.
8. Slesarev V. L. [Judicial interpretation of civil law: content and limits]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2016, no. 12, pp. 98–103.
9. Taran A. S. [Mistrust as a basis for challenge]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Current problems of Russian law], 2021, no. 5, pp. 139–147.
10. Shamatonov A. I. [Forced liquidation of an LLC and a non-public JSC at the request of a participant (subclause 5, paragraph 3, Article 61 of the Civil Code of the Russian Federation): Russian and foreign experience]. In: Kuznetsov A. A., ed. *Korporativnoye pravo v ozhidanii peremen* [Corporate law in anticipation of change]. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 411–461.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гольшиева Антонина Владимировна - кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; e-mail: GolishevaAV@mgpu.ru

Гольшев Вадим Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; e-mail: GolyshevVG@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonina V. Golysheva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University; e-mail: GolishevaAV@mgpu.ru

Vadim G. Golyshev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University; e-mail: GolyshevVG@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гольшиева А. В., Гольшев В. Г. Об отдельных аспектах применения судами норм гражданского законодательства об аренде // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 56–61.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-56-61

FOR CITATION

Golysheva A. V., Golyshev V. G. About Selected Aspects of Application by Courts of the Norms of Civil Legislation on Rent. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 56–61.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-56-61

УДК 34(075.8)

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-62-72

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ, ВЬЕТНАМА, СЕВЕРНОЙ КОРЕИ)

Григорьева О. Г.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ влияния рыночных механизмов на правовое регулирование собственности в современных социалистических государствах Юго-Восточной Азии (на примере Китая, Вьетнама и Северной Кореи).

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали метод сравнительного правоведения и формально-юридический. Путём сопоставления проведён анализ содержания действующих конституций Китая, Вьетнама и Северной Кореи, гражданского законодательства о формах собственности, собственности на землю, частной собственности (Китай, Вьетнам), личной собственности (Северная Корея), законодательства о предпринимательской деятельности граждан и организаций.

Результаты. Доказано, что экономики современных социалистических стран Юго-Восточной Азии активно развиваются, успешно сочетая плановые и рыночные механизмы (в значительной степени в Китае и Вьетнаме, в меньшей степени в Северной Корее), действующее законодательство закрепляет различные формы собственности, характерные для классического социализма, в Китае и Вьетнаме – частную собственность, право собственности отечественных и иностранных граждан и организаций, право наследования, свершение разнообразных сделок с имуществом. Отсутствие частной собственности на землю следует приветствовать, поскольку такой подход максимально обеспечивает суверенитет современных социалистических государств, защиту (минимизацию) от внешнего влияния, хотя в определённой степени может сдерживать иностранные инвестиции в экономику.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделан сравнительно-правовой анализ правового регулирования собственности в отдельных современных социалистических странах, экономика которых успешно сочетает плановые и рыночные начала. Данный подход позволяет определить устойчивое развитие экономики, существенное снижение уровня бедности населения. Полученные результаты могут быть использованы в процессе разнопланового сотрудничества России с Китаем, Вьетнамом и Северной Кореей.

Ключевые слова: Вьетнам, личная собственность, Китай, плановая экономика, рыночный социализм, Северная Корея, собственность, частная собственность

MODERN SOCIALISM: LEGAL REGULATION OF PROPERTY (ON THE EXAMPLE OF CHINA, VIETNAM, NORTH KOREA)

O. Grigorieva

MGIMO University

pr. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. Analysis of the influence of market mechanisms on the legal regulation of property in modern socialist states of Southeast Asia (on the example of China, Vietnam and North Korea).

© CC BY Григорьева О. Г., 2023.

Methodology. The key research methods were the method of comparative jurisprudence and formal-legal method. The analysis of the content of the current constitutions of China, Vietnam and North Korea, civil legislation on forms of ownership, land ownership, private property (China, Vietnam), personal property (North Korea), legislation on entrepreneurial activity of citizens and organizations was carried out by means of comparison.

Results. It is proved that the economies of modern socialist countries of Southeast Asia are actively developing, successfully combining planned and market mechanisms (to a large extent in China and Vietnam, to a lesser extent in North Korea), the current legislation enshrines various forms of ownership, characteristic of classical socialism, in China and Vietnam – also private property, guarantees the right of ownership of domestic and foreign citizens and organizations, the right of inheritance, the accomplishment of various transactions with property. The absence of private ownership of land, in our opinion, should be welcomed, because this approach maximally ensures the sovereignty of modern socialist states, protection (minimization) from external influence, although to some extent it may deter foreign investment in the economy.

Research implications. Theoretical and/or practical significance lies in the objective comparative-legal analysis of legal regulation of property in some modern socialist countries, the economy of which successfully combines planned and market principles. The given approach to the sustainable development of the economy, a significant reduction in the level of poverty of the population. The obtained results can be used in the process of multifaceted cooperation between Russia and China, Vietnam and North Korea.

Keywords: Vietnam, personal property, China, planned economy, property, market socialism, North Korea, private property

Введение

В настоящее время Восточная Азия является наиболее динамично развивающимся регионом планеты в экономическом, финансовом, политическом плане. Развитие Восточно-Азиатской экономики зачастую определяет вектор развития экономики многих государств мира.

Собственность, как известно, является основой экономики государства любого социально-политического строя. Правовое регулирование отношений по поводу собственности закладываются в основном законе государства – его Конституции, своё дальнейшее развитие находят в отраслевом (гражданском, земельном, налоговом) законодательстве.

Правовое регулирование собственности в каждом конкретном государстве имеет свою специфику, обусловленную историческими предпосылками, социокультурной спецификой развития общества, преобладающим влиянием романо-германской или англо-саксонской системы права на его правовую систему и целым рядом иных факторов. Как отмечается в литературе, особенно большое влияние на

становление права в странах азиатско-тихоокеанского региона оказала китайская цивилизация [8].

Наличие определённых форм собственности (государственной, общественной (коллективной), закреплённых в конституциях, отсутствие частной собственности на землю (например, реализованная В. И. Лениным первая в мировой истории советская модель социализма) характерны и для социалистического государственного строительства.

В современном мире осталось менее 10 социалистических государств. На наш взгляд, наиболее яркими представителями их них являются Северная Корея, Китай и Вьетнам. С течением времени они реформировали законодательство, модернизировали формы собственности. Состояние правового регулирования данного института права и будет рассмотрено ниже.

Российские исследователи довольно активно изучают различные аспекты правового регулирования имущественных отношений в Китае и Вьетнаме. В этой связи следует отметить работы А. А. Аношина, В. М. Большаковой,

Э. Н. Валеева, С. К. Емельяновой, Л. В. Забровской, А. В. Ильиных, Н. А. Хридиной и др.

Китайские исследователи пишут о культивировании идей социализма в современном Китае, успешном совмещении их с мощной рыночной экономикой, закреплении в законодательстве. В частности, отмечается, что в третьем тысячелетии Китай намерен чётко придерживаться курса «социалистической модернизации с китайской спецификой», подчёркивается его позитивное влияние на мир [10]. Это позволило Китаю решить проблему голода в стране и существенно повысить уровень жизни населения. Экономика Китая плановая и рыночно-ориентированная, имеет значительную долю отечественного и иностранного частного сектора. Это позволило Китаю выйти на лидирующую позицию среди наиболее экономически развитых стран мира.

В числе учёных из Вьетнама, которые исследуют взаимосвязь социалистического законодательства о собственности с рыночно-ориентированной экономикой страны, можно назвать Н. Нгуена, Х. Нгуена, П. Трама, Х. Нгоса, Х. Хо, Б. Биена, Х. Кима и др. Во вьетнамской литературе отмечается, что аналогично Китаю, Вьетнам успешно адаптирует идеи социализма к условиям рыночной экономики и развитию института частной собственности, «исторические ценности идеологии Хо Ши Мина в строительстве страны» лежат в основе «создания устойчивой экономики и общества для будущего поколения» [13; 14]. Вьетнам, начиная с 1986 г., под влиянием идей проводимой в СССР перестройки и рыночных реформ в Китае также взял курс на обновление страны. Все процессы либерализации проходили под строгим контролем государства. И на сегодняшний день плановая экономика успешно сочетается с частным предпринимательством. Рыночный социализм позволил Вьетнаму добиться высокого уровня экономического развития и снижения бедности населения.

В отношении Северной Кореи исследовать правовое регулирование собственности объективно сложнее в силу закрытости северокорейского общества. Основываясь на законодательных актах и отдельных российских исследованиях К. В. Асмолова, И. В. Дьячкова, Л. В. Захарова и др., можно констатировать, что социализм в Северной Корее наиболее каноничен и приближен к модели социалистического строя СССР. Соответственно, и концепция правового регулирования имущественных отношений аналогична советской.

Нельзя не отметить, что существуют и другие мнения, которые, как правило, представлены западными авторами, в числе которых Л. Баулуз, Б. Керквлиет, У. Говинд, Д. Лондон, Ф. Новокмит. Так, мнение, например, о том, что Китай и Вьетнам «зафиксировали нечёткие права собственности. В обеих странах верховенство закона отсутствует, а экономика повсеместно коррумпирована» [12]. Отмечается также разрыв в производительности между предприятиями различных форм собственности во Вьетнаме: государственные предприятия находятся в более привилегированном положении по сравнению с частным бизнесом, поскольку имеют льготный доступ к финансовому капиталу и земельным ресурсам [9; 11].

Правовое регулирование собственности в Китае

В Китае основы отношений собственности заложены в Конституции Китайской Народной Республики, которая, как отмечается в преамбуле, «является основным законом государства и имеет высшую юридическую силу». Конституция КНР была принята в 1982 г.¹ В качестве основы «социалистической экономической системы Китайской Народной Республики» провозглашается социалистическая общественная собственность на средства произ-

¹ Конституции Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. // Бизнес в Китае: [сайт]. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution/> (дата обращения: 06.05.2023).

водства – общенародная собственность и коллективная собственность.

В литературе отмечается, что за последние несколько десятилетий экономические реформы, проводимые в Китае, способствовали превращению его экономики из централизованно планируемой в ориентированную на рынок. Децентрализация производства способствовала изменению законодательства в отношении участия частного сектора в экономике [1].

В отношении права собственности на землю в Конституции содержится довольно жёсткое предписание – «ни одна организация или частное лицо не может каким бы то ни было путём присваивать, покупать или незаконно передавать землю». В отсутствие законодательного разрешения частной собственности на землю, организации и граждане имеют лишь право пользования – «рационального использования земли».

Анализ конституционных положений позволяет утверждать, что основанный на частной собственности частный сектор экономики существует и развивается в строго очерченных законом рамках, под наблюдением и контролем государства.

Вместе с тем основа экономики – это социалистическая общественная собственность (государственная и коллективная), любое присвоение или уничтожение которой частными лицами запрещается.

Частная собственность граждан может быть представлена законно полученными доходами, сбережениями, домом и другим имуществом, которое помимо прочих сделок может быть передано по наследству.

Другим важным источником правового регулирования собственности является Закон КНР о праве собственности¹ 2007 г., который в развитие конституционных положений закрепляет государственную, коллективную и частную формы собственности. В соответствии со ст. 3 Закона «в течение первичной стадии социализма государство придерживается основной

экономической системы, при которой государственная собственность играет доминирующую роль, при этом развиваются и другие различные формы собственности».

В Законе содержится довольно чёткая регламентация отношений в сфере управления *государственной собственностью*. Так, основное руководство данным процессом от имени государства осуществляет Государственный совет Китая.

Государственные органы Китая имеют право владения, использования и распоряжения недвижимой и движимой собственностью (в т. ч. предприятиями), находящейся под прямым контролем Госсовета. Государственная собственность не может быть занята, поделена между частными лицами, удержана или повреждена любым учреждением или частным лицом. В случае, если государственная собственность терпит ущерб в результате передачи по заниженным ценам, разделения между частными лицами, самовольного распоряжения ею в нарушение правил управления государственной собственностью в ходе реформирования, слияния и разделения, совместных действий предприятий, то виновная сторона несёт предусмотренную законом ответственность.

В состав *коллективной собственности* входит движимое и недвижимое имущество, которое чётко определено в Законе (земли, строения, сооружения, относящиеся к сфере образования, науки, культуры медицины и спорта; имущество фермеров является коллективным владением членов такого коллектива; имущество коллектива деревни и др.). Коллективно решаются такие вопросы управления собственностью: передача земли в субподряд; методы использования и распределения платы за землю; изменение собственности предприятий, созданных на средства коллектива и др. Решения коллективной экономической организации могут быть обжалованы в народном суде.

Правовой режим *частной собственности* имеет ряд существенных особенностей. При этом Закон дублирует отдельные положения Конституции. Так, частное лицо (физическое или юридическое) имеет

¹ Закон Китайской Народной Республики от 16.03.2007 «О праве собственности» // Бизнес в Китае: [сайт]. URL: <http://asia-business.ru/law/law3/property/> (дата обращения: 06.05.2023).

право на владение легальным источником дохода, домами, предметами домашнего обихода, орудиями производства, сырьём, а также другой движимой и недвижимой собственностью. Закрепляется также неприкосновенность частной собственности.

В отношении владения и пользования имуществом предусмотрены, в частности, следующие способы: государство, коллектив и частное лицо могут вносить вклады на создание компаний с ограниченной ответственностью, акционерных обществ с ограниченной ответственностью или других предприятий, а также получать прибыли соразмерно внесённой собственности.

Недвижимое имущество подлежит регистрации в Регистре недвижимости, который выдаёт собственнику специальный сертификат. Так, регистрации подлежат установление, изменение, передача и прекращение права собственности.

Интерес представляет так называемый институт «предварительной регистрации»¹, аналогов которому нет в российском праве. Так, если продавец-собственник и покупатель договорились о сделке, для гарантии её реализации они могут обратиться за предварительной регистрацией в Регистр. Предварительная регистрация имеет силу 3 месяца, в течение которых «распоряжение таковой недвижимостью без согласия правообладателя предварительной регистрации не будет иметь юридической силы». Если в течение 3 месяцев заявление на регистрацию недвижимости не подаётся, то предварительная регистрация теряет свою силу.

Ни Конституция Китая, ни Закон о праве собственности не регулируют права иностранцев в отношении приобретения, отчуждения и наследования недвижимости. При этом не установлено и специальных запретов на владение иностранцами объектами недвижимости.

Исходя из того, что земля находится в собственности государства, иностранцы

могут иметь в собственности помещения, которые предназначены для проживания, иностранные компании – помещения коммерческого назначения. Однако это связано с существенными ограничениями. Так, постановление Правительства Китая «Об управлении иностранными инвестициями в недвижимость» № [2006]171² гласит: «иностранец, который прожил в Китае более одного года, здесь работает, учится, или иностранная организация, которая открыла своё отделение или представительство (за исключением тех компаний, которые имеют право работать с недвижимостью), могут купить только одну квартиру для собственного проживания и использования». Далее отмечается, что зарубежные предприятия и организации, не имеющие филиалов или представительств в Китае, и иностранцы, проживающие или учащиеся в Китае менее 1 года, не имеют права покупать недвижимость в Китае.

Таким образом, действующее законодательство Китая обеспечивает полноценное регулирование отношений собственности исходя из рыночно-ориентированной социалистической экономики с приоритетной ролью государственной собственности.

Правовое регулирование отношений собственности во Вьетнаме

В 1986 г. VI съезд Коммунистической Партии Вьетнама сделал переломный шаг к революционному переходу от плановой экономики с командно-административным механизмом управления к рыночной экономике с многообразием форм собственности. Отказ от многих прежних идеологических догм потребовал существенной перестройки всей правовой системы страны, в т. ч. в сфере правового регулирования отношений собственности.

Основным источником, в котором заложены основы правового регулирования

¹ Закон Китайской Народной Республики от 16.03.2007 «О праве собственности» // Бизнес в Китае: [сайт]. URL <http://asia-business.ru/law/law3/property/> (дата обращения: 06.05.2023).

² Постановление Правительства КНР от 11.07.2006 № [2006]171 «Об управлении иностранными инвестициями в недвижимость» // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/economy/20171226/1511752759.html> (дата обращения: 06.05.2023).

собственности, является Конституция¹. Многообразие форм собственности в связи в принятым курсом на создание рыночной экономики отражено в гл. II «Экономическая система». Так, ст. 15 закрепляет общенародную, коллективную, частную собственность, а ст. 16 провозглашает свободное развитие производительных сил, развитие потенциалов всех экономических укладов: государственного, коллективного, частного секторов экономики, частного капитала и капиталистического сектора экономики.

В *государственной собственности* находятся земли, леса и горы, реки и озёра, водоёмы, недра, территориальное воздушное пространство, капитал и имущество, вложенные государством в предприятия, отрасли дипломатии, обороны и государственной безопасности и др. Важное значение для экономики страны имеет конституционное закрепление приоритета государственной собственности «особенно в ключевых отраслях и областях, играющих ведущую роль».

Государство осуществляет единое управление землями в соответствии с законами и общим планом, чтобы гарантировать их рациональное и эффективное использование. В связи с отсутствием права частной собственности на землю, организации и граждане обладают правом долгосрочного пользования землями, которые им предоставляет государство.

Частная собственность является основной предпринимательской деятельности во Вьетнаме, которая может осуществляться в различных организационных формах без ограничения масштаба и в отраслях, необходимых для осуществления государственного плана и жизни народа, в т. ч. в кооперации с иностранными частными лицами и экономическими организациями.

Важным для развития «рыночного социализма» является подход, при котором все субъекты предпринимательства равны перед законом и государством, кото-

рые, в свою очередь, защищают частный капитал и частное имущество, в т. ч. и от национализации. Однако в случае «неотвратимой необходимости в интересах государства» возможен принудительный выкуп имущества с компенсацией по рыночным ценам. Заметим, что аналогичный институт изъятия недвижимости для государственных и муниципальных нужд предусмотрен и российским гражданским законодательством.

Законодательство Вьетнама стимулирует отечественные и иностранные инвестиции путём закрепления на конституционном (т. е. высшем законодательном) уровне целого ряда соответствующих норм (например, о вложении капитала, имущества и технологий в экономику страны, их правовой защите в соответствие с нормами национального и международного права, запрете национализации и т. п.).

Граждане Вьетнама имеют право частной собственности на законные доходы и накопленное богатство, жилище, жизненные средства и средства производства, капитал и другое имущество, вложенное в предпринимательство и иные экономические организации. Государство защищает законное право собственности и наследства вьетнамских граждан.

В 1995 г. во Вьетнаме был принят Гражданский кодекс², закрепивший регулирование отношений собственности в соответствии с новыми экономическими устоями страны.

Кодекс предусматривает широкий спектр сделок с частным имуществом (при отсутствии права частной собственности на землю): мена, передача в пользование, аренда, ипотека и наследование, – которые являются основанием становления и развития рынка недвижимости.

Впервые в истории права Вьетнама Кодекс закрепил понятие недвижимости, а также деление вещей на движимые и недвижимые. Так, недвижимостью в гражданском праве признаётся не любое

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам (принята 15.04.1992) [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=26&ysclid=lkz5c99pif804333489> (дата обращения: 06.05.2023).

² Civil Code № 91/2015/QH13 of November 24, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585381> (дата обращения: 06.05.2023).

имущество, которое является объективно непереключаемым, а лишь то, которое, обладая таким признаком, может быть объектом гражданских прав. Согласно ст. 181 к недвижимым вещам относятся всё, что прочно связано с землёй и перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, к ним относятся: земля; жилые дома, строения, которые прочно связаны с землей и все вещи, которые прочно связаны с этими домами и строениями; другие вещи, которые прочно связаны с землей; другие вещи, которые отнесены к недвижимым вещам законом.

Вещи, не относящиеся к недвижимым вещам, признаются движимыми вещами.

Таким образом, в основу разграничения имущества на движимое и недвижимое во вьетнамском законодательстве были положены 2 критерия, как и в российском законодательстве и в законодательстве других стран:

1) традиционный критерий – невозможность оторвать от земли и переместить определённое имущество без несоразмерного ущерба его назначению;

2) «недвижимость в силу назначения» – предметы, помещённые на участке для его обслуживания и эксплуатации (движимость, присоединённая навсегда к недвижимости). Этот критерий «перекочевал» в гражданские кодексы отдельных иностранных государств из Гражданского кодекса Франции (Кодекса Наполеона).

Правам субъектов гражданско-правовых отношений на недвижимое имущество придаётся особая устойчивость, обеспечиваемая специальным порядком их возникновения и прекращения, а также существованием специальных мер, дающих возможность для всех третьих лиц получать информацию о юридическом положении любого объекта недвижимости.

Итак, исходя из результатов проведённого исследования, заслуживает поддержки мнение вьетнамских коллег, которые отмечают, что, «согласно новому подходу, социализм не противопоставляется рыночной экономике, социализм может быть успешно построен в условиях развития частной

капиталистической экономики. Это важное обновление взглядов на социализм» [7].

Правовое регулирование отношений собственности в Северной Корее

В современном мире КНДР является самым закрытым государством, как в силу изолированности в условиях внешних санкций, так и в силу существующей в стране идеологии. В частности, более 15 лет назад по решению Совета Безопасности ООН в отношении КНДР введены масштабные санкции в связи с её ракетно-ядерной деятельностью [3].

Тем не менее КНДР довольно тесно сотрудничает с Китаем, с которым у неё сходная социально-политическая система, одинаковые амбиции по воссоединению территорий, исторически дружеские и тесные отношения [4].

Изолированность государства проявляется не только в политическом и экономическом планах, но и в правовом. В открытом доступе немного законодательных актов, которые могут дать представление о правовом регулировании в КНДР тех или иных правовых явлений. Судить о правовом регулировании отношений собственности мы можем в основном по текстам Конституции КНДР и Гражданского кодекса, а также немногочисленным публикациям российских и зарубежных авторов, заявлениям лидера государства. Публикаций учёных из Северной Кореи (в т. ч. в англоязычных изданиях) на открытых международных платформах встретить практически невозможно.

Тем не менее в настоящей статье проанализирован ряд открытых источников, чтобы дать представление об основах правового регулирования собственности в Северной Корее как ярком и, пожалуй, на сегодняшний день единственном государстве-последователе классического социализма, построенного по аналогу СССР.

Итак, согласно Конституция 1972 г. КНДР¹ – «суверенное социалистическое

¹ Конституция Корейской народно-демократической республики (принята 27.12.1972) [Электронный ре-

государство, которое в своей деятельности руководствуется идеями чучхе», которое обозначает «мировоззрение, в центр которого ставится человек и революционные идеи, нацеленные на осуществление самостоятельности народных масс» (ст. 3).

Правовая система КНДР создавалась по образцу советского законодательства, что можно наглядно проследить, анализируя содержание законодательных актов, и прежде всего положения Конституции. Так, в ст. 8 сказано, что «общественный строй в КНДР есть такой строй, который служит интересам человека, где хозяевами всего являются трудящиеся массы, и всё в обществе поставлено на службу их интересам».

Об этом свидетельствуют и конституционные положения о собственности, которые отражены в гл. II «Экономика»: «КНДР опирается на социалистические производственные отношения и на базу самостоятельной национальной экономики» (ст. 19); «в КНДР средства производства принадлежат только государству и кооперативным организациям» (ст. 20).

Основы правового режима *государственной собственности*, которая занимает ведущее место среди иных форм собственности КНДР, заложены в ст. 21: «Государственная собственность является собственностью всего народа. Право государства на собственность не ограничивается. Все природные богатства страны, ведущие заводы и фабрики, порты и гавани, банки, транспорт и средства связи принадлежат только государству. Государство охраняет и увеличивает преимущественно государственную собственность, играющую ведущую роль в развитии экономики страны».

Основы режима *кооперативной собственности* закреплены в ст. 22: «Кооперативная собственность является коллективной собственностью трудящихся, состоящих в кооперативных хозяйствах. Кооперативные организации могут иметь в своей собственности землю, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, рыболовные суда, постройки, а

также средние и мелкие заводы и фабрики. Государство охраняет кооперативную собственность».

Конституция КНДР не просто закрепляет государственную (общенародную) и кооперативную формы собственности как основу экономики, но их «органическое сочетание» в «направлении усиления ведущей роли общенародной собственности по отношению к кооперативной», улучшения руководства и управления социалистической системой кооперативного хозяйства.

Вместе с тем в духе диктатуры государство стремится к «постепенному превращению» кооперативной собственности в общенародную «согласно свободному волеизъявлению всех членов, состоящих в кооперативных организациях».

Следует отметить заимствование имевших место в Советском Союзе подходов в отношении *личной собственности* граждан. Чётко прослеживается целевой характер такой собственности – личные и потребительские цели трудящихся. «Личная собственность трудящихся образуется из доли социалистического распределения по труду, а также из дополнительных льгот за счёт государства и общества. Продукция личного подсобного хозяйства граждан, в т. ч. полученная в результате хозяйствования на приусадебных участках членов сельхозкооперативов, также является их личной собственностью».

Законодательно гарантированы охрана и наследование личной собственности трудящихся.

Анализ законодательства КНДР позволяет сделать вывод о том, что руководство страны чётко осознаёт необходимость внешнеэкономических связей с вовлечением собственности в тех формах, которые предусмотрены Конституцией, допускает вовлечение собственности во внешнеторговый оборот. В литературе отмечается, что «на фоне официальных лозунгов о независимости и самостоятельности экономики страны, северокорейское руководство признаёт необходимость экономического сотрудничества с иностранными государствами» [6].

супс]. URL.: <https://worldconstitutions.ru/?p=30&ysclid=lkz3bqzxl77996727> (дата обращения: 06.05.2023).

Так, в ст. 36 Конституции сказано, что внешняя торговля ведётся или самим государством, или же под его контролем.

Детальное правовое регулирование внешнеторговой деятельности КНДР осуществляется Законом о частных международных отношениях от 6 сентября 1995 г.¹, который направлен на содействие «развитию внешнеэкономического сотрудничества и обмена» (ст. 1). По информации в корейской периодической печати, в стране функционируют компании, основными видами внешнеторговой деятельности которых являются судоходство, торговый сервис, техническое сотрудничество. КНДР проводит политику на многогранное развитие внешней торговли².

В сельском хозяйстве кооперативы, которые раньше весь полученный урожай сдавали государству, теперь получили возможность самостоятельно распоряжаться существенной частью выращенной продукции (по разным данным, от 40 до 50%) – как в производственных целях, так и для распределения среди кооператоров в зависимости от объёма произведённой ими продукции [5].

Отраслевое регулирование отношений собственности в КНДР осуществляется ч. 2 Гражданского кодекса, принятого в 1991 г.³ Основные положения о собственности аналогичны положениям, имевшим место в ГК советских республик. Право собственности определяется через правомочия собственника, система иных вещных прав устанавливает права в отношении имущества, которые ограничены по сравнению с абсолютным правом соб-

ственности. Присутствует деление вещей на движимые и недвижимые. При этом такое недвижимое имущество, как земля, может быть в государственной и кооперативной собственности.

Систематически озвучиваются прогнозы о нежизнеспособности КНДР в силу проводимой им политики, внешнего давления на страну, обнищания населения, недовольного системой распределения и невысоким уровнем жизни. Следует согласиться с авторами, которые скептически оценивают такие прогнозы, ссылаясь на отсутствие объективной и достаточной информации по стране, недооценку её возможностей и неверную интерпретацию имеющихся данных [2].

Заключение

В современном мире насчитывается менее 10 социалистических государств. Наиболее яркими представителями их них являются Северная Корея, Китай и Вьетнам, экономики которых стремительно развиваются.

Исследование показало, что правовое закрепление социалистической модели государственного строительства с рыночно ориентированной экономикой предполагает наличие определённых форм собственности (государственная, общественная, коллективная, частная (Китай и Вьетнам), личная (Северная Корея)), сделок с имуществом (за исключением сделок по отчуждению земли в отсутствие права частной собственности на неё).

Правовое регулирование отношений собственности является традиционным и осуществляется на конституционном и отраслевом законодательном уровнях.

Благодаря рыночной ориентации социалистической экономики Китая и Вьетнама (который действовал в основном по китайской модели модернизации) в них появился институт частной собственности граждан и организаций, который сделал возможным законное индивидуальное предпринимательство для «взаимной выгоды» и повышения уровня жизни

¹ Закон КНДР «О частных международных отношениях» (принят решением № 62 Постоянного комитета Верховного народного собрания от 06.09.1995) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2016/02/22/1139768557/КНДР%201995.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).

² Для улучшения жизни населения [Электронный ресурс] // Корея. 2014. № 694 URL: https://www.sovetika.ru/bibl/kndr/koreja_2014_01.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

³ КНДР. Гражданское и смежные с ним отрасли права // PravoBooks: [сайт]. URL: <http://www.pravobooks.ru/prava/235061.html?ysclid=lkz4vs424w182401731> (дата обращения: 06.05.2023).

населения. Именно наличие частной собственности и вовлечение её в экономику этих стран позволило победить бедность в Китае, а во Вьетнаме существенно снизить её уровень.

Северная Корея в рамках внешней изоляции была вынуждена под давлением санкций развивать предпринимательские отношения внутри страны.

Таким образом, правовое регулирование отношений собственности в современных социалистических государствах с рыноч-

ной ориентацией их экономик является адекватным и наиболее оптимальным для повышения благосостояния их населения, достижения высокого уровня экономического развития и обеспечения государственного суверенитета. Отсутствие права частной собственности на землю не является препятствием для достижения высоких экономических результатов, гарантирует защиту национальных интересов.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношин А. А., Большакова В. М., Емельянова С. К. Экономико-правовой статус частного сектора в современной экономике Китая // *Современные тенденции общественно-экономического развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2020 г.* / под ред. К. А. Демичева, А. Н. Штефан. Нижний Новгород, 2021. С. 278–284.
2. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 4. С. 134–147.
3. Дьячков И. В. Санкции ООН в отношении КНДР: оценка эффективности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 7. С. 173–179.
4. Забровская Л. В. Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 6. С. 26–33.
5. Захарова Л. В. Особенности современной экономической системы КНДР // *Восточная Азия в меняющемся мире: сб. трудов конф.* / отв. ред. Л. В. Захарова. М., 2019. С. 187–195.
6. Захарова Л. В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 4. С. 81–97.
7. Ха Нгуен Нгок. Новые взгляды Коммунистической партии Вьетнама на общество // *Вьетнамские исследования*. 2019. № 2. С. 19–28.
8. Хридина Н. А., Валеев Э. Н., Ильиных А. В. Законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона: учеб. пос. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 140 с.
9. Bauluz L., Govind Y., Novokmet F. *Global land inequality*. 2020. 24 p.
10. 2050 China: becoming a great modern socialist country / Angang Hu, Yilong Yan, Xiao Tang, Shenglong Liu. Springer Nature, 2021. 105 p.
11. Kerkvliet B. J. T. *Public Political Criticism in Vietnam, 1990s–2018* // *Routledge handbook of contemporary Vietnam*. 2022. P. 62–72.
12. London J. D. *China and Vietnam as instances of consolidated market-Leninism* // *The socialist market economy in Asia: Development in China, Vietnam and Laos* / eds. A. Hansen, J. I. Bekkevold, K. Nordhaug. 2020. P. 69–114.
13. Nguyen N. A. *Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam* // *Emerging Science Journal*. 2022. Т. 6. № 5. P. 952–966.
14. Tram P. N., Ngoc Huy D. T. *Educational, Political and Socio-Economic Development of Vietnam Based on Ho Chi Minh's Ideology* // *Ilkogretim Online*. 2021. Т. 20. № 1. P. 1238–1246.

REFERENCES

1. Anoshin A. A., Bolshakova V. M., Emelyanova S. K. [Economic and legal status of the private sector in the modern economy of China]. In: *Sovremennyye tendentsii obshchestvenno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii. Osnovnyye itogi nauchnoy raboty v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2020 g.* [Modern trends in socio-economic development of Russia. The main results of scientific work at the Nizhny Novgorod Institute of Management in 2020]. Nizhny Novgorod, 2021, pp. 278–284.
2. Asmolv K. V., Zakharova L. V. [Problems and prospects for the development of the DPRK: forecast 2021]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2021, no. 4, pp. 134–147.

3. Dyachkov I. V. [UN sanctions against the DPRK: assessment of effectiveness]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: humanities], 2018, vol. 23, no. 7, pp. 173–179.
4. Zabrovskaya L. V. [China and the DPRK: a course to maintain the regional status quo]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2009, no. 6, pp. 26–33.
5. Zakharova L. V. [Features of the modern economic system of the DPRK]. In: Zakharova L. V., ed. *Vostochnaya Aziya v menyayushchemsya mire: sb. trudov konf.* [East Asia in a changing world: collection proceedings conf.]. Moscow, 2019, pp. 187–195.
6. Zakharova L. V. [Foreign economic relations of the DPRK in the 21st century and prospects for their development under Kim Jong-un]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2013, no. 4, pp. 81–97.
7. Ha Nguyen Ngoc. [New views of the Communist Party of Vietnam on society]. In: *Vyetnamskiye issledovaniya* [Vietnamese Studies], 2019, no. 2, pp. 19–28.
8. Khridina N. A., Valeev E. N., Ilyinykh A. V. *Zakonodatelstvo strany Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Legislation of the countries of the Asia-Pacific region]. Khabarovsk, Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta Publ., 2017. 140 p.
9. Bauluz L., Govind Y., Novokmet F. Global land inequality. 2020. 24 p.
10. Angang Hu, Yilong Yan, Xiao Tang, Shenglong Liu. *2050 China: becoming a great modern socialist country*. Springer Nature, 2021. 105 p.
11. Kerkvliet B. J. T. Public Political Criticism in Vietnam, 1990s–2018. In: *Routledge handbook of contemporary Vietnam*, 2022, pp. 62–72.
12. London J. D. China and Vietnam as instances of consolidated market-Leninism. In: Hansen A., Bekkevold J. I., Nordhaug K., eds. *The socialist market economy in Asia: Development in China, Vietnam and Laos*. 2020, pp. 69–114.
13. Nguyen N. A. Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam. In: *Emerging Science Journal*, 2022, vol. 6, no. 5, pp. 952–966.
14. Tram P. N., Ngoc Huy D. T. Educational, Political and Socio-Economic Development of Vietnam Based on Ho Chi Minh's Ideology. In: *Ilkogretim Online*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 1238–1246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Ольга Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного регулирования Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: 5618861@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga G. Grigorieva – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Governmental Regulation, MGIMO University;
e-mail: 5618861@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьева О. Г. Современный социализм: правовое регулирование собственности (на примере Китая, Вьетнама, Северной Кореи) // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 62–72.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-62-72

FOR CITATION

Grigorieva O. G. Modern Socialism: Legal Regulation of Property (On the Example of China, Vietnam, North Korea). In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 62–72.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-62-72

УДК 347.516

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-73-82

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Долинская В. В.¹, Летута Т. В.²

¹Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

²Оренбургский государственный университет
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основе разрозненных норм права, различных доктринальных подходов и судебной практики определить возможности отнесения животных к числу источников повышенной опасности.

Процедура и методы. На основе методов системного анализа и сравнения разрозненных норм частного и публичного права, различных доктринальных подходов и судебной практики определена возможность отнесения животных к числу источников повышенной опасности.

Результаты. Обосновано в качестве необходимых и достаточных для квалификации источника повышенной опасности применение характеристик вредоносности и подконтрольности человеку.

Теоретическая и/или практическая значимость. Рекомендовано включить животных в примерный перечень источников повышенной опасности в ст. 1079 ГК, обеспечивать баланс между соблюдением указаний закона и их конкретизацией правоприменителем.

Ключевые слова: вредоносность, деликтное право, деликтные отношения, животные, источник повышенной опасности, ответственность, подконтрольность

ANIMALS AS A SOURCE OF INCREASED DANGER

V. Dolinskaya¹, T. Letuta²

¹ Kutafin Moscow State Law University
ul. Sadovaya-Kudrinskaya 9, Moscow 125993, Russian Federation

²Orenburg State University
pr. Pobedi 13, Orenburg 460018, Russian Federation

Abstract

Aim. On the basis of disparate norms of law, various doctrinal approaches and judicial practice, determine the possibility of classifying animals as sources of increased danger.

Methodology. Based on the methods of systematic analysis and comparison of disparate norms of private and public law, various doctrinal approaches and judicial practice, the possibility of classifying animals as a source of increased danger has been determined.

Results. It is justified as necessary and sufficient for qualification as a source of increased danger the application of characteristics of harmfulness and human controllability.

Research implications. It is recommended to include animals in the approximate list of sources of increased danger in Article 1079 of the Civil Code, to ensure a balance between compliance with the instructions of the law and their specification by the law enforcer.

Keywords: harmfulness, tort law, tort relations, animals, source of increased danger, liability, controllability

Введение

Издание в последнее десятилетие специальных правовых актов о животных (например, Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, Постановление Правительства РФ № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак»², Постановление Правительства РФ № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан»³, (вступившее в силу с 1 марта 2023 г.) и неупомянутая судебная практика актуализируют вопрос о квалификации животных как источника повышенной опасности.

Мы сталкиваемся с проблемами сразу по двум направлениям.

Первое связано именно с животными [16, с. 72; 19, с. 84]: отсутствие их чёткой правовой характеристики⁴ и классификаций [4, с. 48; 6, с. 32]; несовпадение понятийного аппарата частного и публичного права различных нормативно-правовых актов; уклон в последнее время в безусловно нужное гуманистическое направление – охрану животных [17, с. 47–53]⁵, но при

длительном игнорировании на уровне закона вопросов охраны от вреда, причиняемого животными [12, с. 29; 16];

Второе направление касается деликтного права: отсутствие унифицированного легального понятия источников повышенной опасности; различные доктринальные позиции по этому вопросу (как минимум теория деятельности⁶ [2; 9], теория объекта О. А. Красавчикова, А. М. Беляковой и др., теория неподконтрольности вещей [20]); в связи с этим отсутствие легальной классификации источников повышенной опасности; неупомянутые подходы к определению степени опасности, тяжести причинённого вреда и, как следствие, размеру его возмещения.

Мы полностью разделяем позицию Б. С. Антимонова не только о теоретическом, но и практическом значении выявления границ понятия «источник повышенной опасности» – для квалификации гражданско-правовых последствий причинённого вреда [2].

Считаем, что универсальная классификация источников повышенной опасности О. А. Красавчикова [11] на физические, физико-химические, биологические, химические не утратила своей актуальности, а может, и должна служить основой для расширения их перечня в условиях создания новых объектов и открытия новых сил природы (применение беспилотных летательных аппаратов, распространение инфекционных заболеваний и т. д.).

При этом ещё в 1955 г. О. С. Иоффе обращал внимание на то, что «несмотря на примерный характер перечня источников повышенной опасности, содержащегося в ст. ..., лишь изредка встречаются попытки

21.06.2022 по делу № 15-КГ22-1-К1 («запрет на жестокое обращение с животными, содержащийся как в уголовном, так и в гражданском законодательстве, направлен не на охрану имущества как такового, а на охрану отношений нравственности») // СПС Консультант Плюс.

⁶ П. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

¹ Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53. Ст. 8424 (с изм.).

² Постановление Правительства РФ от 29.07.2019 № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4642.

³ Постановление Правительства РФ от 03.11.2022 № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан» [Электронный реурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090041> (дата обращения: 06.06.2023).

⁴ На федеральном уровне определение животных отсутствует. Этот пробел восполняется некоторыми субъектами РФ. См., напр.: Закон Республики Башкортостан от 22.04.1997 № 88-з «О домашних животных» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1997. № 12 (66). Ст. 777 (с изм.). Т. е. в акте публичного права даны определение животным и некоторым их видам.

⁵ См.: ст. 245 УК; Определение Верховного суда РФ от

распространить действие... статьи за пределы случаев причинения вреда использованием техники...» [10, с. 416].

Подзаконные акты (например, Постановление Правительства РФ № 974) опережают закон в квалификации отдельных животных как потенциально опасных. Суды периодически относят некоторых из них к источникам повышенной опасности¹. Однако это разрозненные, подчас противоречивые позиции, не выстроенные в систему.

Проблема определения животных в качестве источника повышенной опасности

Упоминания о животных как объектах, посредством которых возможно причинение вреда, за что следует его компенсация, носят в отечественном праве и законодательстве фрагментарный характер, затрудняющий формирование концепции о животных как источниках повышенной опасности в гражданском праве.

Правило о возмещении вреда, причинённого животными, имело место ещё в Соборном Уложении 1649 г., согласно ст. 284 г. которого потерпевший в случае вины владельца собаки, коровы, быка, козла, барана в причинении вреда имел право взыскать все убытки и отобрать животное². В советском законодательстве ст. 404 ГК РСФСР 1922 г. предусматривала возмещение причинённого дикими животными вреда их держателями на безвиновной основе³.

В современном ГК РФ в ст. 1079 животные не упомянуты в открытом перечне источников повышенной опасности. Однако судебная практика применяет

данную норму, предусматривающую повышенную (безвиновную) деликтную ответственность, в случаях причинения вреда животными агрессивных, крупных пород / видов, учитывая потенциальную непредсказуемость их поведения и тяжесть возможных последствий.

Фигура причинителя вреда и возможность его возмещения связаны с характеристикой животных.

ГК оперирует понятиями: животные (ст. 137), безнадзорные животные (ст.ст. 230–232), домашние животные (ст. 230), не раскрывая их. Специальное законодательство, в первую очередь ФЗ № 498, не раскрывает родовое понятие «животные», вводит ряд новых, допускает, на наш взгляд, ряд ошибок, значимых и для деликтного права.

Так формулировка его пп. 4 ст. 3 – определение домашних животных – при буквальном толковании означает, что находящийся на содержании владельца – физического лица, под его надзором, в его квартире или на его даче питон длиной менее 4 м, который способен задушить человека, не входит в такой перечень (утв. Постановлением Правительства № 795).

Вместо частного правового термина «безнадзорные животные» пп. 6 ст. 3 ФЗ № 498 вводит понятие «животное без владельца – животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен».

Но если в ГК явно речь идёт о домашних животных (п. 1 ст. 230: «безнадзорный или пригульный скот или других домашних животных...»), то формулировка ФЗ № 498, с одной стороны, необоснованно расширяет круг животных, не ограничиваясь домашними. А в ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 52-ФЗ «О животном мире»⁴ установлена государственная собственность на животный мир (диких животных) в пределах территории Российской Федерации. В ч. IX той же статьи предусмотрено, что «объекты животного мира, изъятые из среды обитания в установленном порядке, могут находиться в частной, государственной, муниципальной или иных формах собственности». В

⁴ Федеральный закон № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462 (с изм.).

¹ См.: Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 04.10.2017 по делу № 2-2470/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/02QuqrsBKalS> (дата обращения: 06.06.2023).

² Соборное Уложение 1649 г. Гл. X [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm> (дата обращения: 06.06.2023).

³ Постановление Всероссийского Центрального исполнительного комитета о введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (принятое на IV сессии 31.10.1922) // Известия ВЦИК. 1922. 12 ноября. № 256.

дореволюционной литературе обращалось внимание на то, что дикие животные изъются из «юридического быта» и становятся объектами гражданских прав только при их обособлении от естественной среды обитания [7, с. 63; 13, с. 159].

На основе анализа действующего законодательства дикие животные различаются на:

- обитающих в условиях естественной свободы, в т. ч. промысловых;
- содержащихся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания (в целях сохранения ресурса и генетического фонда объектов животного мира, иных научных и воспитательных целях).

Но без чипирования определить владельца дикого животного вряд ли возможно. А это означает смещение потенциального ответчика за причинение вреда таким животным.

С другой стороны, термин «животное без владельца» не может быть применён к такой разновидности домашних животных, как сельскохозяйственные, и не распространяется на лабораторных животных, даже если они сбежали из-под надзора (п. 2 ст. 1 ФЗ № 498).

В п. 1 ст. 16 ФЗ № 498 от животных без владельца отграничиваются «животные, от права собственности на которых владельцы отказались». Богатство языка свидетельствует о развитости культуры, но юридическая техника требует однозначных и чётких терминов. Проблему представляет то, что у безнадзорных животных и имущества, от права собственности на которое субъект отказался, разный правовой режим, в частности, «отказ от права собственности не влечёт прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом» (ч. II ст. 236 ГК).

Представляется, что понятие «животное без владельца» некорректно, препятствует унификации правового регулирования, в т. ч. в сфере деликтных отношений.

В связи с несовпадением понятийного аппарата частного и публичного права, а подчас и подходов в регулировании от-

ношений разными отраслями законодательства, учёные порой неудачно их смешивают, пытаются применить к деликтам правила об ответственном обращении с животными или о порядке содержания диких животных в неволе.

Например, Е. В. Чинчевич предлагает привлекать к ответственности бывших собственников за вред, причинённый бывшим питомцем [21, с. 7]. Не касаясь проблем реализации такого предложения (доказательства принадлежности животного бывшему хозяину), отметим, что оно снимает ответственность с публично-правовых образований за безопасность проживания граждан в населённых пунктах и за сохранность животного мира.

Несогласованность норм частного и публичного права приводит к тому, что в одной и той же статье авторы могут подробно описывать случаи нападения животных на посетителей в зоопарках и утверждать, что деятельность по содержанию зоопарков не является опасной для окружающих [15, с. 63].

Предлагаемые классификации животных чаще имеют значение для вещного, договорного права, интеллектуальной собственности, но не деликтного права.

Предпринимаются попытки определить относимость животных к источникам повышенной опасности через анализ правового режима их использования, их видового разнообразия или через определение их собственника (владельца). Например, А. П. Анисимов, Ю. Каюшкина, отмечая необоснованность автоматического освобождения от деликтной ответственности собственника животного мира – государства и муниципальных образований, ограничивают свои доводы о потребности возмещения вреда, причинённого автотранспорту крупными животными, внезапно выскочившими из леса на дорогу, или посевам фермеров потравками дикими животными, лишь статусом самого собственника (владельца) животных и их видом [1, с. 61].

Спорны и рассуждения о вредоносности отдельных животных: различные хищни-

ки (отряд плацентарных млекопитающих) [18, с. 409–417], крупные собаки, свирепые быки и в целом крупный рогатый скот [8, с. 82–83]. Но повышенной вредоносностью могут обладать и другие представители животного мира, например, отдельные рептилии (крупные виды удавов, разновидности паукообразных), экспериментальные мыши или микроорганизмы.

В отсутствие адекватной нормативной базы и/или единой доктринальной позиции в судебной практике одновременно существуют как минимум 3 подхода:

- 1) отнесение к источникам повышенной опасности отдельных животных определённых пород или групп [14, с. 207–209]¹;
- 2) отнесение к ним всех животных;
- 3) отказ в квалификации животных в качестве источников повышенной опасности.

Концептуальный авторский подход к решению проблемы отнесения животных к источникам повышенной опасности

Повышенная опасность – свойство, определяемое в совокупности такими элементами, как вредоносность и неподконтрольность человеку [3, с. 10]. Этих элементов для цивилистики достаточно для того, чтобы определить, относится ли рассматриваемый объект или деятельность к числу источников повышенной опасности или нет. *Подконтрольность, неполный контроль* или *неподконтрольность* человеку – термины, предполагающие не только, нахождение животного, как отмечает Е. А. Гусева, в полуволевых условиях или искусственно созданной среде обитания [5, с. 11–12]. Это состояние может иметь место и в любой естественной среде, но с условием воздействия человека на поведение животного (его подчинение или обусловленность действий животного волей и деяниями человека).

Попытки отнесения или неотнесения животных к источникам повышенной опас-

ности не должны сводиться к определению владельца, дикие они или домашние, а базироваться на том, находится ли животное под контролем человека, организации или публично-правового образования.

Следует согласиться с А. П. Рабец, которая утверждает, что нахождение животных в собственности государства вовсе не означает возможность возмещения вреда в случае нападения дикого животного [18]. Для того, чтобы признаваться источником повышенной опасности, животное должно было быть «использовано» государством. Термины «использование», «эксплуатация» животных должны трактоваться максимально широко. Например, если казус произошёл с участием выбежавшего дикого животного на особо охраняемой природной территории, т. е. в тех зонах, где происходит разведение животных, деликтная ответственность возлагается на государство по правилам ст. 1079 ГК, т. к. такое разведение объектов живой природы должно характеризоваться для деликтного права как их использование. Это же правило работает и в случаях, когда на территории естественного обитания диких животных осуществляется на основе выданных государством разрешений охота, организованная конкретными субъектами (юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями). Если ведение охоты предполагает организованный загон охотничьих животных, то причинение вреда такими животными, как и животными, участвующими в процессе охоты вместе с человеком, должно возмещаться по правилам ст. 1079 ГК РФ, поскольку дикие животные были направляемы человеком и контролировались (насколько это возможно) им. Именно человеческая деятельность явилась причиной движения диких животных в определённом направлении, их поведения, вызванного инстинктом самосохранения или болью в результате ранения. Дикие животные в таких случаях становятся источником повышенной опасности, поскольку характеристика их состояния соответствует отмеченным ра-

¹ См.: Решение Мухоршибирского районного суда Республики Бурятия от 30.01.2020 по делу № 2-52/2020.

нее элементам в совокупности: вредоносность и подконтрольность человеку¹.

Во всех иных случаях, когда дикие животные причиняют вред в их естественной среде обитания, не подпадающей под особый режим охраны, возмещение вреда должно происходить по правилам ст. 1069 ГК, т. е. с обязательным определением в суде противоправности и виновности деяний уполномоченных государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. В таких деликтах приоритетны правила об особом статусе государства как участника гражданско-правовых отношений. Это ключевое положение, обеспечивающее косвенный контроль со стороны общества за выполнением своих функций государством. Установление фактов бездействия или противоправных действий со стороны должностных лиц или государственных органов в ходе рассмотрения исковых требований о компенсации вреда необходимо для предотвращения дальнейших нарушений, для устранения негативных факторов в работе конкретных уполномоченных лиц. Кроме того, признание всех объектов животного мира собственностью публично-правовых образований не может автоматически обуславливать их трактовку в качестве источников повышенной опасности. Иное означало бы бесосновательное, не индивидуализированное, не соответствующее принципам гражданского права возложение ответственности на субъект, обеспечивающий охрану данных объектов.

Считаем, что это правило должно работать всегда, включая случаи использования животного правоохранительными органами (кинологическими подразделениями органов внутренних дел, кавалерийскими подразделениями органов внутренних дел и т. д.). Приоритет применения положений ст. 1069 ГК в случаях, когда вред причинялся служебными собаками, служебными лошадьми, защищает государство

¹ В данном случае подконтрольность предполагает совершение действий, обуславливающих соответствующее поведение животных, их движение по определённой траектории.

от необоснованных притязаний недобросовестных потерпевших, совершивших правонарушения или предпринявших попытку их совершения.

Отсюда следует, что классификация животных на домашних или диких влияет исключительно на определение ответственного лица, но не на возможность отнесения их к числу источников повышенной опасности, т. к. дикое животное может использоваться как государством, так и иными субъектами в различных целях, определённым образом контролироваться человеком (должностным лицом).

ГК выделяет такой вид животных, как безнадзорные (ст. 230 ГК РФ). Однако этот вид необходим лишь для определения оснований появления права собственности на них. И для частного права не имеет принципиального значения, с какого момента животное находится в естественной среде обитания: было ли оно свободным с момента рождения или стало безнадзорным с момента негуманного поступка его владельца (ст. 137 ГК). Применительно к безнадзорному животному должны действовать такие же правила, как и к дикому животному: если безнадзорное животное совершает нападение в населённом пункте, где государственные органы, органы местного самоуправления обязаны обеспечивать безопасность проживания граждан, ответственность должна наступать по правилам ст. 1069 ГК как квалифицирующей статьи с участием государства². Если же

² Например, согласно статистическим данным в среднем от >200 до >400 случаев нападения животных на граждан регистрируется в России ежегодно, притом количество безнадзорных животных растёт (См.: Ковалев П. До 450 тыс. россиян ежегодно подвергаются нападению животных // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7233277> (дата обращения: 06.06.2023); Соколова Е. Названо количество нападений агрессивных бродячих собак на россиян // МК.ру: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/05/17/nazvano-kolichestvo-napadeniy-agressivnykh-brodyachikh-sobak-na-rossiyan.html> (дата обращения: 06.06.2023); Островкова А. В 2022 году собаки покусали и облюновали людей более 228 тысяч раз // Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/incident/v-2022-godu-sobaki-pokusali-i-oblyunavili-lyudey-bolee-228-tysyach-raz.html> (дата обращения: 06.06.2023)).

вред причинялся в силу негативного воздействия на безнадзорное животное со стороны конкретных субъектов, иными словами, в случаях, когда животное вводилось в состояние определённой подконтрольности (его поведение стало следствием негативного воздействия человека), – ответственность будет наступать по правилам ст. 1079 ГК. Например, когда вред причиняется безнадзорным животным, подкармливаемым правонарушителем и натравливаемым на конкретного субъекта или на любых людей, проходивших через определённую территорию, квалификация действий нарушителя должна происходить исключительно по ст. 1079 ГК, животное в этом случае является источником повышенной опасности.

В связи с вышеизложенным классификации животных на домашних, диких, безнадзорных, потребность чёткого закрепления режима животных, широко обсуждаемая на страницах юридической литературы, не должны подменять установление совокупности элементов вредности и подконтрольности (неподконтрольности) человеку.

Рассуждения о вредности животных применительно к деликтам, также как и к их классификации часто носят весьма общий характер, далёкий от деликтных отношений. Полагаем, что вредность как элемент, характеризующий источник повышенной опасности, должна оставаться оценочным критерием, который в каждом конкретном случае определяется судом на основе всех обстоятельств дела. Оптимальность выбора такого подхода видится в обеспечении справедливого разрешения споров о возмещении вреда.

Соблюдение всех норм законодательства, направленного на обеспечение публично-правового порядка, например, правил выгула собак (ст. 13 ФЗ № 498, Постановление № 974), не может и не должно освобождать от ответственности их владельцев так же, как и водителей малогабаритных (малолитражных) автомобилей по сравнению с владельцами грузовых автомобилей. Вредность объекта раскрывается не только за счёт

агрессивности породы или размеров животных. Вредность объекта может раскрываться и за счёт его воздействия на субъектов, не способных отразить их нападение или просто воздействие (активная собака, приветствуя в прыжке слабого человека, толкает его на камень) в силу возраста или состояния здоровья. В случае наезда на крупнорогатый скот малолитражного автомобиля не возникает же вопроса о применении правил об источниках повышенной опасности к таким маленьким автомобилям по сравнению с животным, на которого был произведён наезд. Аналогичное правило должно работать и в отношении животных, не относящихся к опасным по различным перечням, но в силу непредсказуемости их поведения, способным причинить существенный вред человеку.

Ответственность за вред, причинённый животными, может строиться на основе генерального деликта (ст. 1064 ГК) исключительно в тех случаях, когда животное применительно к конкретной ситуации и к конкретному потерпевшему не могло признаваться вредоносным. Например, при выгуле собаки мелкой породы и её нападении на другую собаку, выгуливаемую на соответствующей территории, судом должны учитываться в совокупности все элементы состава правонарушения, если таковое имело место быть со стороны владельца собаки мелкой породы. Если же при выгуле собаки мелкой породы произошло нападение на ребёнка дошкольного возраста, проходившего рядом, суд вне зависимости от размеров собаки должен отнести данный случай к числу деликтов, совершённых при использовании источника повышенной опасности, поскольку владелец собаки обязан принимать на себя риски причинения вреда, в т. ч. потерпевшим, не способным отразить нападение.

Заключение

Животные как источники повышенной опасности должны быть включены в примерный перечень источников в ст. 1079 ГК.

Формулировка такого перечня не должна ограничивать возможности правоприменителя по квалификации в качестве источников повышенной опасности тех животных, которые в соответствии с нормами актов, направленных на регулирование публично-правовых отношений, не относятся к числу опасных. Такая конкретизация в сфере частноправового регулирования видится объективно-необходимой в силу независимости деликтной ответственности от административной или уголовной ответственности, налагаемой на владельцев животных.

Установление всего лишь 2 элементов: вредоносности применительно к конкретным случаям и подконтрольности человеку для определения источника повышенной опасности, следовательно, для возложения

ответственности при усечённом составе – является исчерпывающим для гражданского права.

Разновидности животных, как и виновность их владельца, не являются ключевыми факторами, а следовательно, акцент как в теоретических исследованиях, так и в правоприменительной практике должен быть сделан не на породах животных, их относимости к разным классам, не на состоянии дикости, безнадзорности или одомашнивания, а на деяния гражданина, должностного лица государственного органа, органа местного самоуправления, обуславливающие то или иное поведение животного в момент нападения.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. П., Каюшников Ю. Возмещение вреда, причинённого жизни, здоровью и имуществу граждан дикими животными: вопросы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2017. № 8. С. 58–65.
2. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1952. 296 с.
3. Белякова А. М. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 56 с.
4. Бобров Д. В. Понятия и проблемы классификации животных как объектов права собственности // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1. С. 43–49.
5. Гусева Е. А. Предупреждение причинения вреда вследствие деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, по гражданскому праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
6. Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М. Гражданское право: Объекты прав: учеб. пос. М.: Проспект, 2017. 123 с.
7. Дормидонтов Г. Ф. Система римского права. Вещное право. Студенческое издание. Казань: Типолитография Императорского университета, 1913. 204 с.
8. Захаров Д. Е. Животные как объекты гражданских прав: учеб. пос. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2020. 98 с.
9. Иоффе О. С. Обязательственное право. Л.: ЛГУ, 1975. 880 с.
10. Иоффе О. С. Избранные труды: правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Из-до Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.
11. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. 200 с.
12. Летута Т. В., Минеев Е. В., Шишилова О. В. Вред, причинённый животными: проблемы гражданско-правовой защиты потерпевших // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3. С. 29–33.
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 829 с.
14. Назарова Н. А., Зобова Ю. А. Признание цирковых животных источником повышенной опасности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5. С. 207–209.
15. Невзгодина Е. Л., Лантух Д. В. Источник повышенной опасности и возмещение вреда, причинённого животными, имеющими владельца // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 2. С. 50–67.

16. Нетишинская Л. Ф., Акульшина К. Г. К вопросу о правовом режиме животных как объекте гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 1. С. 71–76.
17. Пушкина А. В. Правовые аспекты недопустимости насилия в отношении одушевленных вещей // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 47–53.
18. Рабец А. П. Особенности правовой квалификации причинения вреда дикими и домашними животными // Advances in law studies. 2016. Т. 4. № 4. С. 409–417.
19. Тычинин С. В., Королёва Е. В. Животные в системе объектов гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 81–85.
20. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М.: Гос. изд-во юр. лит., 1951. 239 с.
21. Чинчевич Е. В. Возмещение вреда, причинённого жизни и здоровью животными: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 22 с.

REFERENCES

1. Anisimov A. P., Kayushnikova Yu. [Compensation for harm caused to the life, health and property of citizens by wild animals: questions of theory and practice]. In: *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and Land Law], 2017, no. 8, pp. 58–65.
2. Antimonov B. S. *Grazhdanskaya otvetstvennost za vred, prichinenny ser'eznoy opasnostyu* [Civil liability for harm caused by a source of increased danger]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1952. 296 p.
3. Belyakova A. M. [Compensation for harm caused by a source of increased danger]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1967. 56 p.
4. Bobrov D. V. [Concepts and problems of classification of animals as objects of property rights]. In: *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2022, no. 1, pp. 43–49.
5. Guseva E. A. *Preduprezhdeniye prichineniya vreda vsledstviye deyatelnosti, predstavlyayushchey povyshennuyu opasnost dlya okruzhayushchikh, po grazhdanskomu pravu Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Prevention of harm due to activities that pose an increased danger to others, according to civil law of Russia: abstract of Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Moscow, 2014. 30 p.
6. Dolinskaya V. V., Morgunova E. A., Shevchenko O. M. *Grazhdanskoye pravo: Obyekty prava* [Civil law: Objects of rights]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 123 p.
7. Dormidontov G. F. *Sistema rimskogo prava. Veshchnoye pravo. Studencheskoye izdaniye* [The system of Roman law. Property right. Student edition]. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1913. 204 p.
8. Zakharov D. E. *Zhivotnyye kak obyekty grazhdanskogo prava* [Animals as objects of civil rights]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2020. 98 p.
9. Ioffe O. S. *Obyazatelnoye pravo* [Law of Obligations]. Leningrad, LGU Publ., 1975. 880 p.
10. Ioffe O. S. *Izbrannyye trudy: pravootnosheniye po sovetскому grazhdanskomu pravu* [Selected works: legal relations under Soviet civil law]. Leningrad, LGU Publ., 1955. 311 p.
11. Krasavchikov O. A. *Vozmeshcheniye vreda, vyzvannogo povyshennoy opasnostyu* [Compensation for harm caused by a source of increased danger]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1966. 200 p.
12. Letuta T. V., Mineev E. V., Shipilova O. V. [Harm caused by animals: problems of civil legal protection of victims]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2014, no. 3, pp. 29–33.
13. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow, Statute Publ., 2003. 829 p.
14. Nazarova N. A., Zobova Yu. A. [Recognition of circus animals as a source of increased danger]. In: *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2021, no. 5, pp. 207–209.
15. Nevzgodina E. L., Lantukh D. V. [Source of increased danger and compensation for harm caused by animals that have an owner]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2019, vol. 16, no. 2, pp. 50–67.
16. Netishinskaya L. F., Akulshina K. G. [On the issue of the legal regime of animals as an object of civil rights]. In: *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta* [Legal Bulletin of the Dagestan State University], 2021, no. 1, pp. 71–76.
17. Pushkina A. V. [Legal aspects of the inadmissibility of violence against animate things]. In: *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and civil process], 2023, no. 3, pp. 47–53.
18. Rabetz A. P. [Features of the legal qualification of causing harm by wild and domestic animals]. In: *Advances in law studies*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 409–417.

19. Tychinin S. V., Koroleva E. V. [Animals in the system of objects of civil rights]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1, pp. 81–85.
20. Fleishitz E. A. *Obyazatelstva iz prichineniya vreda i neobosnovannogo obogashcheniya* [Obligations resulting from harm and unjust enrichment]. Moscow, Gos. izd-vo yur. lit. Publ., 1951. 239 p.
21. Chinchevich E. V. *Vozmeshcheniye vreda, prichinonno go zhizni i zdorov'yu zhivotnykh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Compensation for harm caused to life and health by animals: abstract of Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Saratov, 2012. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ О Б АВТОРАХ

Долинская Владимира Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ;
e-mail: civil-VVD@yandex.ru

Летута Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского государственного университета;
e-mail: ltv10@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimira V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Member of the Scientific Advisory Board of the Supreme Court of the Russian Federation;
e-mail: civil-VVD@yandex.ru

Tatiana V. Letuta – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Administrative and Financial Law, Orenburg State University;
e-mail: ltv10@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Долинская В. В., Летута Т. В. Животные как источник повышенной опасности // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 73–82.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-73-82

FOR CITATION

Dolinskaya V. V., Letuta T. V. Animals as a Source of Increased Danger. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 73–82.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-73-82

УДК 341.44

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-83-92

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫДАЧЕ И СКРЫВАЮЩИХСЯ В ОТДАЛЁННЫХ И ТРУДНОДОСТУПНЫХ МЕСТНОСТЯХ

Карпович В. Э.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть и проанализировать некоторые методики и практики деятельности по розыску и задержанию лиц, совершивших преступления. Предложить некоторые направления совершенствования методики розыска лиц, подлежащих выдаче и скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях, в т. ч. в зарубежных странах.

Процедура и методы. Проведён анализ сообщений и аналитических справок как российских, так и зарубежных СМИ о лицах, скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях. Изучены карты местности некоторых зарубежных стран.

Результаты. С учётом стремительного развития общественных отношений и технологий предлагаются новые подходы к поиску лиц, скрывающихся от правосудия в отдалённых и труднодоступных местностях. Определены признаки, по которым можно установить, что на определённой территории проживает лицо, в отношении которого необходимо установить цель и мотивы пребывания, произвести идентификацию личности. Поскольку лица, совершившие преступления, заранее изучают местность, в которой они будут скрываться и обустраивать свой быт, в статье также рассматриваются некоторые географические особенности зарубежных государств, которые могут затруднить розыск преступника. Выдвигается тезис о том, что преступник избирает местность для собственного проживания в зависимости от уровня финансового благосостояния, наличия устоявшихся контактов и социальных связей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлены теоретические положения, предопределяющие необходимость дальнейшего изучения проблематики поиска лиц, подлежащих выдаче и скрывающихся в труднодоступных и удалённых местах. Анализ местности на предмет возможности скрываться в труднодоступных и удалённых местах может быть полезен для правоохранительных органов в процессе розыска преступников и сотрудничества с компетентными органами зарубежных стран в сфере выдачи.

Ключевые слова: отдалённые и труднодоступные местности, местонахождение преступников, розыск, выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства

ON THE ISSUE OF ESTABLISHING THE LOCATION OF PERSONS SUBJECT TO EXTRADITION AND HIDING IN REMOTE AND HARD-TO-REACH AREAS

V. Karpovich

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University)

Prospect Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider and analyze some methods and practices for the search and detention of persons who have committed crimes. To propose some directions for improving the methods of searching for persons subject to extradition and hiding in remote and hard-to-reach areas, including in foreign countries.

Methodology. Analysis of reports and analytical reports from both Russian and foreign media about people hiding in remote and hard-to-reach areas. Study of terrain maps of some foreign countries.

Results. Taking into account the rapid development of public relations and technologies, new approaches to the search for fugitives from justice in remote and hard-to-reach areas are proposed. The signs have been identified by which it can be established that a person lives in a certain territory, in respect of whom it is necessary to establish the purpose and motives of stay, to identify the person. Since the perpetrators of crimes study in advance the area in which they will hide and arrange their life, the article also examines some geographical features of foreign countries that may make it difficult to find the criminal. The thesis is put forward that the criminal chooses the area for his own residence, depending on the level of financial well-being, the presence of established contacts and social ties.

Research implications. Theoretical provisions are presented that determine the need for further study of the problems of searching for persons subject to extradition and hiding in hard-to-reach and remote places. An analysis of the terrain for the possibility of hiding in hard-to-reach and remote places can be useful for law enforcement agencies in the process of searching for criminals and cooperation with the competent authorities of foreign countries in the field of extradition.

Keywords: remote and hard-to-reach areas, the location of criminals, search, extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, international cooperation in the field of criminal proceedings

Введение

Розыск лиц, скрывающихся от правосудия в зарубежных государствах, особо актуален во время нестабильности мирового правопорядка, в условиях вооружённых конфликтов, предопределяющих уклонение лиц от исполнения своих гражданских обязанностей¹. Развитие транснациональной преступности [11], рост числа трансграничных преступных группировок и организаций², осуществление незаконной

коммерческой деятельности, нелегальный трансграничный оборот наркотиков – все эти факторы добавляют значительное количество работы правоохранительным органам всех государств без исключения [9].

В настоящее время многие лица, осознавая или будучи заранее предупреждены о том, что в отношении них может быть возбуждено уголовное дело или осуществляется уголовное преследование, выезжают в иностранные государства с целью скрыться от правосудия. В целом такие мотивы возникают не только при наличии у лица информации о факте проведения проверочных мероприятий или расследования правоохранительными органами, но и в случаях уклонения от исполнения какой-либо обязанности, что может повлечь как

¹ В карельском селе Шелтозеро мужчины сбежали от мобилизации в лес за клюквой. Что там произошло на самом деле // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27454/4658162/?ysclid=hluztti4z345200547> (дата обращения: 13.05.2023).

² Transnational Organized Crime in Southeast Asia: Evolution, Growth, Impact // UNODC: [сайт]. URL: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2019/SEA_

ТОСТА_2019_web.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

административную, так и уголовную ответственность.

Традиционно выдача лиц для уголовного преследования (привлечения к уголовной ответственности) или исполнения приговора носит многосторонний характер: как иностранцев и лиц без гражданства с территории Российской Федерации по запросам компетентных органов иностранных государств, так и граждан России, иностранцев и лиц без гражданства с территории зарубежных государств в Российскую Федерацию. Осуществляется эта деятельность, с одной стороны, на основании направляемых за рубеж запросов о выдаче, а с другой – по результатам рассмотрения аналогичных запросов компетентных органов иностранных государств. Практика показывает, что как граждане России могут скрываться в отдалённых и труднодоступных местностях в зарубежных государствах, так и иностранные граждане, розыск которых для выдачи ведётся отечественными компетентными органами, могут скрываться в отдалённых и труднодоступных местностях РФ. В силу этого розыск таких лиц остаётся крайне необходимым и востребованным в различных странах.

Так, например, в 1985 г. М. Дончев бежал из болгарской тюрьмы в США, где до 1998 г. скрывался в кемпинговых лагерях Каскадных гор вплоть до своего ареста¹. В 2012 г. житель Украины перебрался в Российскую Федерацию, уклоняясь от уголовной ответственности за совершение грабежей и разбоев, и обустроил своё убежище в лесах Пинженского района Камчатской области². Приведённые примеры свидетельствуют о том, что при определённых обстоятельствах лица, по-

дозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, бегут в иностранные государства с целью скрыться от выдачи, избирая для этого отдалённые и труднодоступные местности.

Однако, безусловно, избрание в качестве места проживания таких местностей характерно и для сокрытия на территории собственных государств. Например, в 2019 г. был найден преступник-отшельник, который прожил в российской тайге 24 года³. В марте 2023 г. в Бурятии был задержан продолжительное время скрывавшийся в лесу обвиняемый в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также в краже⁴.

Особенности отдалённой и труднодоступной местности используются в качестве убежища террористами, повстанцами, грабителями в различных регионах мира. В частности, в Нигерии в качестве убежища преступники используют лесистую местность Борно, Кадуна, Замфара, Кебби и других штатов этой страны⁵.

Проблема розыска лиц, скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях, признаётся актуальной и востребованной среди представителей наук антикриминального цикла, а также специалистов-практиков – следователей, прокуроров, сотрудников органов внутренних дел [1; 2]. Подтверждение этого тезиса находит отражение в многочисленных сообщениях российских и зарубежных СМИ о том, что всё больше обвиняемых в совершении преступлений и разыскиваемых лиц скрываются в таких местностях⁶.

¹ Some criminal suspects who used survivalist tactics in woods, hid from authorities // Fox News: [сайт]. URL: <https://www.foxnews.com/us/some-criminal-suspects-who-used-survivalist-tactics-in-woods-hid-from-authorities> (дата обращения: 01.09.2023).

² Преступник, скрывавшийся от международного розыска в лесах Поморья, получил 4,5 года колонии // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/prestupnik-skrывavshisya-ot-mezhdunarodnogo-rozyska-v-lesah-pomor-ya-poluchil-4-5-goda-kolonii?ysclid=hl4t14zr2627280812> (дата обращения: 13.05.2023).

³ Сибирский потоп выявил преступника-отшельника, 24 года скрывавшегося в тайге // Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2019/09/04/sibirskiy-potop-vyyavil-prestupnikaotshelnika-24-goda-skrывavshegosya-v-taige.html> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ В Бурятии преступник скрывался в лесу в шалаше // Восток Телеинформ: [сайт]. URL: <https://vtinform.com/news/149/190355> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵ Inside Nigeria's Forests Of Death // Daily Trust: [сайт]. URL: <https://dailytrust.com/inside-nigerias-forests-of-death/> (дата обращения: 01.09.2023).

⁶ См.: Семь лет в лесу: преступник скрывался от правосудия в сибирской тайге // Правда:

В целом проблеме розыска лиц, скрывающихся в зарубежных странах от правосудия, посвящены фундаментальные и практико-ориентированные исследования [6; 7; 8]. В то же время розыску подлежащих выдаче лиц, которые скрываются в отдалённых и труднодоступных местностях, пока ещё не уделяется значимого внимания как российскими, так и зарубежными исследователями. Розыск лиц, которые выбрали для себя местом проживания такого рода местность за рубежом и пытаются избежать выдачи, – специфическое и крайне редкое направление розыскной деятельности. В связи с этим настоящее исследование затрагивает новые вопросы, которые могут быть положены в основу нового направления развития розыска лиц, уклоняющихся от выдачи и скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также межведомственного взаимодействия при их розыске.

Географические особенности государств и факторы, предопределяющие использование преступниками отдалённых и труднодоступных местностей

Отдалённые и труднодоступные местности в различных странах отличаются, поскольку местность сама по себе имеет свои специфические особенности [1].

[сайт]. URL: https://www.pravda.ru/news/accidents/18880-sem_let_v_lesu_prestupnik_skrivalsja_ot_pravosudija_v_sibirskoi (дата обращения: 31.07.2023); Fugitive Eludes Police Detection for 5 Years by Hiding in a State Forest // New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/1997/04/10/nyregion/fugitive-eludes-police-detection-for-5-years-by-hiding-in-a-state-forest.html> (дата обращения: 31.07.2023); Wisconsin police say they found a fugitive hiding in a solar-powered bunker in the woods // CNN: [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/16/us/fugitive-hiding-bunker-wisconsin-trnd/index.html> (дата обращения: 31.07.2023); Fleeing bandits hiding in Kamolagon forest and Kerio Valley highlands // Nation: [сайт]. URL: <https://nation.africa/kenya/counties/elgeyo-marakwet/fleeing-bandits-hiding-in-kamolagon-forest-and-kerio-valley-highlands-4315210> (дата обращения: 31.07.2023).

Существуют различные классификации видов местности. Так, по характеру почвенно-растительного покрова местность может быть лесистой, болотистой, пустынной, степной. Сочетание рельефа и местных предметов создаёт другие разновидности местности: горно-лесистую, лесисто-болотистую и т. п. При этом особенности каждого из этих видов местности могут учитываться скрывающимися лицами. Например, лесистая местность создаёт благоприятные условия для маскировки и скрытного подхода, а также обладает хорошими защитными свойствами. В лесистой местности трудно вести наблюдение. Для горно-лесистой местности характерно наличие гор, покрытых лесом, что также создаёт благоприятные условия для маскировки скрывающихся лиц. Лесисто-болотистая местность благоприятствует надёжной маскировке мест нахождения укрывающихся лиц, незаметному их передвижению.

Если в России возможности скрыться сводятся преимущественно к использованию лесистой местности (как в западной, так и преимущественно в восточной части страны), то в Индии для этого чаще используется горная и горно-лесистая местность (в особенности союзные территории на границе с Пакистаном), тропики, а также трущобы в городах и сельской местности.

Кроме особенностей почвенно-растительного покрова, особое влияние на выбор конкретных мест сокрытия уклоняющихся от правосудия лиц оказывает удалённость от населённых пунктов. Согласно российским классификациям:

– *труднодоступная местность* – это местность, в которой расположен труднодоступный населённый пункт;

– *труднодоступный населённый пункт* – это населённый пункт, «который в силу погодно-климатических условий, техногенных обстоятельств и (или) отсутствия элементов инфраструктуры оказывается исключённым на длительные периоды от транспортных путей и требующий по этим причинам для проведения выборов и ре-

ферендумов организации сложных транспортных схем, больших дополнительных финансовых и материальных затрат»¹;

– *отдалённая местность* – это местность, в которой расположен отдалённый населённый пункт;

– *отдалённый населённый пункт* – это населённый пункт, «расположенный на расстоянии более 5 км от районного центра, базового населённого пункта и(или) центра избирательного участка, не имеющий регулярного транспортного сообщения»².

Перечни отдалённых и труднодоступных местностей определяются законами субъектов Российской Федерации.

В странах Южной Азии в отдалённых и труднодоступных горных местностях также имеется значительное количество поселений, которые удалены от крупных городов. Вместе с тем местным жителям всегда известно о прибывших лицах, и в силу своего любопытства информация быстро распространяется на определённой территории [2].

Очевидно, что в большинстве случаев в зарубежных государствах скрываются те, кто обладает достаточными финансовыми ресурсами (так называемые экономические преступники)³. Если до 2022 г. экономические преступники предпочитали европейские страны, то сейчас в силу сложившейся политической конфронтации – преимущественно страны африканского континента или азиатской части Евразии.

¹ Закон Пермского края от 02.07.2008 № 268-ПК «О перечне труднодоступных и отдалённых местностей на территории Пермского края при проведении выборов и референдумов» (в ред. Законов Пермского края от 05.05.2015 N 470-ПК, от 03.06.2019 № 391-ПК, от 26.03.2021 № 634-ПК, от 02.03.2022 № 49-ПК) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/16165070> (дата обращения: 17.09.2023).

² Там же.

³ См.: Красота среди бегущих: Куда и как бегут бизнесмены от российского правосудия // Секрет Фирмы: [сайт]. URL: <https://secretmag.ru/trends/tendencies/beglecy.htm?ysclid=hlhxy17cxt39132064> (дата обращения: 13.05.2023); ТОП самых известных: «Сбежавшие российские предприниматели» // Право.ru: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/story/view/134553/?ysclid=hlhxtwir71988778681> (дата обращения: 13.05.2023).

Как правило, такие лица, скрываясь от правосудия в зарубежных странах, стремятся сохранить привычный уровень и качество жизни, обеспечить достаточный уровень комфорта. В связи с этим в отдалённых и труднодоступных местностях заранее готовятся охраняемые и комфортабельные убежища. Вполне обоснованно предположить, что скрывающиеся лица устанавливают взаимовыгодные для сторон контакты с местными должностными лицами правоохранительных органов или представителями власти. Такое сотрудничество базируется на установлении протекции над преступниками, для успешной реализации которой необходима либо близкая связь, либо серьёзное финансовое обеспечение. В таких условиях возможно приобретение поддельных документов, косметическое изменение внешности и т. п. Невозможность изменения внешности при нахождении в другом государстве ставит под угрозу «комфортное» уклонение от уголовного преследования и возможной выдачи. Во многих случаях лица находят средства лишь для проживания за рубежом в сельских местностях или даже в естественных природных условиях. Если ситуация вынуждает действовать оперативно, то такие лица нелегально пересекают границу⁴, следуют через различную местность, впоследствии при наличии средств избирают городской образ жизни или же скрываются в отдалённых и труднодоступных местностях.

Таким образом, во многом на характер избираемой для проживания местности оказывают влияние финансовые возможности уклоняющегося от правосудия и скрывающегося от выдачи. Однако не стоит исключать и элемент взаимопомощи между членами различных преступных организаций и сообществ. Известен случай, когда член транснациональной преступ-

⁴ Двое россиян, задержанные в середине октября американскими властями при попытке пересечения госграницы, смогли избежать экстрадиции в РФ // Ryazan.life: [сайт]. URL: <https://ryazan.life/news/20230125/216761/?ysclid=hlhly23npwf923291757> (дата обращения: 12.05.2023).

ной группировки скрывался в государстве, где у него имелись соответствующие связи, чтобы скрыться от правосудия [10]. Финансовый фактор при таких обстоятельствах играет не столь значимую роль.

Ещё одним возможным местом пребывания разыскиваемых лиц могут являться островные государства (например, Соломоновы острова, Северный Кипр), удалённость и труднодоступность, лесистая и тропическая местность которых затрудняют розыск. В таких случаях целесообразно полагаться на силы специальных служб.

В отдельный и особый круг «перспективных» для скрывающихся лиц направлений входят государства, с которыми Россией не заключены договоры о выдаче¹. Причём речь не идёт о проживании в каких-либо труднодоступных местах, ибо такая цель *per se* не ставится. Следует также учитывать и политический фактор²: в частности, несмотря на то, что у Российской Федерации с иностранным государством может быть заключён договор о выдаче, последнее может в одностороннем порядке отказать в выдаче, используя основания, которые носят скорее оценочный характер³: гуманитарные мотивы, оценка преступления в качестве политического, риск нарушения прав запрашиваемого к выдаче лица, несоблюдение стандартов содержания лиц под стражей [12].

Как свидетельствуют исследования и сообщения в отечественных и зарубежных СМИ, наиболее востребованной и комфортной с точки зрения проживания для лиц, скрывающихся от правосудия, является ле-

систая местность⁴. Среди факторов выбора лесистой и лесисто-болотистой местности для проживания или непродолжительного пребывания можно выделить [4]:

1) возможность беспрепятственно построить убежище (дом, шалаш, землянку) используя подручные средства или заранее приобретенные строительные материалы;

2) наличие питания (ягоды, дичь, рыба);

3) относительно благоприятные погодные условия;

4) возможность обеспечения личной безопасности и защиты от диких животных, особенно при условии проживания с охотничьей или бойцовской собакой;

5) труднодоступность и скрытость от посторонних лиц места проживания, как следствие, низкий шанс быть обнаруженным.

Что касается таёжных и тундровых территорий, то проживание в таких местах затрудняется тяжёлыми природными условиями, хотя при достаточной предварительной подготовке это в определённой мере может быть снивелировано.

Некоторые методики розыска лиц, скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях

В практике правоохранительных органов сложились следующие основные направления розыска лиц, совершивших преступления [3]:

1) в ходе процессуальных следственных действий (обысков, выемок, допросов) устанавливаются данные, позволяющие выдвигать и проверять версии о местонахождении скрывающихся лиц;

¹ Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Петра Городова информационному агентству РИА Новости // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=58085835> (дата обращения: 05.05.2023).

² Европа не выдаст, мир — не сдаст // Коммерсант: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5458529?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 13.05.2023).

³ За рубез от тюрьмы и сумы: правила экстрадиции // Право.ру: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/story/view/134559> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴ В Забайкалье убийца 13 лет скрывался в лесу // Аргументы и факты: [сайт]. URL: https://aif.ru/incidents/v_zabaykale_ubiyca_13_let_skryvalsya_v_lesu?ysclid=hlxcpdmgd14378439 (дата обращения: 13.05.2023); Убийца скрывался в лесу в Новосибирской области 27 лет // Gorsite. Агентство новостей: [сайт]. URL: https://gorsite.ru/news/obshchestvo/ubiysa_skryvalsya_v_lesu_v_novosibirskoy_oblasti_27_let/?ysclid=hlxeal6ij75113109 (дата обращения: 14.05.2023); Сибирский Маугли: как убийца 18 лет прятался в тайге и «спальниках» // 360: [сайт]. URL: <https://360tv.ru/news/crime/sibirskij-maugli-kak-ubiysa/?ysclid=hlxgzt3py539393561> (дата обращения: 14.05.2023).

2) непроцессуальные действия (обращение в СМИ, размещение листовок и объявлений и т. п.), которые связаны с распространением информации о разыскиваемых лицах с целью получения новых сведений;

3) физический розыск путём прочёсывания и осмотра территорий в отдалённых и труднодоступных местностях;

4) оперативно-розыскные мероприятия (опросы, наведение справок, оперативное внедрение, отождествление личности, прослушивание телефонных переговоров и др., предусмотренные Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹), которые проводятся должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

При установлении местонахождения лиц, скрывающихся от правосудия в отдалённых и труднодоступных местностях, данные направления розыска претерпевают определённые изменения.

Во-первых, в силу развития современных технологий при проведении физического розыска и оперативно-розыскных мероприятий целесообразно широкое и комплексное использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В связи с чем необходимо наращивать темпы производства БПЛА, стимулировать обучение специальных кадров². В частности, возможности БПЛА могут быть полезны для установления признаков жизни на территориях отдалённых и труднодоступных местностей. Такие мероприятия могут проводиться на территориях как РФ, так и других государств с целью розыска лиц, скрывающихся от правосудия. Помимо этого, поиск местонахождения лиц с использованием БПЛА может вестись и при розыске по линии Интерпола [5; 9].

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349 (с последующими изменениями и дополнениями).

² Беглых преступников будут искать беспилотниками // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/25/naidem/?ysclid=ihl4656lui277218902> (дата обращения: 13.05.2023).

Во-вторых, на территории РФ необходимо обеспечить доведение информации о лицах, которые могут скрываться в отдалённых и труднодоступных местностях, до государственных инспекторов по охране леса и иных лиц (ст. 96 Лесного кодекса РФ)³, осуществляющих патрулирование таких мест. При этом также могут использоваться возможности БПЛА, которые применяются службами лесоохраны и МЧС России при мониторинге лесных массивов в рамках предупреждения пожаров.

В-третьих, необходимо приобщать представителей поисковых отрядов и общественных организаций к данной проблематике, в частности, информировать их о том, что в определённой местности могут находиться лица, скрывающиеся от правосудия и подлежащие выдаче.

В этом отношении показательны примеры из практики как зарубежных стран, так и России. Например, в Индии успешно осуществляет свою деятельность Полиция Митры⁴ – общественная структура при МВД Индии, в которую входят гражданские активисты, бывшие адвокаты, юристы и государственные служащие. Полиция Митры наделена полномочиями по осуществлению ряда строго регламентированных оперативно-розыскных мероприятий, содействию МВД Индии в расследовании и пресечении преступлений.

В России активную роль в розыске пропавших лиц играет общественный проект ЛизаАлерт⁵, силы которого могли бы привлекаться к розыску лиц, скрывающихся

³ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СПС-Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Citizens, cops come together in 'police mitra' scheme // The Times of India: [сайт]. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/49885865.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 13.05.2023); The Police Mitra: Achieving Innovative Justice in India // Kennedy School Review: [сайт]. URL: <https://ksr.hk-publications.org/2023/04/04/the-police-mitra-achieving-innovative-justice-in-india> (дата обращения: 13.05.2023).

⁵ ЛизаАлерт – добровольческое общественное объединение [Электронный ресурс]. URL: <https://lizaalert.org> (дата обращения: 10.05.2023).

от правосудия в отдалённых и труднодоступных местностях.

По аналогии с Индией, вероятно, следует предусмотреть учреждение специальных департаментов и (или) подразделений при органах внутренних дел, специализирующихся на поиске беглецов, которые скрываются в отдалённых и труднодоступных местностях, в т. ч. на территориях иностранных государств.

В-четвёртых, во многих странах (США, Канада, Испания, Франция, Австрия и др.), где развита частная детективная практика, для розыска лиц используются возможности частных детективов. При этом деятельность детективных агентств чётко регламентирована, широко используется и реализуется в тесной взаимосвязи с правоохранительными органами. Данный факт следует учитывать и сотрудникам российских компетентных органов при направлении запросов о выдаче в иностранные государства, поскольку такие детективные агентства могут осуществлять свою деятельность сразу в нескольких юрисдикциях.

Заключение

В условиях свободы трансграничного перемещения лиц, совершивших преступления, одной из новых проблем, требующих решения в сфере борьбы с преступностью, является розыск лиц, скрывающихся от правосудия в отдалённых и труднодоступных местностях, в т. ч. за-

рубежных стран. Следует признать, что такие лица тщательно планируют свой переезд в зарубежные государства, предварительно изучают местность и выделяют финансовые ресурсы, зачастую могут быть заблаговременно осведомлены о наличии «претензий» к ним со стороны правоохранительных органов.

Отдалённость и труднодоступность местностей, где могут скрываться и уклоняться от возможной выдачи лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, требуют использование новых методов и приёмов для поиска. Такими приёмами могут являться: использование БПЛА при проведении оперативно-розыскных мероприятий; привлечение к проведению физического розыска сотрудников и активистов общественных объединений и организаций; налаживание взаимодействия с частными детективами и детективными агентствами, в т. ч. учреждёнными за рубежом.

Постановка проблемы особенностей розыска лиц, скрывающихся от правосудия в отдалённых и труднодоступных местностях, свидетельствует о его недостаточном научно-методическом обеспечении. Во многом это обусловлено отсутствием накопления и обобщения практики такой деятельности, что требует восполнения, как со стороны науки, так и со стороны практики.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдувалиев А. Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1. С. 97–104.
2. Бондарев Д. В., Попов В. А., Ромашова М. В. Проблемные моменты осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сб. науч. ст. / под ред. Е. Г. Барбаш. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 149–153.
3. Брылев В. И., Лях Л. А. Розыск преступников (учебно-методическое пособие) // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-3. С. 249–251.
4. Гундаров А. В., Тетерюк А. Г. Особенности поиска отдельной категории без вести пропавших лиц // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 46–49.
5. Дружков Н. А. Розыскная деятельность Интерпола в отношении преступников с целью их экстрадиции // Наука современного общества: проблемы и достижения: мат-лы конф. / отв. ред. А. А. Зарайский. Новосибирск, 2017. С. 131–136.

6. Клевцов К. К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2018. 280 с.
7. Мерзляков С. Э. Институт экстрадиции лиц, находящихся в розыске по линии Интерпола в современной России. К вопросу о понятии и основных направлениях совершенствования // Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. Л. В. Бертовского и др. Красноярск, 2021. С. 94–98.
8. Очкасова И. В. Международный розыск преступников с целью экстрадиции в рамках современных международных организаций // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2007. № 1. С. 131–141.
9. Смолькова И. В. Выдача (экстрадиция) лица для уголовного преследования или исполнения приговора. М.: Юрлитинформ, 2022. 264 с.
10. Стругова Д. А. Транснациональная преступность в сфере оборота наркотиков // Пермский период: сб. мат-лов. Т. II / сост. В. А. Овченков. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 130–132.
11. Шалагин А. Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–142.
12. Шестак В. А. Институт выдачи лиц для уголовного преследования: опыт Республики Индия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 3. С. 18–22.

REFERENCES

1. Abdulvaliev A. F. [Hard-to-reach terrain as a special geographical condition affecting the investigation and consideration of criminal cases]. In: *Yuridicheskaya nauka i prakticheskaya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2018, no. 1, pp. 97–104.
2. Bondarev D. V., Popov V. A., Romashova M. V. [Problematic aspects of inspecting the scene of an incident, areas in hard-to-reach places and during a traffic accident]. In: Barbash E. G., ed. *Sotsialno-ekonomicheskiye i pravovyye mery borby s virusami i drugimi pravonarusheniyami* [Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses]. Ryazan, Ryazanskiy filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty Publ., 2021, pp. 149–153.
3. Brylev V. I., Lyakh L. A. [Search for criminals (educational manual)]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2015, no. 3-3, pp. 249–251.
4. Gundarov A. V., Teteryuk A. G. [Features of the search for a separate category of missing persons]. In: *Problemy soputstvuyushchey deyatelnosti* [Problems of law enforcement], 2016, no. 3, pp. 46–49.
5. Druzhkov N. A. [Interpol's search activities against criminals with the aim of their extradition]. In: Zaraisky A. A., ed. *Nauka sovremennogo obshchestva: problemy i dostizheniya* [Science of modern society: problems and achievements]. Novosibirsk, 2017, pp. 131–136.
6. Klevtsov K. K. *Dosudebnoye proizvodstvo v otnoshenii lits, uklonyayushchikhsya ot ugovolnoy otvetstvennosti za interesy na territorii Rossiyskoy Federatsii* [Pre-trial proceedings against persons evading criminal liability outside the territory of the Russian Federation]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 280 p.
7. Merzlyakov S. E. [Institute for the extradition of persons wanted by Interpol in modern Russia. On the issue of the concept and main directions of improvement]. In: Bertovsky L. V. et al., eds. *Problemy vostanovleniya prav poterpevshikh ot ugovolnykh prestupleniy v ugovolnoy politike RF* [Problems of restoring the rights of victims of crimes in the criminal policy of the Russian Federation]. Krasnoyarsk, 2021, pp. 94–98.
8. Ochkasova I. V. [International search for criminals for the purpose of extradition within the framework of modern international organizations]. In: *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law], 2007, no. 1, pp. 131–141.
9. Smolkova I. V. *Vydacha (ekstraditsiya) lits dlya ugovolnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora* [Extradition (extradition) of a person for criminal prosecution or execution of a sentence]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2022. 264 p.
10. Strugova D. A. [Transnational crime in the sphere of drug trafficking]. In: Ovchenkov V. A., ed. *Permskiy period. T. II* [Perm period. Vol. II]. Perm, Permskiy in-t Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy Publ., 2018, pp. 130–132.
11. Shalagin A. E. [Transnational crime: concept, signs, countermeasures]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2016, no. 3, pp. 138–142.

12. Shestak V. A. [Institute of extradition of persons for criminal prosecution: experience of the Republic of India]. In: *Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International criminal law and international justice], 2022, no. 3, pp. 18–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпович Виталий Эдуардович – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: karpovich.vitalii@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitalii E. Karpovich – Postgraduate student, Department of Criminal law, Criminal procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
e-mail: karpovich.vitalii@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпович В. Э. К вопросу об установлении местонахождения лиц, подлежащих выдаче и скрывающихся в отдалённых и труднодоступных местностях // *Московский юридический журнал*. 2023. № 3. С. 83–92.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-83-92

FOR CITATION

Karpovich V. E. On the Issue of Establishing the Location of Persons Subject to Extradition and Hiding in Remote and Hard-to-Reach Areas. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 83–92.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-83-92

УДК 342.72/.73

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-93-99

СПЕЦИФИКА ПРИЗНАНИЯ ПРАВА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Клюков В. Д.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление и рассмотрение общих закономерностей и научное исследование проблем в деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации по осуществлению права (обязанности) законодательного признания права человека на доступ к информации как необходимого элемента конституционного механизма его реализации.

Процедура и методы. Поведе́н сравнительный анализ нормативных правовых актов, направленных на регулирование деятельности уполномоченных в субъекте Российской Федерации в сфере законодательных инициатив, на выявление критериев эффективности такой деятельности и проблем её осуществления на примере реализации обязанности правового признания права доступа человека к информации, при которой эффективность обеспечения исследуемого права анализируется в процессе двухстороннего взаимодействия уполномоченных по правам человека и законодательного (представительного) органа в субъекте Российской Федерации.

Результаты. Выявлено, что в субъектах Российской Федерации используется разносторонний подход к процессу нормативного закрепления, а также воплощения в практической деятельности конституционной обязанности уполномоченных в субъектах РФ, выраженной в признании права человека на доступ к информации, что может являться основанием в наличии некоторых проблем в конкретном воплощении и защите исследуемого права.

Теоретическая и/или практическая значимость. Учитывая обширный опыт уполномоченных в субъектах РФ в работе защиты прав и свобод человека, предложено рассмотреть и реализовать единый правовой механизм законодательных инициатив во всех регионах Российской Федерации. Представленный механизм обеспечит эффективную возможность омбудсмену напрямую (без посредников) инициировать законодательные предложения в представительном органе власти субъектов России по проблемным вопросам, касающимся прав и свобод человека, в т. ч. права доступа к открытой информации.

Ключевые слова: право доступа к информации, конституция, устав, институт уполномоченного, признание, восстановление нарушенного права, нормативный правовой акт, конституционный механизм обеспечения права

SPECIFICS OF RECOGNITION OF THE RIGHT TO ACCESS TO INFORMATION IN THE ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF THE COMMISSIONER IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Klyukov

Kazan Federal University
ul. Kremlovskaya 18, Kazan 420008, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification and consideration of general patterns and scientific study of problems in the activities of human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in exercising the right (duty) of legislative recognition of the human right to access to information as a necessary element of the constitutional mechanism for its implementation.

Methodology. The main content of the presented article is a comparative analysis of normative legal acts directly aimed at regulating the activities of authorized persons in the constituent entity of the Russian Federation in the field of legislative initiatives, identifying criteria for the effectiveness of such activities and the problems of its implementation on the example of the implementation of the obligation of legal recognition of a person's right of access to information, in which efficiency ensuring the law under study is analyzed in the process of bilateral interaction between the commissioners for human rights and the legislative (representative) body in the constituent entity of the Russian Federation.

Results. According to the identified results of the study, the author comes to a reasonable conclusion about the diversified approach in the constituent entities of the Russian Federation to the process of regulatory consolidation, as well as the implementation in practice of the constitutional obligation of authorized persons in the constituent entities of the Russian Federation, expressed in recognition of the human right to access to information, which may be the basis for the presence of some problems in the specific implementation and protection of the law under study.

Research implications. Given the extensive experience of the commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in the work of protecting human rights and freedoms, it is proposed to consider and implement a unified legal mechanism for legislative initiative in all regions of the Russian Federation. The presented mechanism will provide an effective opportunity for the Ombudsman directly (without intermediaries) to initiate legislative proposals in the representative body of power of the subjects of Russia on problematic issues related to human rights and freedoms, including the right of access to open information.

Keywords: right of access to information, the constitution, the charter, the institution of the Commissioner, recognition, restoration of the violated right, normative legal act, the constitutional mechanism for ensuring the right

Введение

Текущий этап развития российского общества, связанный с преобразованием всех сфер взаимодействия общества и государства, характеризуется заметной активизацией правотворческих усилий. Практически формируется новая правовая система, способная реализовать потребности дальнейшей демократизации российского общества, гарантировать осуществление и достойную защиту прав и свобод человека [10, с. 113], в т. ч. права на доступ к информации.

В конституционном правовом механизме обеспечения и защиты прав человека правовое взаимодействие по осуществлению защиты, исключительно понимаемое как восстановление нарушенного права, не может быть единственным составным элементом указанного механизма.

Конституционному правовому механизму обеспечения прав человека и гражданина присущ процесс реализации конституционных прав совокупно в 3 направлениях: признании, соблюдении и защите (ст. 2 Конституции РФ). Такое понимание помогает воспринять сущность рассматриваемого механизма как гармоничное взаимодействие 3 правовых элементов, связанных единой целью, – обеспечением прав человека и гражданина, а игнорирование любого элемента делает рассматриваемый механизм фрагментарным и плохо реализуемым.

С другой стороны, 3 элементам конституционного механизма обеспечения прав человека присуща своя специфика, отражённая в формах и методах реализации. В частности, признание – это, по большей части, законодательный процесс,

не предполагающий каких-либо повторных действий, соблюдение – это постоянный процесс, существенным условием реализации которого предполагается правомерное (законопослушное) поведение государственно-властных субъектов конституционно-правовых отношений, защита (восстановление нарушенного права) непосредственно активизируется только при нарушении оберегаемых (охраняемых) правом общественных отношений, т. е. защита причинно связана с противоправным поведением. Указанные содержательные различия не являются свидетельством в пользу самостоятельного выделения какого-либо элемента конституционного механизма обеспечения прав человека и гражданина, т. к. это в своей сущности единый процесс, явленный в поэтапных стадиях, при этом этап защиты является не обязательным (т. к. активизируется исключительно при нарушении права), а стадии признания и соблюдения являются обязательными. В результате конституционный механизм обеспечения прав человека является комплексным феноменом, синтезирующим в себе признание, соблюдение и защиту.

При этом данные конституционные обязанности возлагаются в т. ч. и на уполномоченных в субъектах РФ, основной целью и задачей работы которых выступают предупреждение нарушений и защита прав человека [8, с. 308].

Учитывая изложенное, представляется необходимым научное исследование специфики отношений признания права доступа к информации в работе института уполномоченных в регионах Российской Федерации. Тем более в юридической литературе указанные отношения подробно не исследовались. Такая деятельность носит публичный характер, в ходе реализации права доступа к информации формализуется процесс согласования интересов общества, государства и личности [7, с. 36].

Сущностной спецификой уполномоченных в субъекте Российской Федерации, обособляющей их от иных государственных органов власти (законодательных и исполнительных), выступает следующая

особенность: они не вправе принимать нормативные правовые акты. На этой основе признание как элемент конституционного механизма обеспечения права доступа к информации носит в деятельности уполномоченных в субъектах РФ опосредованный характер.

Вместе с тем рассматриваемому институту присуща общая фундаментальная задача по улучшению законодательства регионов и иных нормативных правовых актов в сфере регулирования и защиты прав человека¹, которую можно рассматривать как специфическую форму признания.

Реализуется данная общая задача по совершенствованию законодательства и нормативных актов различными методами в зависимости от специфики компетенции уполномоченных в различных регионах, определяемой законодательством.

Объясняется такая специфика в компетенции статьёй 13 Федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации», предусматривающей право уполномоченных в субъектах Российской Федерации направлять законодательные инициативы в сфере прав человека всем государственным и муниципальным органам власти регионов. В свою очередь, предоставление или непредоставление полномочий (обязанности) по гарантированному обеспечению законодательной инициативы делегируется субъекту Российской Федерации, который решает этот вопрос на своё усмотрение.

Таким образом, в регионах РФ имеют место существенные различия в нормативном закреплении и реализации имманентной для уполномоченных в субъектах задачи признания (совершенствование за-

¹ Ст. 4 Закона Самарской области от 31.10.2000 № 45-ГД «Об Уполномоченном по правам человека в Самарской области» [Электронный ресурс]. URL: [https:// docs.cntd.ru/document/945005199](https://docs.cntd.ru/document/945005199) (дата обращения: 17.06.2023); Ст. 5 Закона Республики Татарстан от 01.09.2011 № 59-ЗРТ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: [tps:// docs.cntd.ru/document/917045226](https://docs.cntd.ru/document/917045226) (дата обращения: 17.06.2023).

конодательства), в т. ч. признания права доступа к информации.

Проблему обеспечения информационных прав личности в общем понимании исследовали В. С. Хижняк [12], М. С. Мачехин, Э. Ю. Бузинская [7], Р. Г. Хугаева, А. С. Лолаева [13]. Авторы основное внимание уделяют регламентации распространения информации о деятельности органов публичной власти, типам и видам правовой информации, механизму информирования граждан об организации и деятельности субъектов публичной власти в России, включая источники, способы и средства граждан по получению и распространению информации.

Сущность и компетенцию института уполномоченного в Российской Федерации исследовали В. С. Бялт, С. Ю. Чимаров [1], А. А. Макаренко [5], М. Ю. Шамрин, Е. В. Мигачева [14]. Они рассматривали правовую основу института уполномоченного, отличительные черты и особенности его становления, при этом не особо затрагивая исследование такой обязанности, как признание прав и свобод.

В зарубежных странах имеются некоторые научные работы, посвящённые теме полномочий и обязанностей омбудсмана. Так, Ф. З. Саидов предлагает расширение полномочий омбудсмана Киргизской Республики путём наделения его правом (обязанностью) законодательной инициативы [9]. Аналогичное предложение в целях улучшения эффективности работы исследуемого правозащитного института высказывают Е. П. Демина и А. С. Созаев [3]. В работе А. К. Канатова и М. А. Шакинова [4] рассматривается проблема законодательного расширения задач омбудсмана в Республике Казахстан. При этом, в отличие от Казахстана и Киргизии, где право (обязанность) прямой законодательной инициативы предусмотрено, такое право (обязанность) имеется у уполномоченного Олий Мажлиса Узбекистана по правам человека, который, являясь депутатом национального законодательного органа власти, наделён правом (обязанностью) законодательной инициативы.

Особенности компетенции института уполномоченного в субъекте Российской Федерации на примере признания права доступа к информации

Можно выделить 2 общие формы признания права доступа к информации в деятельности института уполномоченного:

- 1) право законодательной инициативы посредством внесения законопроектов;
- 2) право внесения предложений и замечаний по совершенствованию законодательства субъектами законодательной инициативы.

В некоторых субъектах РФ уполномоченные одновременно наделены правом (обязанностью) законодательной инициативы и правом внесения предложений по совершенствованию законодательства в органы государственной власти.

Однако в подавляющем на сегодняшний момент количестве регионов России право (обязанность) по совершенствованию законодательства уполномоченных в субъектах РФ сводится исключительно к одной форме – внесению предложений субъектам законодательной инициативы (при этом эта форма обязательна для всех уполномоченных в субъектах РФ, т. к. прямо предусмотрена федеральным законодательством).

Только правом внесения законодательных предложений субъектам законодательной инициативы обладают, к примеру, институт уполномоченного в Свердловской¹, Амурской², Волгоградской³ областях.

¹ Закон Свердловской области от 18.10.2011 № 72 «Об Уполномоченных по правам человека в Свердловской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/895270466> (дата обращения: 20.06.2023).

² Закон Амурской области от 28.04.2008 № 27 «Об Уполномоченных по правам человека в Амурской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961707744> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Закон Волгоградской области от 31.03.2000 № 388 «Об Уполномоченных по правам человека в Волгоградской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804917830> (дата обращения: 20.06.2023).

С другой стороны, в соответствии со ст. 24 Закона Республики Татарстан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Татарстан»¹ омбудсмену предоставлена возможность одновременно применять право законодательной инициативы в Государственном Совете Республики Татарстан в сфере защиты прав человека и, следовательно, право участия в группах депутатов, организуемых в целях изучения и предложения законодательных инициатив, направленных на обеспечение прав человека, так и право направления законодательных предложений органам государственной власти (опосредованное правотворчество). Схожие положения зафиксированы и в законе, регулирующем деятельность уполномоченного в Пермском крае в ст. 14², одноимённом законе Оренбургской области в ст. 11³.

Вяленная специфика, реализуемая в различных формах взаимодействия уполномоченных и законодательных органов государственной власти в субъектах РФ в отношении законотворчества предполагает большее разнообразие и эффективность в деятельности института уполномоченного по признанию права доступа к информации.

При этом в действующем законодательстве Саратовской области находят закрепление дополнительные формы, свойственные общей задаче совершенствования законодательства: ознакомление с проектами законодательных инициатив, касающихся вопросов обеспечения прав человека и гражданина; прямое участие в совещаниях структурных подразделений законодательного органа, на которых об-

суждаются нормативные правовые акты, касающиеся прав и свобод человека.

Указанные вторичные формы совершенствования законодательства безусловно способствуют опосредованному взаимодействию уполномоченных в субъектах РФ и законодательного органа власти субъекта Российской Федерации, в то же время они не являются заменой основной, наиболее действенной формы – права прямой законодательной инициативы.

Таким образом, признание уполномоченными в субъектах РФ права доступа к информации в правовой системе России в силу специфики деятельности носит косвенный характер, который выражается в прямой или опосредованной возможности внесения законодательных предложений в представительный орган региона России. Отсутствие признания в законодательстве значительного количества субъектов Российской Федерации права (обязанности) прямой законодательной инициативы за институтом уполномоченного может приводить и приводит к фрагментарности и непоследовательности правового регулирования права доступа к информации, что сказывается на правовом положении личности в зависимости от региона проживания.

Заключение

Ряд исследователей негативно относятся к отсутствию у уполномоченных в субъектах Российской Федерации права прямой законодательной инициативы. Так, С. И. Глушкова рассматривает отсутствие у института уполномоченного такой компетенции в качестве пробела, существенно затрудняющего его деятельность [2, с. 257]. Н. Ю. Хаманева указывает, что за институтом уполномоченного необходимо закрепить возможность, позволяющую непосредственно оказывать прямое влияние на правотворчество, а также на различные улучшения в области прав человека [11, с. 89].

Вместе с такими функциями, реализуемыми уполномоченными в субъектах Российской Федерации, как анализ значимых проблем в сфере защиты и реали-

¹ Закон Республики Татарстан от 03.03.2000 № 95 «Об Уполномоченных по правам человека в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://upch.tatarstan.ru/zakon-respubliki-tatarstan> (дата обращения: 18.06.2023).

² Закон Пермского края от 05.08.2007 № 77 «Об Уполномоченных по правам человека в Пермском крае» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/911517676> (дата обращения: 19.06.2023).

³ Закон Оренбургской области от 18.11.2010 № 3997/924 «Об Уполномоченных по правам человека в Оренбургской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446674792> (дата обращения: 19.06.2023).

зации права доступа человека к информации, прогнозирование эффективных путей его дальнейшего развития, устранение препятствий, мешающих его реализации, представляется не менее важной функцией – правовая возможность прямого обращения в представительный орган власти субъекта Российской Федерации с законодательными инициативами, касающимися права доступа к информации.

Закрепление за институтом уполномоченного компетенции (обязанности) возможности прямого внесения законодательных инициатив в представительный (законодательный) властный орган существенно повысит уровень признания, соблюдения и защиты конституционного права доступа к информации.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 6-2. С. 66–68.
2. Глушкова С. И. Права человека в России: теория, история, практика. Екатеринбург: УГУ им. А. М. Горького, 2004. 480 с.
3. Дёмина Е. П., Созаев А. С. Организация деятельности и правовой статус омбудсменов в зарубежных странах: на примере Швеции, Германии и Англии // *Евразийская адвокатура*. 2021. № 6. С. 83–88.
4. Канатов А. К., Шакинов М. А. Институт уполномоченного по правам человека в Казахстане (иммерсивный подход в законодательстве) // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2022. № 2. С. 152–161.
5. Макаренко А. А. Правовое регулирование деятельности уполномоченных по правам человека: состояние, проблемы, вопросы совершенствования // *Вестник науки*. 2023. № 1. С. 245–249.
6. Мачехин М. С., Бузинская Э. Ю. Проблемы реализации и защиты конституционного права граждан на доступ к информации в цифровой среде // *Вестник Прикамского общественного института*. 2022. № 2. С. 46–51.
7. Певцова Е. А. Особенности развития правовой культуры общества как правовой среды планирования правотворческой деятельности // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 7. С. 36–40.
8. Рахмангулов А. О., Шерстнев Н. О. Взаимодействие прокуроров с уполномоченными по правам человека // *Вестник науки*. 2023. № 5. С. 307–311.
9. Саидов Ф. З. Конституционно-правовой статус омбудсменов в зарубежных странах // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 2. С. 25–31.
10. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования / И. О. Антонов, А. Ю. Верин, М. Е. Ключкова, Р. В. Шагиева // *Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2018. № 4. С. 113–116.
11. Хаманева Н. Ю. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // *Труды Института государства и права РАН*. 2008. № 6. С. 87–99.
12. Хижняк В. С. Приоритеты, цели и принципы конституционно-правовой политики российской федерации в сфере информационных отношений в условиях глобализации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2021. № 2. С. 102–109.
13. Хугаева Р. Г., Лолаева А. С. Проблемы механизма реализации конституционного права на информацию // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 7. С. 37–41.
14. Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В. Институт уполномоченного по правам человека в российской федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 1. С. 41–48.

REFERENCES

1. Byalt V. S., Chimarov S. Y. [Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i gumanitarnykh nauk* [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], 2022, no. 6-2, pp. 66–68.
2. Glushkova S. I. *Prava cheloveka v Rossii: teoriya, istoriya, praktika* [Human rights in Russia: theory, history, practice]. Yekaterinburg, UGU im. A. M. Gorky Publ., 2004. 480 p.
3. Demina E. P., Sozaev A. S. [Organization of activity and legal status of ombudsmen in foreign countries: on the example of Sweden, Germany and England]. In: *Yevraziyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2021, no. 6, pp. 83–88.

4. Kanatov A. K., Shakenov M. A. [The Institute of the Commissioner for Human Rights in Kazakhstan (an immersive approach to lawmaking)]. In: *Vestnik Instituta zakonodatelstva i zakona informatsii Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan], 2022, no. 2, pp. 152–161.
5. Makarenko A. A. [Legal regulation of the activities of human rights commissioners: state, problems, issues of improvement]. In: *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, no. 1, pp. 245–249.
6. Machekhin M. S., Buzinskaya E. Y. [Problems of implementation and protection of the constitutional right of citizens to access information in the digital environment]. In: *Vestnik Prikamskogo obshchestvennogo instituta* [Bulletin of the Kama Public Institute], 2022, no. 2, pp. 46–51.
7. Pevtsova E. A. [Features of the development of the legal culture of society as a legal environment for planning law-making activities]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2017, no. 7, pp. 36–40.
8. Rakhmangulov A. O., Sherstnev N. O. [Interaction of prosecutors with commissioners for human rights]. In: *Vestnik nauki* [Vestnik nauki], 2023, no. 5, pp. 307–311.
9. Saidov F. Z. [Constitutional and legal status of ombudsmen in foreign countries]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 2, pp. 25–31.
10. Antonov I. O., Verin A. Y., Klyukova M. E., Shagieva R. V. [Transformation of the institution of suspension of proceedings in a criminal case at the stage of preliminary investigation]. In: *Uchonyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata* [Scientific works of the Russian Academy of Lawyers and Notaries], 2018, no. 4, pp. 113–116.
11. Khamaneva N. Y. [Constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prav RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2008, no. 6, pp. 87–99.
12. Khizhnyak V. S. [Priorities, goals and principles of the constitutional and legal policy of the Russian Federation in the field of information relations in the context of globalization]. In: *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* [Legal Policy and Legal Life], 2021, no. 2, pp. 102–109.
13. Khugaeva R. G., Lolaeva A. S. [Problems of the mechanism for the implementation of the constitutional right to information]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2021, no. 7, pp. 37–41.
14. Shamrin M. Y., Migacheva E. V. [Institute of Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2022, no. 1, pp. 41–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клюков Василий Дмитриевич – аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, юрист;
e-mail: osnova16@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily D. Klyukov – Postgraduate student, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan Federal University, lawyer;
e-mail: osnova16@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клюков В. Д. Специфика признания права доступа к информации в деятельности института уполномоченного в субъекте Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 93–99.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-93-99

FOR CITATION

Klyukov V. D. Specifics of Recognition of the Right to Access to Information in the Activities of the Institute of the Commissioner in the Subject of the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 93–99.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-93-99

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106

ПРАВО НА БИОБЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Сапельченко Н. Е.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить содержательные взаимосвязи права на биологическую безопасность и права на неприкосновенность личности, выявить актуальные проблемы теории правопонимания, провести оценку источников права, регулирующих отношения в сфере биологической безопасности.

Процедура и методы. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, в их числе: сравнительно-правовой, диалектический, формально-логический и формально-юридический.

Результаты. Раскрыты содержание права на биологическую безопасность, его взаимосвязь с правом на биологическую неприкосновенность; отмечены принципы права, которые необходимо учитывать при развитии правового содержания биологической безопасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию конституционного права, создавая предпосылки для развития доктрины прав нового поколения в системе охраны здоровья, обеспечения населения безопасной окружающей средой.

Ключевые слова: биологическая неприкосновенность, биологическая безопасность, охрана здоровья, благоприятная окружающая среда, биологические факторы, биологические риски

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00113.

THE RIGHT TO BIOSAFETY AND THE RIGHT TO PERSONAL INTEGRITY IN THE HEALTH CARE SYSTEM, PROVIDING THE POPULATION WITH A SAFE ENVIRONMENT

N. Sapelchenko

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Prospekt 51/21, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the meaningful relationships between the right to biological safety and the right to personal integrity, to identify current problems in the theory of legal understanding, and to assess the sources of law regulating relations in the field of biological safety.

Methodology. The work used general scientific and special research methods. These include comparative legal, dialectical, formal logical and formal legal.

Results. The content of the right to biological safety, its interrelation with the right to biological integrity is revealed. The principles of law that should be taken into account in the development of the legal content of biological safety are noted.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of constitutional law, creating the prerequisites for the development of the doctrine of a new generation of rights in the health care system, providing the population with a safe environment.

Keywords: biological integrity, biological safety, health protection, favorable environment, biological factors, biological risks.

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00113.

Введение

Права человека складываются в результате закономерного развития человеческой цивилизации и вытекают из самой природы человека [2, с. 132]. Технологическое развитие (инновационное, биологическое и др.) порождает возникновение новых прав и свобод, которые в юридической доктрине относят к четвёртому поколению прав человека [6, с. 51–57].

В настоящее время актуальное значение имеет создание правовой конструкции института биологической безопасности, связанного с общепризнанными правами человека, универсальными гарантиями и имеющего надёжный механизм государственной защиты.

В декабре 2020 г. был принят Федеральный закон № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О биологической безопасности»), который установил основы государственного регулирования в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации, а также закрепил ряд ключевых понятий, ранее отсутствовавших в национальном законодательстве.

Особое значение имеет закреплённое в нём понятие «биологическая безопасность», которое трактуется как состояние защищённости населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

И. А. Умнова-Конюхова отмечает, что данное понятие находится на стыке разных наук и сфер человеческой жизнедеятельности (биологии, экологии, медицины, сельского хозяйства, информатизации и цифровизации, робототехники, генной инженерии, нейроинженерии, фармакологии, криминологии и пр.) и обеспечивается различными отраслями публичного и частного права (конституционного, административного, экологического, информационного, цифрового, биоправа, уголовного, медицинского, энергетического, сельскохозяйственного и др.) [7, с. 7–19].

Содержательные взаимосвязи права на биологическую безопасность и права на неприкосновенность личности

Конституционное право на неприкосновенность личности предполагает, наряду с психической и моральной неприкосновенностью, неприкосновенность физическую.

В научной литературе физическая неприкосновенность рассматривается как социальное благо, для защиты которого создаются определённые гарантии и механизмы государственной защиты. Одной из них, на наш взгляд, является биологическая безопасность.

Несмотря на то, что право на биологическую безопасность не находит формального закрепления в нормативных правовых актах и скорее является правом доктринальным, ФЗ «О биологической безопасности» закрепляет ряд притязаний, связанных с биологической (физиологической) сущностью человека, направленных, в частности, на реализацию конституционного права на неприкосновенность личности. К ним относятся: охрана здоровья

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

и охрана окружающей среды от опасных биологических факторов.

В п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ указано, что под охраной здоровья следует понимать систему мер, осуществляемых в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

В ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»² отмечается, что охрана окружающей среды представляет собой сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию её последствий. Охрана здоровья и охрана окружающей среды включает в себя меры и действия со стороны органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций, граждан и иных лиц.

Это даёт нам основание утверждать, что право на биологическую безопасность содержательно формируется исходя из связанности 2 областей – охраны здоровья и окружающей среды. От их качества зависит безопасность человека как биологического (физического) существа. Вместе с тем здоровье человека и окружающая среда имеют комплексную взаимосвязь и социальный характер. В области охраны здоровья и окружающей среды автономия человека относительно возможности распоряжения своим телом, здоровьем и другими биологическими возможностями

имеет корреляционные зависимости с культурными, социальными и экономическими факторами.

Соответственно, в современном мире систему охраны здоровья и окружающей среды принято рассматривать не только с точки зрения отдельного человека, но и с точки зрения населения. Комплексное их воздействие является очевидным фактом.

Субъекты права на биологическую безопасность и права на неприкосновенность личности: общее и особенное

Специфической особенностью права на неприкосновенность личности является и то, что одним из его компонентов выделяется автономная биологическая индивидуальность человека, т. е. каждый человек по-своему определяет, как ему распоряжаться своим телом, добровольно решает вопросы о распоряжении своими биокомпонентами.

Согласно ст. 6 ФЗ «О биологической безопасности» субъектом права на биологическую безопасность являются граждане РФ. Однако в определении биологической безопасности упоминается категория «население», к которому относятся не только граждане, но и иностранные граждане, лица без гражданства, проживающие на определённой территории.

При этом и отдельно взятый человек, и население в целом нуждаются в обеспечении биологической безопасности.

Следует обратить внимание на соотношение понятий «биологическая безопасность» и «право на биологическую безопасность». В нашем представлении биологическая безопасность является фактическим состоянием, а право на биологическую безопасность представляет собой притязание по отношению к органам публичной власти, связанное с предотвращением или ослаблением неблагоприятного воздействия опасных биологических факторов на человека. При этом государство должно признать право на биологическую

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

безопасность и предпринимать надлежащие меры по его обеспечению.

К мерам, обеспечивающим право на биологическую безопасность, стоит отнести: борьбу с распространением инфекционных болезней; формирование, сохранение и развитие коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов; предотвращение, в т. ч. на потенциально опасных биологических объектах, аварий, террористических актов и диверсий, осуществляемых с применением патогенов; предупреждение и предотвращение опасной техногенной деятельности, в т. ч. возможного бесконтрольного использования генетических материалов и технологии синтетической биологии; создание, развитие и функционирование единой сети мониторинга биологических рисков; проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области биологической безопасности; планирование создания производственных мощностей и резервов, в т. ч. государственного материального резерва продукции (товаров), необходимых для обеспечения безопасности населения и оказания медицинской помощи населению¹. В свою очередь, данные меры также являются средствами, обеспечивающими фактическую реализацию права на биологическую безопасность.

Как было отмечено ранее, право на биологическую безопасность трансформировалось из традиционного права – права на неприкосновенность личности. Стоит отметить, что при рассмотрении права на неприкосновенность предлагается заменить конструкцию «неприкосновенность личности» на «неприкосновенность человека», т. к. неприкосновенность личности (одной из составляющих человека) традиционно присуща советской правовой науке и с точки зрения содержания является более узким понятием. Данное замечание необходимо в контексте приведённых ниже цитат учёных, которые по старой

традиции пишут о неприкосновенности личности, а не человека.

Право на неприкосновенность человека является сложносоставным и включает в себя несколько элементов. Так, можно выделить физическую, биологическую, духовную, генетическую и другие виды неприкосновенности.

А. А. Опалева под объектами личной неприкосновенности понимает физическое состояние человека, к которому относятся: жизнь, здоровье, телесная целостность (физическая неприкосновенность); возможность располагать собой и по своему усмотрению определять место пребывания и род занятий (неприкосновенность индивидуальной свободы, или волевая неприкосновенность); психика, честь, достоинство, свобода совести и вероисповедания и другие духовные ценности (духовная неприкосновенность) [5, с. 36–40].

Технологический прорыв позволяет собирать биометрические данные (образцы голоса, внешности, походки, отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза и т. п.), на основе которых формируется «цифровой след»², что, в свою очередь, также может стать угрозой для неприкосновенности личности.

Таким образом, для обозначения следов существования конкретного человека в цифровом мире стоит использовать формулировку «цифровая личность», а защищённость цифровой информации от посягательств кого-либо – цифровой неприкосновенностью.

В условиях нарастающей глобальной проблемы биологических угроз необходимо выделить элемент биологической неприкосновенности, к которой относятся биологическая идентичность человека и генетическая неприкосновенность [9, с. 34].

² См.: Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве [Электронный ресурс] // Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека URL: <https://ouzs.ru/upload/iblock/784/78425a01b3577189cfe3c6db307d017e.docx?ysclid=154jvxqzoy376921106> (дата обращения: 03.08.2022).

¹ Ст. 9 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Таким образом, к элементам (видам) неприкосновенности человека следует отнести: физическую неприкосновенность (свободу человека, его жизнь, телесную целостность, здоровье), нравственную неприкосновенность (честь и достоинство, свободу совести и вероисповедания и др.), психологическую неприкосновенность (нормальное течение психических процессов), цифровую неприкосновенность (цифровую идентичность, цифровой суверенитет человека, биометрические и иные персональные данные и др.), биологическую неприкосновенность (биологическую идентичность человека, генетическую неприкосновенность).

Право на неприкосновенность человека и право на биологическую безопасность органично взаимосвязаны и в рамках организационно-правового аспекта [3, с. 43–49].

Конституционно-правовое содержание права на неприкосновенность человека включает в себя правомочия носителя права, обязательства со стороны государства по обеспечению его реализации и защите, а также обязательство государства воздержаться от создания препятствий при осуществлении данного права.

По мнению И. А. Умновой-Конюховой, права и свободы нового поколения способствовали дифференциации и трансформации традиционных личных прав и свобод, так, право на неприкосновенность личности в биоправе трансформировалось в права на биологическую неприкосновенность, на защиту от генно-модифицированных продуктов и пр. [8, с. 41–46].

Таким образом, под правом на неприкосновенность человека следует понимать совокупность возможностей человека как биосоциального существа, связанных с реализацией его воли, при условии исполне-

ния обязанности со стороны государства по защите от неправомерного физического, нравственного, психологического, цифрового, биологического посягательства со стороны кого-либо. Право на биологическую безопасность должно рассматриваться как элемент права на неприкосновенность человека, поскольку эти права имеют общую цель – защиту жизни и здоровья человека.

Заключение

В современный период важным является формирование принципов прав нового поколения, которые, с одной стороны, обеспечивают устойчивую связь между общепризнанными правами человека и правами нового поколения, с другой стороны, выступают в качестве несущей конструкции для формирования согласованности в содержании комплексных по своей природе прав нового поколения.

В научной литературе выделяются важные принципы прав нового поколения [1, с. 59–70], которые необходимо согласовывать с этическими принципами, имеющими фундаментальное значение в области обеспечения биологии [4, с. 201–210; 10, р. 639–660]. При развитии правового регулирования в области обеспечения биологической безопасности важно учитывать, во-первых, корреляционные связи права на биологическую безопасность и права на неприкосновенность личности, во-вторых, специфику интегрированности субъектов права на биологическую безопасность, в-третьих, исходить из того, что право на неприкосновенность личности является гарантией права на биологическую безопасность.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкова И. А. Принцип предосторожности в производстве и использовании генетически модифицированных организмов: правовое регулирование и стратегирование в России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 4. С. 59–70.
2. Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 239 с.

3. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Экологическая, биологическая, социальная безопасность: организационно-правовой аспект // *Lex Russica*. 2020. № 7. С. 43–49.
4. Мохов А. А. Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2. С. 201–210.
5. Опалева А. А. Право на личную неприкосновенность в условиях использования цифровых технологий // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 1. С. 36–40.
6. Певцова Н. С. Физические аспекты существования человека в отечественном конституционном строительстве // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 12. С. 51–57.
7. Умнова-Конюхова И. А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2023. № 2. С. 7–19.
8. Умнова-Конюхова И. А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 11. С. 41–46.
9. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 10. С. 34–45.
10. Ashcroft R.E. Could Human Rights Supersede Bioethics? // *Human Rights Law Review*. 2010. № 10. P. 639–660.

REFERENCES

1. Aleshkova I. A. [The precautionary principle in the production and use of genetically modified organisms: legal regulation and strategizing in Russia]. In: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law], 2022, no. 4, pp. 59–70.
2. Bondar N. S. *Prava cheloveka i Konstitutsiya Rossii: trudnyy put' k svobode* [Human rights and the Constitution of Russia: a difficult path to freedom]. Rostov on Don, Rost. un-ta Publ., 1996. 239 p.
3. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. [Environmental, biological, social safety: organizational and legal aspect]. In: *Lex Russica*, 2020, no. 7, pp. 43–49.
4. Mokhov A. A. [Biow and the strategy of its development in the Russian Federation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Current problems of Russian law], 2022, vol. 17, no. 2, pp. 201–210.
5. Opaleva A. A. [The right to personal integrity in the context of the use of digital technologies]. In: *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2021, no. 1, pp. 36–40.
6. Pevtsova N. S. [Physical aspects of human existence in domestic constitutional construction]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 12, pp. 51–57.
7. Umnova-Konyukhova I. A. [Biological safety in international law and Russian law as a new sphere of legal regulation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2023, no. 2. pp. 7–19.
8. Umnova-Konyukhova I. A. [The right to be human - a fundamental right and constitutional narrative in the system of personal rights and freedoms in the paradigm of humanism]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 11, pp. 41–46.
9. Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. [The influence of scientific and technological progress in biotechnology on human rights and principles of law]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Current problems of Russian law], 2022, no. 10, pp. 34–45.
10. Ashcroft R. E. Could Human Rights Supersede Bioethics? In: *Human Rights Law Review*, 2010, no. 10, pp. 639–660.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапельченко Наталья Евгеньевна – старший библиограф сектора НБИ по социальным наукам Института научной информации по общественным наукам РАН;
e-mail: vasilieva-n@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia E. Sapelchenko – Senior Bibliographer, NBI Sector for Social Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: vasilieva-n@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапельченко Н. Е. Право на биобезопасность и право на неприкосновенность личности в системе охраны здоровья, обеспечения населения безопасной окружающей средой // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 100–106.

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106

FOR CITATION

Sapelchenko N. E. The right to biosafety and the right to personal integrity in the health care system, providing the population with a safe environment. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 3, pp. 100–106.

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106

РЕЦЕНЗИИ

FROM THE LAW OF WAR TO THE LAW FOR PEACE, ПРАВО ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ИЛИ РЕЦЕНЗИЯ НА ПУБЛИКАЦИЮ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: УЧЕБНИК / ПОД НАУЧ. РЕД. В. В. АЛЕШИНА, А. Ю. ЯСТРЕБОВОЙ. М.: ПРОСПЕКТ, 2023. 232 С.

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

FROM THE LAW OF WAR TO THE LAW FOR PEACE, LAW OF ARMED CONFLICT IN LEGAL VALIDITY OR PUBLICATION. REVIEW: ALESHIN V. V., YASTREBOVA A. YU., EDS. INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: TEXTBOOK. MOSCOW, PROSPECT PUBL., 2023. 232 P.

I. Umnova-Koniukhova, I. Aleshkova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
Nakhimovsky prospect 51/21, Moscow 117418, Russian Federation*

Выход в свет нового учебного издания авторского коллектива под научной редакцией доктора юридических наук, профессора В. В. Алешина, специализирующегося на вопросах правового регулирования вооружённых конфликтов, и доктора юридических наук, доцента А. Ю. Ястребовой, имеющей не только теоретические знания в области международного права прав человека, но и опыт работы в благотворительной организации Российского Красного креста (и в различных международных программах, в т. ч. Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца), даёт основание утверждать о том, что в нём аккумулированы ключевые аспекты современного международного гуманитарного права.

Комплексное представление в публикации теоретического и научно-практического материала является своевременным и востребованным в преподавании современного международного гуманитарного права, особенно тогда, когда, по мнению специалистов, российская система образования должна в полной мере содействовать достижению национальных целей, а самообразование должно иметь глубочайшее ценностно-смысловое содержание¹.

По своему содержанию учебник выходит далеко за пределы лекционного учебного курса, включает в себя рекомендации по подготовке к лекциям, практическим занятиям и самостоятельной работе, глоссарий, контрольные вопросы, практические задачи

¹ Певцова Е. А. Гражданское общество и государство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 6.

и задания, необходимые для закрепления теоретических и научно-практических знаний.

Работа изобилует ссылками на научные публикации в области международного права авторитетных учёных и на правовые источники разных периодов развития международного гуманитарного права, что свидетельствует о глубокой проработанности материала. Обоснованно подчёркивая значимость имплементации норм международного гуманитарного права в национальную правовую систему, авторы отмечают, что под ней следует понимать организационно-правовую деятельность государств по закреплению во внутригосударственном праве норм в целях всестороннего, своевременного и полного воплощения в жизнь предписаний, принятых в соответствии с международными обязательствами государств в данной сфере [с. 179].

Авторы учебника предлагают обучающимся посредством решения определённых задач и заданий научиться: во-первых, воспринимать содержание норм международного гуманитарного права в конкретных правовых ситуациях; во-вторых, соблюдать принцип *pacta sunt servanda* и уметь добросовестно соблюдать взятые государством на себя обязательства в соответствии с международными договорами, такими как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г. и др.; в-третьих, реализовать исполнение этих обязательств на национальном уровне, исходя из сформировавшихся правовых и организационных средств государства.

Нельзя не согласиться с выводом авторов учебника, что в условиях войны и вооружённых конфликтов необходимо «совместное применение международного гуманитарного права и универсальных и/или региональных договоров по правам человека и вынужденной миграции» [с. 177], что создаёт усиленное действие защитных международно-правовых институтов.

В учебнике подробно освещены вопросы, касающиеся теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, представлена характеристика принципов и норм международного гуманитарного права, акцентировано внимание на важности приоритета законности и прав человека в период вооружённых конфликтов.

При раскрытии основных институтов международного гуманитарного права авторы показывают их взаимосвязь с конституционным и военным правом. Полагаем, что учёт этой взаимосвязи является существенным: во-первых, для непосредственных участников вооружённых конфликтов – военнослужащих, которые выстраивают свои отношения, руководствуясь и военными уставными предписаниями, важно понимать приоритетность прав человека; а, во-вторых, имплементация международных положений остаётся важнейшей задачей в Российской Федерации¹.

С позиции авторов обучающиеся, освоившие курс международного гуманитарного права, наряду с теоретическими знаниями и правоприменительными навыками (умение использовать методологию при характеристике правоотношений в области международного гуманитарного права; умение применять его нормы и принципы в практической деятельности) также должны получить и профессионально-ориентированное воспитание, основанное на принципах и нормах гуманитарного права.

Такие подходы к изложению материала, несомненно, свидетельствуют о стремлении авторов, образно выражаясь, «не поступаться принципами», а найти баланс между международными и конституционными принципами публичного права.

Авторы, формулируя вопросы, задачи и задания, справедливо учитывают и тот факт, что специалисты должны уметь

¹ Сайбулаева С. А. Имплементация международных положений в Российской Федерации: политико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 3–7.

не только применять принципы и нормы международного гуманитарного и конституционного права во взаимосвязи, но и на их основе разрабатывать проекты нормативных правовых актов. Важно осознавать ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права, следовательно, осуществлять предупреждение военных преступлений.

Актуальность этих аспектов особенно сильно проявляется на фоне нового витка напряжения в связи с ростом числа гибридных войн в XXI столетии. В этих условиях важное значение приобретает особое внимание к международному гуманитарному праву.

Стороны, участвующие в конфликте, при всех обстоятельствах должны проводить различие между гражданским населением и непосредственными участниками военных действий с целью обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов. Знания международного гуманитарного права позволяют осознавать, что взятые в плен участники военных действий и гражданские лица, находящиеся во власти противника, имеют право на сохранение жизни, уважение их достоинства, личных прав и убеждений (политических, религиозных и иных). Они должны быть защищены от любых насильственных действий и репрессалий, имеют право на переписку со своими семьями и на получение помощи. Каждому человеку должны быть предоставлены основные судебные и иные международно-правовые гарантии гуманного обращения.

Трудно утверждать, что в настоящее время в условиях действующих вооружённых конфликтов все эти требования соблюдаются. Однако чем больше будет специалистов, понимающих и знающих содержание международного гуманитарного права, чем действеннее будет реальная помощь гуманитарных организаций, тем больше вероятность гуманного обращения с мирными жителями, ранеными, больными и другими лицами, попадающими в эпицентр вооружённых конфликтов.

Исторически в мировой практике государства и международные организации к гуманитарному праву относились с уважением. В условиях вооружённых конфликтов принципы гуманитарного права были действенной гарантией для защиты населения от насилия, незаконности и самоуправства, мародёрства и грабежей. Неслучайно в предисловии к изданию авторы перечисляют основные отраслевые принципы международного гуманитарного права, подчёркивая его гуманитарную значимость и ответственность должностных лиц и военнослужащих за их соблюдение. В числе данных принципов: гуманизация условий вооружённых конфликтов, ограничение выбора средств и методов их ведения воюющими сторонами, обеспечение защиты жертв войны, гражданских объектов и культурных ценностей, статуса нейтральных государств [с. 6].

Обращая внимание на правовые ограничения методов ведения вооружённого конфликта его сторонами, включаемые в содержание многих нормативных правовых актов, авторы учебника отмечают важность соблюдения правил войны и действие перечня запрещённых методов. Указывая на различие между вероломством и применением военных хитростей, авторы систематизируют запреты действий, направленных против гражданского населения: геноцида, апартеида, террора и использования голода и действий, направленных против собственности [с. 120–122].

Вместе с тем можно было бы уделить больше внимания и темпоральному действию отдельных режимов международного гуманитарного права¹, существующим «застоявшимся» проблемам выборочного подхода к критериям так называемого эффективного контроля, метаниям от территориального принципа юрисдикции

¹ См.: Лазутин Л.А. Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 44 - 49.

к экстерриториальному¹, девальвации и трансформации международного права², гуманитарным вызовам и допустимым пределам ограничения прав и свобод в условиях вооружённых конфликтов³, а также роли судов в обеспечении соблюдения международного гуманитарного права⁴.

Допускаем, что эти вопросы поднимаются при проведении научных студенческих кружков и иных мероприятий, однако было бы целесообразным и в рамках учебника обратить на них внимание.

Для российской юридической науки, правотворчества и практики в настоящее время актуальной является и взаимосвязь права мира с правом вооружённых конфликтов. Возрастание значимости проблем в области обеспечения мира, его защиты и предотвращения военных конфликтов, необходимости подготовки специалистов для работы в международных, государственных и общественных организациях обуславливает необходимость развития отрасли права мира и распространения практики её изучения в вузах для студентов и аспирантов⁵. Тем более, что авторы обращают внимание на важность таких позитивных действий, как проведение мирных конференций, в результате

которых появляются фундаментальные конвенции [с. 24].

Известно, что имеется большое число принципов и правовых норм, которые посвящены обеспечению, защите и восстановлению мира. Смежным правовым институтом для права мира и права вооружённых конфликтов (права войны) является обеспечение мирной жизни населения во время военных действий. В доктринальном понимании международное гуманитарное право, на наш взгляд, это и есть правовой комплекс, который нацелен на доминирование права мира над правом войны и на защиту мирной жизни, исходя из принципа гуманизма. В этой связи целесообразно добавить в структуру дисциплины международного гуманитарного права знания об основных институтах права мира.

Авторы учебника вполне могут расширить в будущем свой учебник и раскрыть в нём вопросы, касающиеся права мира и его взаимосвязям с международным гуманитарным правом.

Также полагаем, что теоретически оправданное стремление строить юридические знания, в т. ч. и с использованием достижений других наук (естественных и гуманитарных), может давать позитивный эффект только тогда, когда со стороны этих самых наук будет иметь место восприятие эффективности юридической науки для их собственного развития.

Рецензируемый труд, несомненно, выделяется в ряду учебников и займёт в нём должное место. Наполненное опытом учёных и практиков оригинальное издание под редакцией В. В. Алешина и А. Ю. Ястребовой, имеющих большой опыт педагогической работы, в конструктивных его положениях ориентирует и юридическую науку, и молодых специалистов на необходимость изучения дисциплины международного гуманитарного права.

¹ См.: Ковлер А. И. Европейская конвенция по правам человека и международное гуманитарное право: о пользе демаркационных линий // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 8. С. 146 - 152.

² См.: Безбородов Ю. С., Халафян Р. М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // Закон. 2022. № 8. С. 13–29.

³ Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах: спецвыпуск / под ред. Е. А. Степановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 331 с.

⁴ См.: Маммадов У. Ю. Роль судов в обеспечении соблюдения международного гуманитарного права во время и после окончания вооруженных конфликтов с террористическими группами // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 20–34; № 2. С. 38–54.

⁵ См.: Умнова И. А. Право мира: курс лекций. М.: Эксмо, 2010. 448 с.; Умнова-Конюхова И. А. Право мира и право безопасности на рубеже XX и XXI столетий: проблемы институционализации и развития // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Серия 4: Государство и право. 2023. № 1. С. 7–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правопведения Института научной информации по общественным наукам РАН;
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Алешкова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий сектором НБИ по социальным наукам Института научной информации по общественным наукам РАН;
e-mail: ialeshkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Umnova-Koniukhova – Dr. Sci. (Law), Prof., Leading Researcher, Department of Legal Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION);
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Irina A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Scientific and Bibliographic information, Sector for Social Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION);
e-mail: ialeshkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. From the law of war to the law for peace, Право вооружённых конфликтов в правовой действительности, или Рецензия на публикацию: Международное гуманитарное право: учебник / под науч. ред. В. В. Алешина, А. Ю. Ястребовой. М.: Проспект, 2023. 232 с. // Московский юридический журнал. 2022. № 3. С. 107–111.

FOR CITATION

Umnova-Koniukhova I. A., Aleshkova I. A. From the Law of War to the Law for Peace, Law of Armed Conflict in Legal Validity, or Publication Review: Aleshin V. V., Yastrebova A. Yu., eds. International Humanitarian law: Textbook. Moscow, Prospect Publ., 2023. 232 p. In: *Moscow Juridical Journal*, 2021, no. 3, pp. 107–111.



МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2023. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Корректор И. К. Глудунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,5, уч.-изд. л. 9,25.
Подписано в печать: 31.10.2023 г. Дата выхода в свет: 20.11.2023 г. Заказ № 2023/10-03.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А